

НИКОЛАЙ
ТИХОНОВ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

1

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

---

*ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ*

В ДВУХ ТОМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1955

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

---

*ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ*

ТОМ

I

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1955

*Постановлением
Совета Народных Комиссаров Союза ССР
от 11 апреля 1942 года*

*ТИХОНОВУ
НИКОЛАЮ СЕМЕНОВИЧУ*

*присуждена Сталинская премия
первой степени за поэму «Киров с нами»,
стихи «В лесах, на полянах на миштых»,
«Растет, шумит тот вихрь народной славы»
и другие*

★

*Постановлением
Совета Министров Союза ССР
от 8 апреля 1949 года*

*ТИХОНОВУ
НИКОЛАЮ СЕМЕНОВИЧУ*

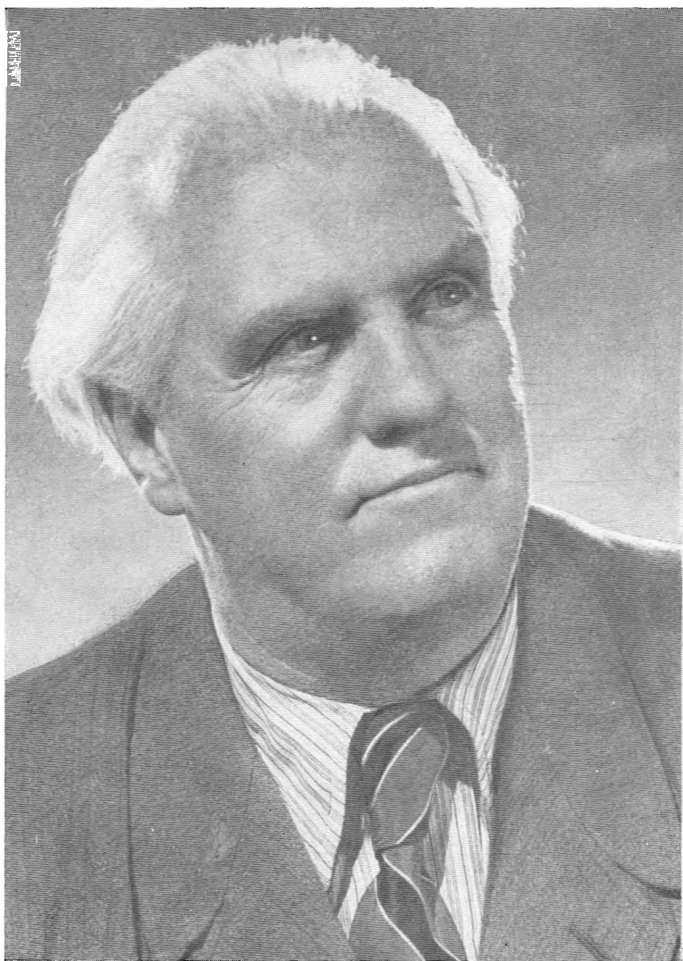
*присуждена Сталинская премия
первой степени за цикл стихов
«Грузинская весна»*

★

*Постановлением
Совета Министров Союза ССР*

*ТИХОНОВУ
НИКОЛАЮ СЕМЕНОВИЧУ*

*за циклы стихов «Два потока»,
«На Втором Всемирном конгрессе мира»
присуждена Сталинская премия
первой степени за 1951 год*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Иногда мне кажется, что я жил несколько жизней. Я помню среди ранних впечатлений моего детства пустынный Невский проспект, по которому шли стройными рядами моряки с перевязанными головами и руками под громкие приветственные крики людей, столпившихся на тротуарах. Это были экипажи легендарных «Варяга» и «Корейца», приехавшие в столицу. Этот же Невский проспект я помню в наше время, когда негде было упасть яблоку и для прохода оставалось всего несколько метров и в этом проходе, окруженные вплотную советскими людьми, медленно двигались машины с приехавшими в Ленинград челюскинцами, героями ледового похода, и полярными летчиками.

Я помню себя изучавшим с детства историю войн всего мира. У меня, как и у других мальчиков нашего дома, были сотни и тысячи бумажных солдат. Эти «армии» мы приносили друг к другу, и они воевали на столах и на полу, на стульях и подоконниках. Когда я стал настоящим солдатом, то не раз вспоминал на походных привалах и на походных дорогах первой мировой войны эти детские игры, не понять почему пользовавшиеся таким вниманием мальчишек. Как будто они предвидели, что их ожидает настоящая солдатская страда. Память оживает передо мной и песчаные дюны Пулеметной горки, и Тирульское болото под Ригой, и живописные холмы Сигулды, называвшейся тогда Зегевольдом, и берега Двины, изрытые окопами, и далекий вечер в Латвии под мызой святого Николая, у Роденпойса, где я участвовал в кавалерийской атаке.

Я помню Пулково, тихое и мирное место в дни моей юности, Пулково в суровые времена гражданской войны, где красноармейцы громили полки Юденича, шедшие на Петроград, Пулково, опять погруженное в тишину, в мир, ушедшее в науку, и вслед за этим Пулково, которое сотни дней тряслось от непрерывных разрывов снарядов и бомб, являясь Малаховым курганом осажденного Ленинграда, и вижу Пулково снова с восстановленными башнями обсерваторий, с наступившей вновь тишиной и молодыми деревьями вокруг.

Когда мне было лет двенадцать—тринадцать, я начал увлекаться Востоком, в частности Индией. Поглощая огромное количество книг, я жаждал всем рассказывать о прочитанном, но слушателей у меня не находилось. Тогда я рисовал индийские пейзажи, большей частью вымышленные, и, сделав подобие волшебного фонаря, показывал эти картинки маленьким моим слушателям, которые имели по семи-восемь лет и охотно смотрели их, но лекций моих слушать не хотели. Я покупал их внимание, выдавая им по несколько копеек, чтобы заставить их слушать мои рассказы об индийской истории и географии.

Никогда я не думал, что когда-нибудь увижу своими глазами то, о чем прочитал так много. И когда я ходил по шумным улицам индийских городов в наши времена, стоял на берегу Бенгальского залива, видел знаменитые джунгли, исторические памятники прошлого величия, я не мог не вспоминать своего далекого детства и те раскрашенные картинки, которые служили подспорьем к моим «лекциям».

Я родился в Петербурге в 1896 году в семье, далекой от всякого искусства, от всякой науки. Мой отец был цирюльником, мужским парикмахером, мать — портнихой. Жили мы в тесной, маленькой квартире, где были всего две комнаты и кухня, в доме такой старины, что все двери покосились, потому что дом за полтора года своего существования сильно осел. Я не знал ничего о своих далеких предках, потому что след их начисто исчез. Из воспоминаний детства возникает моя бабушка, которая рассказывала мне, как свидетельница, о крепостном праве, о севастопольской войне, на которую уходили

из ее деревни молодые люди, о помещиках. Бабушка знала песни о той далекой старине, которую уже никто не помнил. Бабушка была неграмотна и так и не научилась читать. Со стороны отца дед тоже был крепостной. Только у бабушки помещик был граф Шереметев, а у деда — граф Бобринский.

Я воспитывался среди сыновей ремесленников, учился в городской школе, потом в Торговой, пятиклассной, где преподавали коммерческие науки, товароведение, корреспонденцию, стенографию. Ученики ходили в черных куртках, подпоясанные ремнем с пряжкой, на которой был изображен жезл древнего бога торговли Меркурия. Жизнь в среде ремесленников была скучная, однообразная. Жили маленькими заботами, чтити церковные и семейные праздники, ходили в гости, играли в карты не на большие деньги, летом снимали маленькие дачки или отдельные комнаты в окрестностях столицы, играли в городки, купались, пили пиво, водку, ссорились, мирились, крестили детей друг у друга, хоронили стариков и напивались с горя на поминках.

К моим исступленным занятиям литературой (я начал пробовать свои силы в писании рассказов и стихов очень рано) мои родные относились как к несерьезному увлечению, бесполезному, но и безвредному. Но мои знания по географии и истории, удивлявшие полуграмотных друзей отца, казались им, ничего не читавшим, кроме случайных книжек, не совсем понятными. Для чего в жизни могли пригодиться такие далекие от повседневного быта сведения, они никак не хотели понять.

Времена детства прошли. Я окончил Торговую школу, но, вместо того чтобы продолжать свое образование, должен был помогать семье, едва-едва сводившей концы с концами. Я поступил писцом в Главное морское хозяйственное управление. Каждый день отправлялся я под адмиралтейский шпиль и там усидчиво занимался всякими канцелярскими бумагами. Мне приходилось иметь дело с морскими чиновниками, людьми другой категории, чем окружавшие меня ремесленники. Во время ночных дежурств я много беседовал с людьми, близко принимавшими к сердцу трагедию русского военно-морского флота, говорившими о революционных традициях Свеа;

борга и Кронштадта, о броненосце «Потемкин» и лейтенанте Шмидте, о прошлом и настоящем флота. С этими людьми я мог говорить и о книгах и о дальних странах. Среди них были моряки, которые много плавали, ездили в командировки в Англию, Германию и в другие края.

Когда началась первая мировая война, я мог остаться «забронированным» в своем морском ведомстве, но я отказался от этого и подал заявление об уходе на фронт. Так началась моя военная биография. До войны я видел лошадей только у извозчиков и понятия не имел о боевом коне. Придя в казарму, в конюшне впервые увидел коней, на которых мне придется ездить; я, вытянув руку, не мог достать до холки — такие огромные были эти кадровые кони. Но нам пришлось скоро иметь дело не с этими великанами, а с маленькими злыми, необъезженными туркестанскими жеребцами, бившими ногами и кусавшими нас ежедневно. Фронтные гусарские дни — я был в гусарском полку — описаны мной в стихах «Жизнь под звездами», в книге «Военные кони» и в рассказах «Легкий завтрак» и «Вилла Мечта».

Я ездил по всей Прибалтике и возил в переметных сумках стихи, которые читал гусарам-приятелям, и многое им нравилось, потому что в этих стихах жили воспоминания о товарищах, пейзажи войны, походные зарисовки.

В год Октябрьской революции мне было только двадцать лет. Под впечатлением первых месяцев революции я написал целую книгу стихов, которая осталась в рукописи, хотя некоторые стихотворения, входившие в нее, читались на митингах и литературных вечерах красноармейской самодеятельности. Книга называлась «Перекресток утопий». Она посвящалась борьбе с контрреволюцией, победе пролетариата. Стихи этой книги были декларативны, наивны, слабы. Ко времени, когда я смог отобрать стихи для своей первой книги, я уже прошел битвы гражданской войны, принял после демобилизации твердое решение заняться литературой всерьез. Мечтания моих юных лет воплощались в кипучей революционной действительности. Я помню, с каким волнением я читал настоящему индусу, брамину

Вафе, в Москве мою маленькую поэму про индусского мальчика «Сами», написанную в девятнадцатом году и напечатанную через год в журнале «Красная новь». Вафа, говоривший хорошо по-русски, выслушал и сказал, что вообще это условно, но похоже.

Я окунулся с головой в шумный и пестрый литературный мир двадцатых годов. Вышли мои первые книги «Орда» и «Брага».

В те времена множество литературных направлений, школ и школок боролись между собой. Это было время дискуссий и литературных споров о направлении отечественной поэзии, о судьбах поэзии, о месте поэта в рабочем строю.

Большую роль сыграла в моей литературной судьбе поездка с группой писателей в Туркмению в 1930 году. Я увидел страну, в которой впервые бродил в 1926 году, охваченной социалистическим переустройством. Создавались первые колхозы и совхозы. Ломалось последнее сопротивление баев. Были еще и жаркие схватки с басмачами. Мы видели пустыню с ее своеобразным бытом, пограничные заставы и колхозы, города, в которых рождалось новое, сложную ирригацию и ее работников; мы проехали страну вдоль и поперек, из Керков спустились на каюке, везя разные товары для прибрежных кишлаков, по Аму-Дарье, наблюдали жизнь туркменского народа, испытали даже песчаную бурю (афганец). Эти дни никогда не изгладятся из памяти.

Чарующие картины восточной природы, туркменской весны, суровые будни пограничников на афганской и персидской границе, быт кочевников — все это каждый из участников поездки изобразил по-своему. Я написал тогда две книги: «Кочевники» и «Юрга».

Темами Востока я занимался с таким же прилежанием, с каким в детстве читал и писал о нем, еще не видя его. С 1922 года я присоединил к этой теме и тему Кавказа. Я исходил его от Приморских Альп, от Новороссийска до Аракса, от Дербента до Сухуми. В 1924 году впервые увидел Грузию и Армению, был на Земо-Авчалах, где строилась первая плотина на Куре, где стучали отбойные молотки, ревели моторы и кончалась вековая отсталость этого древнего места.

Каждый год я уходил летом в горы с небольшой группой друзей, изучая народы Кавказа, их жизнь, быт, историю, строительство новой жизни. Особенно меня интересовала тема становления советской власти на Кавказе, гражданская война, в которой принимали участие выдающиеся деятели партии — Серго Орджоникидзе и С. М. Киров.

Я стал заниматься переводами грузинских, армянских, дагестанских поэтов. Собирая материал для фильма «Друзья» — о дружбе народов и о деятельности Кирова на Кавказе, — мы с режиссером Арнштамом облазили и объездили верхом много долин и ущелий, много имели встреч с партизанами, участниками гражданской войны, пережили много приключений. Тема Кавказа нашла свое воплощение в книге «Грузинская весна», в «Стихах о Кахетии», в цикле стихотворений «Горы» и в рассказах «Симон-большевик», «Кавалькада» и др.

В 1935 году я в составе советской делегации был на Конгрессе в защиту прогресса и мира в Париже. Впервые увидел страны Европы, бродил по Варшаве, еще не предчувствовавшей роковой осени 1939 года, по Вене, где еще на домах остались следы уличных боев тридцать четвертого года, видел Париж, куда съехались представители многих стран для участия в Конгрессе, гулял по Лондону и возвратился морем в Ленинград. По дороге наш пароход проходил Кильским каналом, и я видел, с какой лихорадочной поспешностью происходит подготовка фашистов к будущей войне. В воздухе шли непрерывные воздушные учебные бои, на воде множество кораблей всех систем производили ученье, из недр моря прямо перед островом Гельголандом вынырнула подводная лодка, на палубе которой появились штатские и военные, повидимому происходила передача новой подлодки военным морякам.

Знатоки Европы иронически отнеслись в Париже к моему пессимистическому взгляду на вещи. Я говорил им, что чувствовал, а я чувствовал, что война близко, что фашистский зверь прыгнет очень скоро на этот не думающий об опасности древний материк, потому что этого зверя готовят к прыжку опытные тренеровщики, а кое-кому выгодно, чтобы европейские народы были

усыплены и разъединены. Книга стихов «Тень друга», написанная о том времени, передавала мои впечатления от разных стран и людей. Много написанное в тридцать пятом и тридцать шестом годах сбылось через три года с самой мрачной точностью. Я не знал, возвращаясь домой, что новая война скоро и меня самого позовет на защиту родного города Ленинграда.

В сумрачных зимних лесах Карельского перешейка, умываясь по утрам снегом из свежего сугроба в декабре 1939 года, я знал, что это не конец военных испытаний, а только начало новых. Долгие походы по Кавказским горам, ночевки в лесах, на снегу, в скалах, под ветром и снегом закалили меня, и я переносил сильнейшие морозы и вьюги зимней войны довольно стойко. Даже палатка, в которой жил под Выборгом, напоминала мне лагерь в горах, и артиллерийский налет иногда очень походил на грохот камнепада.

В июне сорок первого года я уезжал из Риги после съезда латышских писателей, и кто-то из провожавших на вокзале мне сказал — вы уезжаете накануне больших событий. Я не обратил внимания на эту фразу, думал, что она относится к литературной жизни, но, приехав в Ленинград, уже через день слушал речь В. М. Молотова о вероломном нападении Гитлера на Советский Союз.

Началась великая эпопея Ленинградской обороны. До сих пор еще не описаны как следует героические бои на подступах к Ленинграду в августе, штурм города в сентябре сорок первого года. Нельзя было узнать знакомые с детства городки и парки вокруг Ленинграда. Нельзя было узнать и города затемненного, укрепленного со всех сторон и освещаемого заревами взрывов и пожаров.

Горели леса и деревни, старые дворцовые городки. Кольцо огня и дыма окружало Ленинград. Девятьсот дней битвы за Ленинград — это книга, которую еще не читало человечество. Я, с детства изучавший военную историю сражений и осад, мог свидетельствовать, что не было примера в истории, подобного Ленинграду и его защитникам.

Мне пригодились в моей работе в Политуправлении Ленинградского фронта и мои теоретические знания и мой военный опыт трех войн, участником которых я был.

Очень пригодились и различные литературные жанры. Стихи и проза, очерк и рассказ, листовка, статья, обращение — все было взято на вооружение. Я работал вместе со многими писателями Ленинградского фронта, которые делили со всеми ленинградцами тяготы осады и всевозможные лишения, связанные с полным или почти полным окружением города.

Мы чувствовали ежедневную, постоянную, могучую помощь Партии, Правительства, Родины. В самые тяжелые минуты ленинградцы находили выход из положения.

Кончилась героическая оборона, враг был разбит и понес заслуженное возмездие, пришла окончательная победа. Наступили мирные годы, годы восстановления и нового движения вперед.

Но не успели еще исчезнуть следы войны и много еще развалин говорило о страшном вчерашнем уничтожении людей и народных богатств, как новые поджигатели войны начали организовывать агрессивные блоки и союзы, в первую очередь угрожая безопасности Советского Союза.

В борьбе с врагами мира возникло всемирное историческое движение народов за мир. Вроцлавский конгресс положил основание этому движению, Парижский конгресс завершился организацией сторонников мира, Варшавский конгресс увенчался созданием Всемирного Совета Мира. С 1949 года я являюсь председателем Советского комитета защиты мира, с 1950 года — членом Всемирного Совета Мира.

Я, старый солдат, стал активным сторонником мира. Должен сознаться, что, даже когда в юности я изучал истории войн, я не увлекался завоевателями, я изучал их походы, как историк, исследующий военное искусство всех времен, прекрасно понимал сущность первой мировой войны, как войны империалистической.

Дальше были войны справедливые. Оборона красного Питера, защита Ленинграда от белофиннов и фашистов. Теперь, борясь за мир, я могу говорить об ужасе войн людям, не испытавшим на себе этих бедствий, — там за рубежом, где иногда понятия не имеют о том, что пережили советские люди и какое мужество для спасения всего человечества от фашистского ига они проявили.

Участвуя в движении за мир, я был во многих странах Европы и Азии. Пришлось мне увидеть и те страны, пейзажи которых я рисовал мальчиком, изучал их с юности. Я увидел Индию и Пакистан, высочайшие вершины Гималаев, Гиндукуша. Я проезжал дикими дорогами Афганистана, был в древних индийских городах, среди друзей мира, друзей Советского Союза.

Мне было очень радостно узнать, что мои стихи и рассказы известны в этих странах. Я увидел удивительную, могучую, древнюю и снова молодую страну — Народный Китай. В октябре 1952 года я поехал в Китай с делегацией ВОКСа на Первый Конгресс Общества китайско-советской дружбы.

Побывав во многих китайских городах, я своими глазами увидел там огромные достижения во всех областях народной жизни. Любовь, которую проявляет китайский народ к советским людям, мы испытали на себе. Пребывание среди китайских трудящихся, интеллигенции, ученых дает так много нового, что вы начинаете ощущать себя помолодевшим и заново видящим мир, о котором никакие книги не могут дать полного представления.

Я уезжал из Китая, полный огромных впечатлений, чувства благодарности и пожеланий счастья великому китайскому народу.

На всех конференциях и конгрессах мира мы видим рядом с собой, плечо к плечу, наших дорогих друзей — китайских представителей, борцов за мир.

Тема дружбы народов давно жила в моих стихах. В последние годы она нашла свое отражение в цикле «Два потока», посвященном поездке в Пакистан и Афганистан, и в стихах «На Втором Всемирном конгрессе сторонников мира», и ряде других стихотворений.

Стихотворений написано мной за долгие годы очень много. Есть среди них стихи, звучащие уже десятки лет, есть стихи суховатые или чересчур сложные. Поиск лучшей формы иногда заводили меня в дебри слишком формальных исканий, и такие стихи я не перепечатаваю. Много юношеских стихов совсем не увидело света, лежит в архиве, хотя есть там стихи искренние и хорошие, но сегодня они, конечно, не могут звучать так, как звучали в те далекие дни молодости.

Я, как и многие поэты нашего времени, могу сказать, что меня сделала поэтом Октябрьская революция. Она открыла мне глаза на мир и воспитала во мне чувство того великого интернационализма, которое соединяет народы и дает им силу в борьбе за будущее, за укрепление лагеря мира, за выход демократических народов на путь социализма.

Быть поэтом и прозаиком в такое удивительное время, как наше, большая радость и большая ответственность.

Маяковский считал, что он в долгу перед многими темами, самыми разными, жалел, что он не написал о вишнях Японии, о Красной Армии, о Бродвейской лампионии и о небе своего родного Багдади. Каждый поэт может найти в своей памяти темы, которые он хотел бы видеть воплощенными в своих стихах.

О многом не написал и я, надеюсь, что мне еще удастся написать и новые стихи и новую прозу, которые будут скромным вкладом в нашу большую, многонациональную советскую литературу!

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Москва
1954 г.

ЖИЗНЬ
ПОД ЗВЕЗДАМИ
ИЗ ПОХОДНОЙ ТЕТРАДИ

1916-1917

*

ДРУГУ

Ночь без луны кругом светила,
Пожаром в тишине грозя,
Ты помнишь все, что с нами было,
Чего забыть уже нельзя:

Наш тесный круг, наш смех открытый,
Немую сладость первых пуль,
И длинный, скучный мост Бабита,
И в душном августе Тируль.

Как шел ночами, колыхаясь,
Наш полк в лиловых светах сна,
И звонко стучались, встречаясь,
Со стремянами стремяна.

Одних в горящем поле спешил,
Другим замедлил клич: пора!
Но многие сердца утешил
Блеск боевого серебра.

Былое заключено в книги,
Где вечности багровый дым,
Быть может, мы у новой Риги
Опять оружие обнажим.

Еще насмешка не устала
Безумью времени служить,
Но умереть мне будет мало,
Как будет мало только жить.

РАНЕНЫЙ

Дрожащий не от боли — от испуга —
И раненую ногу волоча,
Снимал он под сочувственную ругань
Свою рубаху с потного плеча.

Угрюмый фельдшер равнодушно слушал,
Как бинт шуршал, и губы кверху гнул,
И он пошел, и уносили уши
Мелькнувшей смерти колокольный гул.

И там, где рана, колыхалось пламя,
И ребра зверь неустающий грыз,
И гулками зелеными руками
Казались ветки, падавшие вниз.

Все закружилось в нестерпимом свете,
И не понять: то ветер или стон,
Деревья, как танцующие плети,
Смеются, бьют его со всех сторон.

...Двуколка прыгала в ночной прохладе,
Шумя, бежала черная страна.
И он в поту неудержимо падал
На камни дна, не достигая дна.

В ОПЕРЕ В РИГЕ

Надрываясь от страсти нездешней
Посреди облинялых куртин,
В этом бархатном мире безгрешном
Меч картонный вертел Валентин.

И я знал: Валентин отстрадает
Под хлопки очарованных дам,
А меня под дождем ожидает
Мглистый путь по разбитым полям.

О, как вспомню улыбки и пенье,
Когда в скользком дыханье болот
Я пройду по ходам общения,
Чтоб послушать, как строг пулемет.

ДОЗОР НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Идут засаленные карты
По необычному столу —
Обломкам старой черной парты,
Летает ругань в полумглу.

Сосредоточенные лица
И крики яростных врагов,
Им вторят моря небылицы
И сосны рыжих берегов.

И под луной, такой печальной,
Оглушена, потрясена
В пустынных комнатах купальной
Гусарским громом тишина.

Прошедших дней немые беды
Хранят свой величавый вид,
И завтра день — не день победы,
Мне тоже сердце говорит.

О смерти думать бесполезно,
Раз смерть стоит над головой,
Я бросил юность в век железный,
В арены бойни мировой.

* * *

Котелок меня по боку хлопал,
Гул стрельбы однозвучнее стал,
И вдали он качался, как ропот,
А вблизи он висел по кустам.

В рыжих травах гадюки головка
Промелькнула, как быстрый укол,
Я рукой загорелой винтовку
На вечернее небо навел.

И толчок чуть заметной отдачи
Проводил мою пулю в полет.
Там метался в обстреле горячем
Окружаемый смертью пилот.

И, салютом тяжелым оплакан,
Серый «Таубе» в гулком аду
Опрокинулся навзничь, как факел,
Зарываясь в огонь на ходу.

И мне кажется, в это мгновенье
Остановлен был бег бытия,
Только жили в глухих повтореньях
Гул и небо, болото и я.

Р И Г А

Мы шли к тебе в часы рассвета,
И перед нами шел туман,
Да в облаках далеко где-то
Гудел враждебный моноплан.

В тумане город будто гнулся,
Как будто падал в пустоту,
Недаром конь мой вдруг споткнулся
В то утро на твоём мосту.

Он чувствовал чутьем звериным,
Что мы идем в последний раз,
Что этот час, нарочно длинный,—
Прощанья с целым краем час.

Уже тесняся перед нами,
Держа пути во все концы,
Большими темными рядами
Вдаль уходили беглецы.

Сегодня по своим аллеям
Услышишь ты свинцовый шаг.
Не будет тонким чародеем
Бессильный и всеильный враг.

Да, он бессилен снять с покровов
Твоей истории века,
Но цепью крепкою и новой
Тебя скует его рука.

Он подошел и бросил сталью,
Был виден ясный недолет,
На Север в сумрачные дали
Мы в новый тронулись поход.

АТАКА ПОД РОДЕННОЙСОМ

Последний длинный луч заката
Я помню до сих пор.
Мы дрались, как во времена Мюрата,
Рубя в упор.

И с каждым взмахом становились злее,
Жестоким был тот час,
И враг, спеша нас перебить скорее,
Шел на плечах у нас.

Дышало небо звездными красами,
Безмолвию маня,
Под выстрелами долгими часами
Я не слезал с коня.

И там, где лес снаряды гнули,
Я придержал коня.
Других кругом искали пули,
Но не меня.

В покое смутном сердце билось,
Был час, как образ сна,
Я знаю: за меня молилась
На Севере — одна!

* * *

Базара пустынные камни,
Дома, где отчаянье спит,
На окнах дубовые ставни
Глядят в безысходность раки.

Все вымерло в улицах малых,
Как будто их мрак откупил,
Как будто чума пировала
И пеплом засыпала пир.

Товарищ ругался беззлобно,
Свистел я, чтоб ночь превозмочь,
Но были мы вкованы оба
В совсем неподвижную ночь.

И вдруг эскадронов в разбеге
Донесся чеканенный гул,
И мертвый солдат на телеге
Тяжелой рукой шевельнул.

* * *

Почему душа не под копытами,
Не разбита ночью на куски,
Тяжко ехать лесом тем, пропитанным
Иодистым дыханием тоски.

Словно хлора облако взлохмаченно,
Повисает на кустах туман,
В нем плывут, тенями лишь означены,
Может — копны, может быть — дома.

Конь идет знакомым ровным шагом,
Службу он несет не кое-как...
А по всем лесам, холмам, оврагам
Спят костры, пронзая желтым мрак.

Едем мы сквозь черной ночи сердце,
Сквозь огней волнующую медь,
И не можем до конца согреться:
Или до конца окаменеть,

СМЕРТЬ ДРУГА

Я свежий труп ищу в траве,
Я свежий труп ищу,
Он пал с осколком в голове,
Я — странно! — не грущу,

Лишь потому, что и меня,
Чтоб знать, где зарывать,
Вот так же будут в травах дня
Товарищи искать.

Земля одна и смерть одна,
Но почему я стал?
Мне голова его видна
И темных губ овал.

«Убит!» — сказали про него.
Я труп его искал,
Нашел, поцеловал его
И молча закопал.

ЗАМОК ВОЛЬМАРСГОФ

Мы вошли с оружием на закате,
Видим — птицы: ястреб и сова
Смотрят в сад, где на широком скате
Желтая бессильная трава.

Вдаль ушли пустынные дорожки
До ворот, что буря сорвала,
Вдоль забора одичало кошка
Промелькнет — и снова глушь и мгла.

Не войдет в покой уединенный
Прошлых лет хозяин иль слуга,
На стене, как ветхие знамена,
Ряд ковров. Лосиные рога.

Умерли баронские мечтанья,
Сброшены с высокого крыльца.
Как проклятье, душно это зданье,
Ряд столетий ждущее конца.

* * *

Я забыт в этом мире покоем,
Многооки́м, хромым стариком;
Никогда не молюсь перед боем,
Не прошу ни о чем, ни о ком.

И когда загорится граната
Над кудрями зелеными рощ,
Принимаю страданье, как брата,
Что от голода долгого тощ.

Только я ожидаю восхода
Необычного солнца, когда
На кровавые нивы и воды
Лягут мирные тени труда.

О Р Д А

1919 - 1921

...Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил...

Баратынский.

* * *

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Даже породниться с нею стоит,
Снова глину замешать огнем,
Каждое желание простое
Осветить неповторимым днем.

Так живу, а если жить устану,
И запросится душа в траву,
И глаза, не видя, в небо взглянут,—
Адвокатов рыжих позову.

Пусть найдут в законах трибуналов
Те параграфы и те года,
Что в земной дороге растоптала
Дней моих разгульная орда.

* * *

Огонь, веревка, пуля и топор,
Как слуги, кланялись и шли за нами,
И в каждой капле спал потоп,
Сквозь малый камень прорастали горы,
И в прутике, раздавленном ногою,
Шумели чернорукие леса.

Неправда с нами ела и пила,
Колокола гудели по привычке,
Монеты вес утратили и звон,
И дети не пугались мертвецов...
Тогда впервые выучились мы
Словам прекрасным, горьким и жестоким.

* * *

Над зеленою гимнастеркой
Черных пуговиц литые львы;
Трубка, выжженная махоркой,
И глаза стальной синевы.

Он расскажет своей невесте
О забавной, живой игре,
Как громил он дома предместий
С бронепоездных батарей.

Как пленительные полячки
Присылали письма ему,
Как вагоны и водокачки
Умирили в красном дыму.

Как прожектор играл штыками,
На разбитых рельсах звеня,
Как бежал он три дня полями
И лесами — четыре дня.

Лишь глазами девушка скажет,
Кто ей ближе, чем друг и брат,
Даже радость и гордость даже
Нынче громко не говорят.

* * *

Посмотри на ненужные доски —
Это кони разбили станки.
Слышишь свист, удаленный и плоский?
Это в море ушли миноноски
Из заваленной льдами реки.

Что же, я не моряк и не конник,
Спать без просыпа? Книгу читать?
Сыпать зерна на подоконник?
А! я вовсе не птичий поклонник,
Да и книга нужна мне не та...

Жизнь учила веслом и винтовкой,
Крепким ветром, по плечам моим
Узловатой хлестало веревкой,
Чтобы стал я спокойным и ловким,
Как железные гвозди — простым.

Вот и верю я палубе шаткой,
И гусарским упругим коням,
И случайной походной палатке,
И любви, расточительно краткой,
Той, которую выдумал сам.

* * *

Когда уйду, — совсем согнется мать,
Но говорить и слушать так же будет,
Хотя и трудно старой понимать,
Что обо мне рассказывают люди.

Из рук уронит скользкую иглу,
И на щеках заволокнутся пятна,
Ведь тот, что не придет уже обратно,
Играл у ног когда-то на полу.

С В И Ф Т

Всему здесь низкая цена:
Помои, взмыленную воду
Льют на голову из окна
Нечаянному пешеходу.
Из длинных щелей кислый пар,
У двери — с глиною носилки,
Насколько крепки черепа,
С утра уж пробуют бутылки.

Любовь, целуй в подбитый глаз
Матроса, нищего, воровку!
Не всем в парламенте атлас,
Но всем в Ньюгете есть веревка.
Но и в карет сановный бег
Иной раз камень свистнет кстати,—
На страже резкий человек
В зеленом чучельном халате.

Он знает, дерзостный старик,
Какой вас ветер сдунуть может,—
Тебя, Филипп, гнилой мясник,
Вас, королева Анна,— тоже.
Молчи, слепая голытьба!
Пусть говорят одни памфлеты;
Они лишь зерна, а борьба,
Как урожай, не раньше лета.

И лорд, в батист упрятав нос,
За сто гиней просить союза

Идет во весь расшитый рост
К тому, кто в ссоре даже с музой.
«День добрый, друг, я в вашей воле...» -
«Спасибо, герцог, я польщен.
Сегодня ваш обед без соли, —
Так вот вам соль: ступайте вон!
Прошу, я с вами незнаком».
О, сколько счастья вслед гинеям
Швырнуть дырявым башмаком
И засмеяться, не бледнея!
Пусть злоба хлопает дверьми,
Отсюда — есть терпенью мера —
Впервые лилипутский мир
Услышит голос Гулливера.

Ведь здесь, уставшая молчать,
В обложке из тисненой кожи
Лежит высокая тетрадь,
Всех лордов Лондона дороже.

* * *

Полюбила меня не любовью,
Как березу огонь,— горячо,
Веселее зари над становьем
Молодое блестело плечо.

Но не песней, не бранью, не ладом
Не ужились мы долго вдвоем,—
Убежала с угрюмым·номадом,
Остробоким свистя каиком.

Ночью, в юрте, за ужином грубым
Мне якут за охотничий нож
Рассказал, как ты пьешь с медногубым
И какие подарки берешь.

«Что же, видно, мои были хуже?» —
«Видно, хуже»,— ответил якут
И рукою, лиловой от стужи,
Протянул мне кусок табаку.

Я ударил винтовкою о землю,
Взял табак и сказал: «Не виню.
Видно, брат, и сожженной березе
Надо быть благодарной огню».

* * *

Длинный путь. Он много крови выпил.
О, как мы любили горячо —
В виселиц качающемся скрипе
И у стен с отбитым кирпичом.

Этого мы не расскажем детям,
Вырастут и сами все поймут,
Спросят нас, но губы не ответят
И глаза улыбки не найдут.

Показав им, как земля богата,
Кто-нибудь ответит им за нас:
«Дети мира, с вас не спросят платы,
Кровью все откуплено сполна».

БРАГА

1921-1924

*

..И вечный бой! Покой нам только снится.

А. Блок.

П Е Р Е К О П

Катятся звезды, к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих,
Винтовка, подсумок, противогаз
И хлеба — фунт на троих.

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад.
Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал, и огонь, и дым,
Но приказу верен солдат.

«Красным полкам —
За капканом капкан...»
...Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг — наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед —
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступить черед.

За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами — города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.

За горами же солнце, и отдых, и рай,
Пусть это мираж — все равно!
Когда тысячи крикнули слово: «Отдай!» —
Урагана сильнее оно.

И когда луна за облака
Покатилась, как рыбий глаз,
По сломанным рыжим от крови штыкам
Солнце сошло на нас.

Дельфины играли вдали,
Чаек качал простор,
И длинные серые корабли
Поворачивали на Босфор.

Мы легли под деревья, под камни, в траву,
Мы ждали, что сон придет,
Первый раз не в крови и не наяву,
Первый раз на четвертый год...

Нам снилось, если сто лет прожить —
Того не увидят глаза,
Но об этом нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать!

БАЛЛАДА О СИНЕМ ПАКЕТЕ

Локти резали ветер, за полем — лог,
Человек добежал, почернел, лег.

Лег у огня, прохрипел: «Коня!»,
И стало холодно у огня.

А конь ударил, закусил мундштук,
Четыре копыта и пара рук.

Озеро — в озеро, в карьер луга,
Небо согнулось, как дуга.

Как телеграмма, летит земля,
Ровным звоном звенят поля.

Но не птица сердце коня, не весы,
Оно заводится на часы.

Два шага — прыжок, и шаг хромал,
Человек один пришел на вокзал.

Он дышал, как дырявый мешок.
Вокзал сказал ему: «Хорошо».

«Хорошо», — прошумел ему паровоз
И синий пакет на север повез.

Повез, раскачиваясь на весу,
Колесо к колесу, колесо к колесу.

Шестьдесят верст, семьдесят верст,
На семьдесят третьей — река и мост.

Динамит и бикфордов шнур — его брат,
И вагон за вагоном в ад летят.

Капуста, подсолнечник, шпалы, пост,
Комендант прост и пакет прост.

А летчик упрям и на четверть пьян,
И зеленою кровью пьян биплан.

Ударили в небо четыре крыла,
И мгла зашаталась, и мгла поплыла.

Ни прожектора, ни луны,
Ни шороха поля, ни шума волны.

От плеч уж отваливается голова,
Тула мелькнула — плывет Москва.

Но рули заснули на лету,
И руль высоты проспал высоту.

С размаху земля навстречу бьет.
Путая ноги, сбегался народ.

Сказал с землею набитым ртом:
«Сначала пакет — нога потом».

Улицы пусты — тиха Москва,
Город просыпается едва-едва.

И Кремль еще спит, как старший брат,
Но люди в Кремле никогда не спят.

Письмо в грязи и в крови запеклось,
И человек разорвал его вкось.

Прочел, о френч руки обтер,
Скомкал и бросил за ковер:

«Оно опоздало на полчаса,
Не нужно — я все уже знаю сам».

БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица:

«Команда, во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.

И слова равняются в полный рост:
«С якоря в восемь. Курс — ост.

У кого жена, дети, брат —
Пишите, мы не придем назад.

Зато будет знатный кегельбан». —
И старший в ответ: «Есть, капитан!»

А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.

«Не все ли равно, — сказал он, — где?
Еще спокойней лежать в воде».

Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

ПЕСНЯ ОБ ОТПУСКНОМ СОЛДАТЕ

Батальонный встал и сухой рукой
Согнул дополам камыш:
«Так отпустить проститься с женой,
Она умирает, говоришь?»

Без тебя винтовкой меньше одной,—
Не могу отпустить. Погоди:
Сегодня ночью последний бой.
Налево кругом — иди!»

...Пулемет задыхался, хрипел, бил,
И с флангов летел трезвон,
Одиннадцать раз в атаку ходил
Отчаянный батальон.

Под ногами утренних лип
Уложили сто двадцать в ряд.
И табак от крови прилип
К рукам усталых солдат.

У батальонного по лицу
Красные пятна горят,
Но каждому мертвецу
Сказал он: «Спасибо, брат!»

Рукою, острее ножа,
Видели все егеря,
Он каждому руку пожал,
За службу благодаря.

Пускай гремел их ушам
На другом языке отбой,
Но мертвых руки по швам
Равнялись сами собой.

«Слушай, Денисов Иван!
Хоть ты уж не егерь мой,
Но приказ по роте дан,
Можешь идти домой».

Умолкли все — под горой
Ветер, как пес, дрожал.
Сто девятнадцать держали строй,
А сто двадцатый встал.

Ворон сорвался, царапая лоб,
Крича, как человек.
И дымно смотрели глаза в сугроб
Из-под опущенных век.

И лошади стали трястись и ржать,
Как будто их гнали с гор,
И глаз ни один не смел поднять,
Чтобы взглянуть в упор.

Уже тот далеко ушел на восток,
Не оставив на льду следа,—
Сказал батальонный, коснувшись щек:
«Я, кажется, ранен. Да».

АФГАНСКАЯ БАЛЛАДА

Леса кораблей, контор редуты,
Машин и монет блистанье,
А вся эта мельница на ходу
Зовется Великобритания.

Синебородые, глина предместий,
Вершин ледяной кочан,
Чалма и песок, а все это вместе
Зовется Афганистан.

Но синебородых людей не слабее
Люди из Лондона и Бомбея.
Им спать не дает сознание, что вот —
Рядом пасется вольный народ.

Им, толстым, тесно и душно,
Их гордость приказ отдает,
И сто бомбовозов воздушных
Тотчас же выходят в поход.

Сто ястребов вышли недаром
Из школы захватчиков старых
Китченера и Родса —
Попробуй с ними бороться.

Задела колодец налетчиков бомба —
Сразу старик завертелся и обмер.
Зарылася в пашню — пашня дыбом,
Скалы заплывали, точно рыбы.

Британского летчика когти остры:
Жилищ обреченных полосы
В костры побросал он, заставив костры
Вопить человеческим голосом.

Горы Пагмана и воды Кабула
Зарылись в дыму, опьянели от гула.

Тогда бомбовозы стали свистать
Победу, кичая властью,
И не было рук достать их,
И не было слов проклясть их.

Земля чернела, точно пах
Убитых лошаков,
Но каждый ярд ее пропах
Угрозой глубоко.

Афганец, тяжкодум густой,
Не хочет покориться;
«Пусть в небе ястреб не простой,
Но ястреб все же птица.

А если птица сеет гром —
Мы эту птицу подобьем».

Он глазом каменным следит
Кривых эскадр полет,
Качнулся, меткой пулей сбит,
Разбойничий пилот.

За ним другой, еще за тем
Перевернулись в высоте...

Очистив к ночи небосклон,
Угрюмый горец встретил сон:
Он доказал, что не слабее
Людей блестящего Бомбея.

А утром в небе выжег хвост,
Свистя, сто первый бомбовоз.

И горец, по ущелью мчась,
Сто первой пулей увлечен,
Винтовку вскинул на плечо...
Так эта битва началась.

* * *

Не заглушить, не вытоптать года,—
Стучал топор над необъятным срубом,
И вечностью каленая вода
Вдруг обожгла запекшиеся губы.

Владеть крылами ветер научил,
Пожар шумел и делал кровь янтарной,
И брагой темной путников в ночи
Земля поила благодарно.

И вот под небом, дрогнувшим тогда,
Открылось в диком и простом убранстве,
Что в каждом взоре пенится звезда
И с каждым шагом ширится пространство.

* * *

Потным штыком банку пробил,
Зажевали губы желтое сало,
Он себя и землю любил,
И ему показалось мало.

От моря до моря крестил дороги,
Желтое сало — как желтый сон,
А запаивал банку такой же двуногий,
Такой же не злой и рябой, как он.

Галдели бабы: зайди, пригожий!
Ворчали деды: погоди, погоди!
От моря до моря все было то же,
Как ты ни пробуй, как ни ходи.

Язык по жестянке жадно бегал,
Не знает консервный заморский слуга,
Как можно любить эти комья снега,
Кривые цветы на колючих лугах.

А ударит буря или сабля положит,
Покатится банка, за ней — голова.
Ну, как рассказать, что всего дороже
Живая впитавшая кровь трава.

* * *

Еще в небе предутреннем и горбатым
Тучи горят в пустырях ночных.
Самой последнею и злою платой
Я откупил силу рук твоих.

Люди легли, как к саням собаки,
В плотно захлестнутые гужи,—
Если ты любишь землю во мраке
Больше, чем звезды,— встань и скажи.

Песню наладим, как ладят шхуну,
Встретим сосну — улыбнись, пойму,
Песенным ветром на камни дуну —
И камни встанут по одному.

Отчего и на глине и на алмазе
Рука твое имя всегда найдет?
Ветка курчавая знает разве,
К солнцу какому она растет?

ЧЕЛОВЕК С СЕВЕРА

Они верили в то, что радость — птица,
И радость была большим крылом,
Под ногами крутилась черной лисицей,
Вставала кустами, ложилась льдом.

Лед пылью слепящей, сухой и колкой
Этот снівшийся путь не во сне, не во сне
окрыжил—
Так плечо о плечо, — а навстречу сугробы и елки,
А навстречу сторожка у сосновой бежит межи.

Кто войдет в нее — сам приготовит ужин,
Разбуйнит огонь и уж больше ночей не спит,
И кровь его смешана с ветром, с вьюжной
тяжелой стужей,
Долгою зимнею песней не удержиимо стучит.

Ночная земля осыпана снегом и хмелем,
Мы отданы ей, мы земному верны мятежу—
В расплавленной солнцами Венецуэле
Пальмовым людям когда-нибудь все расскажу:

О сердцах, о глазах, больших и тревожных,
О крае моем, где только зима, зима,
О воде, что, как радость земную, можно
Синими кусками набить в карман.

И люди поверят и будут рады,
Как сказкам, поверят ледяным глазам,
Но за все рудники, стада, поля, водопады
Твое имя простое я не отдам.

* * *

Я одержимый дикарь, я гол.
Скалой меловою блестит балкон.
К Тучкову мосту шхуну привел
Седой чудак Стивенсон.

И лет ему нынче двадцать пять,
Он новый придумал рассказ —
Ночь отменена, и Земля опять
Ясна, как морской приказ.

Пуля дум-дум, стрела, динамит
Ловили душу мою в боях,
И смеялась она, а сегодня дрожит
Болью о кораблях.

Но я такой — не молод, не сед —
И шхуне, что в душу вросла,
Я не могу прочертить ответ
Соленым концом весла.

Пусть уходит в моря, в золото, в лак
Вонзая в китов острогу,
Я сердце свое, как боксер — кулак,
Для боя в степях берегу.

ЛОДКА

Кустарник стаял. Поредели сосны.
На неожиданном краю земли
Лежала лодка в золотых осколках
Последнего разбившегося солнца.
Ни голоса, ни следа, ни тропы —
Кривая лодка и блестящий лед.

Как будто небо под ноги легло.
Лед звал вперед, сиял и улыбался
Большими белыми глазами — лед!
Он легким был, он крепким был, как мы,
И мы пошли, и мы ушли б, но лодка —
Она лежала строго на боку,
Вечерние погнувшиеся доски
Нам говорили: «Здесь конец земли».

За черным мысом вспыхнуло сиянье,
И золото в свинец перелилось.

Ты написала на холодной льдине —
Не помню я, и лед и небеса
Не помнят тоже, что ты написала,—
Теперь та льдина в море, далеко
Плывет и дышит глубоко и тихо,
Как этот вечер в золотых осколках
Плывет в груди...

СМЕРТЬ БОЙЦА

Железо в жилах уже не то,
Волос на руке не колюч,
А у сердца осталось ударов сто,
И сердце запрут на ключ.

Ему принесли винтовку — ту,
Что теперь возьмет его сын,
И за приступом взятую высоту
Золотые с гербом часы.

Он открыл затвор — напрасный труд:
Все патроны ушли в расход,
Часы стоят — часы не идут,
Им пыль переела ход.

И упала рука — с одеяла взяла
Славный лист, что положат в гроб,
На листе вверху — Гельсингфорс-скала,
Песий зуб внизу — Перекоп.

Лучше б яма волчья — шальный шлях,
Круторебрый уральский лом,
Ему ль, точившему коготь в полях,
Умирать в углу за стеклом.

Из-за Рейна руки кричат ему,
Был Мюнхена лебедь ал,
На Востоке с красным серпом чалму
Качает каспийский вал.

А Р М Е Н И Я

В ладонях гор, расколотых
Стозвучным ломом времени,
Как яблоко из золота,
Красуется Армения.

Клыки войны и пламени
Подрублены вокруг,
Под свежим, мирным знаменем
Проходит полем плуг.

Кляняся Араратом
И Аракацем тучным,
Она признала братом
Работы день насущный.

И Делижанским лесом,
И медью Зангезура,
И валом Дзорагэса
Владеет день лазурный.

Перед азийской глубию
Племен, объятых ленью,
Форпостом трудолюбия
Красуется Армения.

ПОИСКИ
ГЕРОЯ

1923 - 1929

*

В КАРЕЛИИ

На дне корзины, выстеленной мохом,
Не так яснее щучья чешуя,
Как озеро, серебряным горохом
Вскипающее рьяно по краям.

Иду за ним. Подъем оброс
Лесной глухой породой,
Поверх подъема лег погост —
Карелов мертвых отдых.

Выходит пастор — углублен и сух,
Выносят гроб, по вереску шурша,
Морщиятся высокие старухи,
Слезая с таратаек не спеша.

Ну разве так работника хоронят,
Под шамканье, под ветхие слова?
Зарытая в молитвенной попоне
Старушечья мерцает голова.

Я уйду. Мне не по нраву это,
Трущоба крика просит,
Я не хочу прослыть немым
Над озером, перед толпою сосен,
Вздыхающих зеленые умы.

Сквозь черноту, черемухины скаты,
Замытые, слепые поколенья
Я вызываю старого собрата.
За мною глушь горланит: «Вейнемейнен!»

Игрок в слова! Твоя страна Суоми
Гранитным пауком оплетена,
Она без языка сегодня, Вейнемейнен,
Твоя, старик, страна.

Игрок в людей! Твоя страна Суоми
Угрюмою щетиной поросла,
Она с веревкою на шее, Вейнемейнен,
У ног хозяйского стола.

В Суоми нет игры. Паучье
Гнездовье стены замело,
Пой, Вейнемейнен, ты ведь знаешь лучше,
В чем яростное песен ремесло.

Как нужно песен узел завязать
И распустить, соединяя снова,
Я здесь затем, чтоб посмотреть в глаза
Трущобам, требующим слова.

Разведчик я. Лишь нагибаю ветки,
Стволы рубцую знаками разведки,
Веду тропу, неутомим,
Чтобы товарищ меткий
Воспользовался опытом моим.

А что подчас шагаю я неслышно,
Что знаки непонятны иногда
И что мою тропу находят лишней,—
Так, Вейнемейнен, это не беда.

ФИНСКИЙ ПРАЗДНИК

Медной рябиной осыпан гравий,
Праздничный люд шуршит, разодет.
Солнце — вверху, внизу — Хэпо-Ярви,
Может быть, Хэпо, а может, и нет.

Пепельный финн в потертой кепке,
Древнебородый, и тот посвежел,
Место расчищено — ноги крепки.
Все приготовлены рты уже.

Медленной песни заныла нота,
Странствуя, гнется, странно темна,
Гнется и тянется без поворота...

Из неподвижных рядов — короткой
Походкой выходят он и она.

Желтое желтка ее платок,
Синьки синее его жилет,
Четыре каблука черных сапог
Тупо стучат: туле-н! туле-т!

Он пояс цветной рукой обводит,
Угрюмо и молча, шагом одним
Обходят площадку, вновь обходят
И снова в обход идут они

Стучат без улыбки на месте потом,
Странствует песня, гнетет и гнетет,
И дымнобородый с пепельным ртом
Сквозь желтые зубы нить ведет.

Упрямо и медленно ноги идут,
А звук на губах все один, один —
Как будто полки пауков прядут
Струну, ледянее льдин...

Но вертятся вдруг каблуки. Жесток
Их стук тупой: туле-н! туле-т!
И желтой пеной горит платок,
И синим огнем пылит жилет.

Рябины ветви, как рога,
Летят на них, и сразу
В глазах косых — Алтай, снега,
Змеинные искры Азии.

Рябины красные рога
Их тусклый танец сторожит,—
Желтым огнем полыхает тайга,
Синей пылью пылят ножи.

Проходит тысяча темных лет,
И медленно снова: туле-н! туле-т!

Обходят опять неизменно и кротко,
Обходят площадку... Черной чечеткой
Оборвана песни нить...
Танцоры буксуют. Походкой короткой
Идут под рябину они.

С достоинством он на скамейку садится,
С цветного пояса руку берет,
Угрюмо и жестко целует девицу...
И праздник над ними шуршит и толпится,
А пепельный финн вытирает пот.

ПОИСКИ ГЕРОЯ

Прекрасный город — хлипкие каналы,
Искусственные рощи,
В нем топчется сырых людей немало
И разных сказок тощих.

Здесь выловить героя
Хочу — хоть неглубокого,
Хотя бы непонятого покроя,
Хотя б героя сбоку.

Но старая шпора лежит на столе,
Моя отзвеневшая шпора,
Сверкая в бумажном моем барахле,
Она подымается спорить.

«Какого черта идти искать?
Вспомни живых и мертвых,
Кого унесла боевая тоска,
С кем ночи и дни провел ты.

Выбери лучших и приукрась,
А если о людях тревоги
Не хочешь писать — пропала страсть —
Пиши о четвероногих,

Что в кровавой окрошке
Спасали тебя, как братья, —
О легкой кобыле Крошке,
О жеребце Мюрате.

Для освеженья словаря
Они пригодятся ловко». —
«Ты вздор говоришь, ты лукавишь зря,
Моя стальная плутовка!

То прошлого звоны, а нужен мне
Герой неподдельно новый, —
Лежи, дорогая, в коробке на дне,
Поверь мне на честное слово».

В город иду, где весенний вкус,
Бодрятся люди и кони,
Людей пропускал я, как горсти песку,
И встряхивал на ладонях.

Толпа безгеройна. Умелый глаз
Едва подхватить сможет,
Что не случайно, что напоказ, —
Уже далеко прохожие.

В гостях угощают, суетясь,
Вещей такое засилье,
Что спичке испорченной негде упасть,
Словесного мусора мили.

«Ну что ж, — говорю я, — садись, пей
Вина Армении, русскую
Горькую — здесь тебе
Героя нет на закуску».

...Снова уводят шаги меня,
Шаги, тяжелее верблюда,
Ташу сквозь биенье весеннего дня
Журналов российских грудю.

Скамейка садовая, зеленый сон,
Отдых, понятный сразу
Пешеходам усталым всех племен,
Всех времен и окрасок.

Деревья шумели наперебой,
Тасуя страницы; мешая
Деревьям шуметь, я спорил с собой —
Журналов листва шуршала.

Узнал я, когда уже день поник,
Стал тучами вечер обложен:
На свете есть много любимых чернил,
Без счета цветных обложек.

Росли бумажные люди горой,
Ломились в меня, как в двери,
Каждый из них вопил: «Я герой!»
Как я им мог поверить?

Солнце закатывалось, свисая
Багряной далекой грушей,
Туча под ним, как туша кривая,
Чернела хребтом потухшим.

Ее свалив, ее прободав,
Как вихрь, забор опрокинув,
Ворвалась другая, летя впопыхах,—
Похожа лицом на лавину.

Светились плечи ее, голова,
Все прибавлялось в весе,
Как будто молотобоец вставал,
Грозя кулаком поднебесью.

Героя была у него рука,
Как у небес на опушке,
Когда он свинцовую, как быка,
Тучу разбил, как пушку.

Руку о фартук вытер свою,
Скрываясь, как берег в море,—
Здесь много геройства в воздушном бою,
Но больше еще аллегории.

Я ухожу, я кочую, как жук,
Севший на лист подорожника,
Но по дороге я захожу—
Я захожу к сапожнику.

Там, где по козам летает нож,
Дратва скрипит слегка,
Сердце мое говорит: «Потревожь
Этого чудака!»

Пока он ворочает мой каблук, —
Вопросов ловушку стрюю.
Сапожник смеется: «Товарищ-друг,
Сам я ходил в героях.

Только глаза, как шило, сберег,
Весь, как ни есть, в заплатках,
Сколько дорог — не вспомнишь дорог,
Прошитых ногами, что дратвой.

Я, брат, геройством по горло богат». —
Он встал, — живое сказанье,
Он встал, — перемазанный ваксой Марат —
И гордо рубцы показал мне!

НОЧЬ ПРЕЗИДЕНТА

Не грогом горячим, но жиденьким пивом,
Луны подкисающей пеной
Обрызган Таллин, покоит обрывы
Баронских домов неизменных.

Спят воры и вороны — стражники тут же
Замки проверяют во мраке,
И в теплой постели, как в бархатной луже,
Спит цезарь Эстонии — Аккель.

Не звезды, а доллары льют небеса,
Картофеля преют громады на складе,
Покорней турнепса эстонцы, он сам
Богатые лысины ласково гладит.

Как тихи семейные ночи Эстонии,
Проснулся, и в спальне — покой огорода,
Но гулко у дома растут спросонья
Шаги неизвестной породы.

И к дому спешит небывалый народ,
Одетый не для парада,
И громко поет дверной переплет
Под теплыми лбами прикладов.

Не все ли равно — в сиянье ль, во мраке ль —
Приветствовать край родной?
Так выйди ж к этой Эстонии, Аккель,
Раскланяйся с ней заодно.

На бочку-цилиндр;— но Аккель, икая,
Дверями расхлопался выше и выше,
И двери двоятся, и туфли спадают,
Как скаты старинной крыши.

В нетопленных стенах декабрьский режим
Не хуже республики колет;—
Но Аккель вбегает в чердачный зажим,
Как римлянин в Капитолий.

Другая Эстония в утреннем мраке
Пришла — шершавая — та,
Та самая, что загнала тебя, Аккель,
Под крышу, на старый верстак.

Пусть Таллин стучит в глухом промежутке
Сухою стрельбой одиночек.
Недаром гранаты, как черные утки,
Ныряют и рвутся на клочья.

Слабеет иль крепнет борьбы чехарда,
Но Цезарь дрожит откровенно,
Порой ему кажется мирный чердак
Утесом святой Елены.

Но вот тишина, точно жидкое пиво,
Шипит, пригорев на окне,
И Аккель — подмерзшая синяя слива —
Маячит в чердачном окне.

И видит: опять у камней на ладони,
Сжимая тюремный кулак,
Проходит, как лаком облитый, Лайдонер
Со сворой вспотевших собак.

И свора играет, и Аккель, рыдая,
Зовет ее стуком руки,
И доги, маститые морды вздымая,
Слюняво трясут языки.

ИНДИЙСКИЙ СОН

Мне снилось, что в город вхожу я чудной,
Который по запаху найден мной.

Козлом воняет рыжий базар,
Как птичий помёт, суховат он.
Дымит и чадит предо мной Амритсар,
Индийской равнины глашатай.

Во сне поневоле замедлишь шаг;
Сквозь грязную, рваных теней, бирюзу
На площади Джалиэвала-Баг
Пятно за пятном, густея, ползут.

Помню, в расстрелянный день января
Подобные пятна густели не зря.
Индусам попался такой же косарь,
Косивший людей, не целясь,
Но здесь обернулся девятый январь
Тринадцатым днем апреля ¹.

Во сне поневоле взметнешься назад.
Козлом нестерпимо воняет базар,
За прялкою Ганди, потупив глаза,
Не видит, что время стремится вперед,
И давится злостью равнинный народ.

---

¹ 13 апреля 1920 г. английский генерал Дайер в Амритсаре расстрелял 2000 индусов. Это было «9 января» Индии. (Это и последующие примечания автора.)

Певец усыпляет стихами базар,
Заливаясь о древности рас,
И стелется с крепости Гавинда Гар
Генеральский тигровый бас.

Дежурный британец хохочет так,
Что лошади роют песок на плацу,
А в трубке подпрыгивает табак,
Над золотом зубов танцую.

Во сне поневоле сон — поводырь,
Насмешка его повсеместна,
Струится навстречу сверканье воды,
И женщина касты известной.

Кусает косой непонятого цвета
И руки щекочет браслетами.

Она смуглолица и сквозь кисею
Глядит жестяными глазами,
Но вдруг через озеро я узнаю
Индусского мальчика Сами.

Пусть весь этот город пропахнет козлом,
Пусть женщина сонная злится.
Но юноша тот мне с детства знаком,
Нам нужно повеселиться.

Во сне поневоле нет преград —
Мы встретились. Вместе сели мы,
Но тонкие губы его говорят:
«Я только что из тюрьмы...

Давно я отвык питаться подачкой,
Тиграм ручным разглаживать ворс,
Впервые я был посажен за стачку
В Company Iron and Steelworks...»

Он вырос и острой сиял прямоюй,
Мне стало от радости тесно,
Но женщина встала, горя смуглотою,
Как женщина касты известной...

Мне снилось, что в город забрел я чудной,
Но мало ль чего не бывает со мной!

А М Е Р И К А

1

Атлантический вал предо мной не кипел,
Не ступала по стритам Нью-Йорка нога,
Не была мне минута, как сон, дорога
У Форда в молчанием сжатой толпе.

Однако я вижу отсюда прямо
Летучий бег колыбели машин
От легкой цепочки винтов и рамок
До теплого шороха первых шин.

По всем потолкам машины развесил
Хозяин, и путь их, как скука, желт,—
И нет человека, растущего весело,
А есть человек — рычаг и болт.

Щеки синеют, сердце свяло,
Прочти его стук багровый,
Годами тянется жвачка металла,
И вот человек изжеван.

Монеты тускнеют в кармане порой,
Но где ж человечья радость?
Он скорость родил, а раздавлен горой,
Горой стоячей усталости.

Сметет его в яму безжалостный шквал
Бессилья, нужды, обмана,

Чтоб жадный банкир на костях пировал,
Как спрут, высасывал страны.

Нет, к этой Америке я не приду,
Другой я связан судьбой,
Мы смело идем от труда к труду,
Растет наших лет прибой.

Чтоб, жизнью сжигая великую муть,
Работой смывая плесень,
Могли мы громадной грудью вздохнуть,
Простор за простором взвесить.

2

Если руки стали суше корки,—
Кто кричит о бунте?
В золотые челюсти Нью-Йорка
Камнем плюньте.

Сытым псам — броневикам Бродвея
Только ль ропот?
Может быть, их ребра подогреют
Рудокопы?

Или, может, так к лицу им
Небоскребов стены,
Стены вам фокстрот танцуют,
Джентльмены?

О, о стойку стойкий доллар
Разменяв на пули,—
Пчел обратно, к черту голых,
За работу — в ульи...

От берега к берегу
В надокеанскую синь —
Прочная ночь Америки,
Черная ночь Америки,
Точная ночь висит.

О, если б над нею
Из тысяч тел,
Как прерия, взвоян,
Ропот взлетел,

Руками погони
Ломая межи,
В небо, в бетон и
В расплеснутый джин. -

О, если б спеть им
Слов наших сто,
О, если б — пусть ветер
Ответит на то.

Нечаянным заревом вызвездив высь,
Прочная ночь Америки,
Черная ночь Америки,
Точная ночь висит.

Но час придет — пора ему,
Пора прийти рассвету —
Растопит солнце эту тьму,
Сломает прочность эту!

ГУЛЛИВЕР ИГРАЕТ В КАРТЫ

В глазах Гулливера азарта нагар,
Коньяка и сигар лиловые пути,—
В ручонки зажав коллекции карт,
Сидят перед ним лилипуты.

Пока банкомет разевает зев,
Крапленой колодой сгибаая тело,
Вершковые люди, манжеты надев,
Воруют из банка мелочь.

Зависть колет их поясницы,
Но счастьем Гулливер увенчан,—
В кармане, прически помяв, толпится
Десяток выигранных женщин.

Что с ними делать, если у каждой
Тело — как пуха комок,
А в выигранном доме нет комнаты даже
Такой, чтобы вбросить сапог.

Тут счастье с колоды снимает кулак,
Оскал Гулливера, синяя, худеет,
Лакеи в бокалы качают коньяк,
На лифтах лакеи вздымают индеек.

Досадой наполнив жилы круто,
Он — гордый — щелкает бранью гостей,
Но дом отбегает назад к лилипутам,
От женщин карман пустеет.

Тогда, осатанев от винного пыла,
Сдувая азарта лиловый нагар,
Встает, заноса под небо затылок:
«Опять плутовать, мелюзга!»

И, плюнув на стол, где угрюмо толпятся
Дрянной, мелконогой земли шулера,
Шагнув через город, уходит шататься,
Чтоб завтра вернуться и вновь проиграть.

ИЗБИЕНИЕ ТРУТНЕЙ

Растолкав рабочих пчел,
Трутень толстый латы чешет,
Он похвалу себе прочел
В глазах друзей, и он утешен.

Он входит в улей, словно князь,
Сбивает с места часовых,
За ним друзья идут, теснясь,
По коридорам кладовых.

Они, в медовые чаны
По шею голову вонзив,
Стоять и жрать обречены —
Желтое ржи, жирнее слив.

Раздувшись медом и шурша,
Пируя, как обжоры,
Вечерним воздухом дышать
Выходят на просторы.

И вот соединенный хмуρο
Рой голосует: трутней прочь.
Варфоломеевское утро
Князей роскошных гонит в ночь.

И вертышом и вперекат
Бежит вельможный трутень,
И колют вышитый халат
Повсюду смерти прутья.

Бочонком на спину упав,
Вздыхает, брошен тяжело,
И шлема толстого колпак
Мешает выправить крыло.

Пошады просит князь князей,
Разбит и обнажен,
Он пахнет нежно, как шалфей,—
Навозом станет он.

В неповторимом вихре тел
Заверчены улья ходы,
Лишь очень ловкий улетел
В среброволосые сады.

Он там блуждает, и живет,
И вспоминает меда чан,
Припоминает запах сот,
Крылом от холода звуча.

Высится улей — стозвонная клеть —
Родина, роскошь и радость тут,
Но стоит трутню подлететь —
Его насмешками клюют.

Тогда он закричит: «Добей!» —
И упадет, плечом назад,—
И в травах робкий воробей
Его ударит между лат.

ДОЖДЬ

Работал дождь. Он стены сек,
Как сосны с пылу дровосек,
Сквозь меховую тишину,
Сквозь простоту уснувших рек
На город гнал весну.

Свисал и падал он точней,
Чем шаг под барабан,
Ворча ночью воркотней,
Светясь на стеклах, в желобах,
Прохладных капель беготней.

Он вымыл крыши, как полы,
И в каждой свежесте занозил,
Тут огляделся — мир дремал,
Был город сделан мастерски:
Утесы впаяны в дома.

Пространства поворот
Блестел бескрайнею дугой.
Земля, как с Ноя, как сначала,
Лежала спящей мастерской,
Турбиной, вдвинутой в молчанье

* * *

И мох и треск в гербах седых,
Но пышны первенцы слепые,
А ветер отпевает их
Зернохранилища пустые.

Еще в барьерах скакуны
И крейсера и танки в тучах
Верны им, и под вой зурны
Им пляшет негр и вою учит.

Но лжет жена, и стар лакей,
Но книги, погреба и латы,
И новый Цезарь налегке,
Уже под выведенной датой.

Средь лома молний молньям всем
Они не верят и смеются,
Что чайки, рея в высоте,
Вдруг флотом смерти обернутся.

САГА О ЖУРНАЛИСТЕ

Событья зовут его голосом властным:
Трудись на всеобщее благо!
И вот человек переполнен огнем,
Блокноты, что латы, трепещут на нем —
И здесь начинается сага.

Темнокостюмен, как редут,
Сосредоточен, как скелет,
Идет: ему коня ведут,
Но он берет мотоциклет —
И здесь начинается сага.

Газеты, как сына, его берегут,
Семья его — все города,
В родне глазомер и отвага,
Он входит на праздник и в стены труда —
И здесь начинается сага.

Он — искра, и ветер, и рыцарь машин,
Столетия кочующий друг,
Свободы охотничья фляга.
Он падает где-нибудь в черной глуши,
Сыпняк или пуля, он падает вдруг —
И здесь начинается сага.

ОСЕНЬ В ЛАТВИИ 1917 ГОДА

Костры лугам — костры, как дар
От племени огней,
Душа дорог больших горда,
Когда любезны с ней.

Входила осень не простая
В каштанов шум и медь —
От синих кленов до куста,
Забывшего сгореть.

Мы с нею шли в огне ракич,
Цвели, как лист цветет,—
Был ветер теплый вдоль реки
Вдруг над водой простерт.

С каких имен, с каких умов
На память списан путь?
Тенистый Венден, брат холмсв,
Просил нас отдохнуть.

Он — мельник — нам вино разлил,
Мы пили, я сказал:
«Мы пьем не за твои кули,
Не за твои глаза.

За тех, что звездами пройдут
От сердца до виска,
За красный клен, за юный дуб,
За свежесть — наш стакан».

За пылью пали звон и лай,
С листвою смешало дом,
Махала осень у седла
Погожим рукавом.

А там, где, выбежав из нор,
Сам ветер путь учил,—
Вечерний Венден строил ночь.
И путал кирпичи.

РАВНОВЕСИЕ

Воскресных прогулок цветная плотва
Исполнена лучшей отваги.
Как птицы — проходят, плывут острова;
Крестовский, Петровский, Елагин.

Когда отмелькают кульки и платки,
Останется тоненький парус,
Ныряющий в горле высокой реки,
Да небо: за ярусом ярус.

Залив обрастает кипучей травой,
У паруса — парусный нрав,
Он ветреной хочет своей головой
Рискнуть, мелководе прорвав.

Но там, где граниту велели упасть,—
У ржавой воды и травы,—
От скуки оскалив беззубую пасть,
Сидят каменные львы.

Они рассуждают, глаза опустив,
На слове слепом гарцуя,
О том, что пора бы почистить залив,
Что белая ночь не к лицу им.

Но там, где ворох акаций пахучих,
В кумирне — от моста направо,
Сам Будда сидит позолоченной тучей
И нюхает жженые травы.

Пустынной Монголии желтый студент,
Покинув углы общежитья,
Идет через ночи белесый брезент
В покатое Будды жилище.

Он входит и смотрит на жирный живот,
На плеч колокольных уклоны,
И львом каменистым в нем сердце встает,
Как парус на травах зеленых.

Будда грозитя всевластьем своим...
Сюда, в этот северо-западный сон,
Сквозь жгучие жатвы, по льдинам седым,
Каким колдовством занесен?

С крылатой улыбкой на тихом лице
Идет монгол от дверей:
«Неплохо работает гамбургский цех
Литейщиков — слесарей».

ПОВСЮДУ РАННЕЕ УТРО

Свет льется, плавится задаром
Повсюду, и, в себя придя,
Он мирным падает пожаром
На сеть косящую дождя.

Прохожий, как спокойный чан,
Что наакался пива вволю,
Плывет по улице, урча,
Инстинкта вверенный контролю.

Мечты рассол в кастрюлях сна!
Скользит с глубоким постоянством
Такого ж утра крутизна
Над всей землей доокеанской.

Но дождь немирный моросит,
Пока богатый тонко спит.

Но цепенеет серый двор.
Лоскутья лиц. Трубач играет.
Постыло лязгает затвор
И пулю в череп забивает.

Он может спать, богач, еще,
Смерть валит сыновей трущоб.

Еще толпится казни дым
От Рушука до Трафальгара,
И роет истина ходы
В слоях огня и перегара,—

Но льется утро просто так,
Покой идет из всех отдушин,
Пусть я мечтатель, я простак,
Но к битвам я равнодушен.

ЮРГА

1926 - 1930

И — по коням... И странным аллюром,
Той *юргой*, что мила скакунам,
Вкось по дюнам, по глинам, по бурым
Саксаулам, солончакам...

ВОРОТА ГАУДАНА

Если б был азиатом я, шел из Мешхеда,
Из Келата на север бежал
От смертельных хозяев, от рабства, от бреда
Нищеты, от кнута, от ножа,—

Гауданским воротам, как лучшему дару,
Поклонился б. Как знамя в бою,—
Ведь они чайрикеру, рабу, чарводару
Говорят: «Здесь Советский Союз».

Гаудан — это петли дороги змеистой,
Перемытые нашей волной,
Гаудан — это окрик и выстрел
Над враждебных хребтов тишиной,
Гаудан — это первый сигнал коммуниста
Под ирано-индийской стеной.

Там врезаются люди, простые, как пилы,
В те дела, что совсем не просты,
День и ночь закаляют себя старожилы,
Проверяют себя, как посты.

От подковы коня до квитанций Госторга
Смотрит все боевым ремеслом,
Здесь глаза выражают вершину восторга
Только тенью улыбки — и все.

Если б щели в горах повели разговоры,
Если б ночи умели писать,
Мы имели б рассказов невиданных ворох,
На котором сегодня молчанья печать. *

Так заботой полны пограничные соты.
Мне однажды пришло на заре,
Что когда-нибудь все ж Гаудана ворота
Донесем до индийских морей.

ЛЮДИ ШИРАМА

Ананасы и тигры, султаны в кирасе,
Ожерелья из трупов, дворцы миража,—
Это ты наплодила нам басен —
Кабинетная выдумка, дохлая ржа.

Нет в пустыне такого Востока,
И не стоишь ты, как ни ворчи,
Полотняных сапог Куперштока
И Гуссейнова желтой камчи.

Эти люди с колодца Ширама,
Из ревкома советских песков,
Обыденностью самой упрямой,
Самой хмурой и доблестной самой
Опаленные до висков.

Вручено им барханное логово,
Многодушие зверей и бродяг,
Неизбежность, безжалостность многого —
Все, о чем скотоводы гудят.

И когда они так, молодцами,
Прилетят в Ак-Тере, как гонцы,—
Это значит, что снова с концами
Сведены бытовые концы.

Это значит — в песчаном корыте,
От шалашной норы до норы,
Чабаны-пастухи не в обиде
И чолуки-подпаски бодры.

Что сучи-водоливы довольны,—
Значит, выхвачен отдыха клок,
Можно легкой камчою привольно
Пыль сбивать с полотняных сапог.

Пить чай, развалясь осторожно,
Так, чтоб маузер лег не под бок,
Чтоб луна завертела безбожно
Самой длинной беседы клубок...

И — по коням... И странным аллюром,
Той *юргой*, что мила скакунам,
Вкось по дюнам, по глинам, по бурым
Саксаулам, солончакам...

Чтобы пафосом вечной заботы,
Через грязь, лихорадку, цыngu,
Раскачать этих юрт переплеты,
Этих нищих, что мрут на бегу.

Позабыть о себе и за них побороться,
Дней кочевья принять без числа —
И в бессонную ночь на иссохшем колоде
Заметить вдруг, что молодость прошла.

ВЕСНА В ДЕЙНАУ, ИЛИ НОЧНАЯ ПАХОТА ТРАКТОРАМИ ВАЛЛИС

Дыханье слышу Валлисов-машин,
Как запертых драконов беспокойство,
Дурацкое, скажу, землеустройство
От древности досталось им в почин.

Поля, величиной с кошму,
Канавы, стены, ямы, стены, ямы...
Но времени задания упрямы —
И Валлисы прокатывают тьму.

Они жужжат, бормочут, невесомы,
Невидимы за переплетом роц,
Чужою, нехозяйственной истомой
Их окружает дьявольская ночь

Забытых мест и черных суеверий,
Трахомных глаз, проклятий за углом.
Встает луна — ложится тень у двери,
Дверь отошла — машина входит в дом.

Распахнут двор. Он байский, крепколобый
(Вкушали плов, меняли скот, рабынь),
И трактор встал своей стальной утробой,
Как некий слон, среди чарджуйских дынь.

В пустыне бай, а может, и подале,
И вместо всей халатной толчеи
Три выдвигенца спорят в гулком зале,
И Азия внимает молча им.

Джидда цветет, бумаги всех okazji
Пропитаны тем запахом живым,
Животным, душным, стойким в каждой фразе,
И каждый жест в него упал, как в дым...

И в том дыму вся тракторная база
Свергает власть оскаленных пустынь,
Шипит земля, и, словно два алмаза,
Два фонаря глядят через кусты.

ИСКАТЕЛИ ВОДЫ

Кую-Уста зовут того, кто может
Своим чутьем найти воды исток.
Сочти морщины на верблюжьей коже,
Пересчитай по зернышку песок,—

Тогда поймешь того туркмена дело,
Когда, от напряженья постарев,
Он говорит: «Колодец ройте смело,
Я сквозь песок узнал воды напев».

Но он кустарь, он только приключенец,
Он шифровальщик скромненьких депеш,
В нем плана нет, он — как волны свеченье,
И в нем дикарь еще отменно свеж.

Его вода равна четверостишью,
Пустыне ж нужны эпосы воды,—
Он, как бархан, он времени не слышит,
Он замечает времени следы.

Но есть вода Келифского Узбоя,—
Но чья вода? Победы иль Беды?
И там глядят в ее лицо рябое
Глаза иных искателей воды.

Они хотят вести ее далеко —
Через Мургаб, к Теджену,— оросить
Все те пески, похожие на локоть,
Который нужно все же укусить.

Они правы, они от злости пьяны,
Они упрямы: должно рисковать —
Невероятным водяным тараном
Пробить пески, пустыню расковать.

Им снятся сбросы, полчища рабочих
И хлопок — да, — десятки тысяч га;
Их в руку сон — земля победы хочет,
Она зовет на общего врага.

Кую-Уста глядит на инженера
С большой усмешкой, скрытой кое-как.
Тот говорит: «Ты думаешь, химера?
А это, брат, вполне возможный факт!

Твои колодцы, что же, это крохи...
А мы Узбой наполним, наконец...» —
Они стоят сейчас, как две эпохи,
Но победит великих вод ловец!

УЩЕЛЬЕ АЙ-ДЭРЭ

В. Луговскому.

Ты проедешь Сумбар,
И в полуночный пар
Ты минуешь рудник Арпаклен
И пройдешь по хребту
Через всю высоту,
Сквозь луга и сквозь каменный плен,

Где, как мертвый пастух,
Громоздится уступ,
Словно овцы — кусты по горе,
Пусти шагом коня
В жар зеленого дня:
То ущелье зовут Ай-Дэрэ.

Травы — брата родней,
В темножильях камней
Родников отчеканена дрожь.
Лучше роц, гибче вод,
Драгоценней пород
Ты в Туркмении, верь, не найдешь.

Никого не предашь,
Ты останешься наш,
Но вдохни этот воздух, какой он!
Ты отрады такой
Не встречал под рукой,
Ты такого не ведал покоя.

На большие года
Будет память горда.
Будет сердце — как конь на заре,
А в томительный час
Повторишь ты не раз:
То ущелье зовут Ай-Дэрэ.

ПОДРАЖАНИЕ ТУРКМЕНСКОМУ

Мы с гор пришли сегодня днем,
Куда мы идем — не гадай.
Усмирись, расступись пред конем,—
Дорогу дай, Гюрген, дорогу дай!

Пришли мы к воде, и она шумит,
Прогони ее с глаз, измени ее вид,
Убери свою воду из-под копыт.
Дорогу дай, Гюрген, дорогу дай!

Не то мы истоки твои уьем,
Мы высушим ложе твое огнем,
Ты покажешь все камни на дне своем,—
Дорогу дай, Гюрген, дорогу дай!

Мы закроем ущелья, и ты умрешь,
И умрет с тобой воды твоей дрожь,—
Тогда для коней будет путь хорош,—
Дорогу дай, Гюрген, дорогу дай!

Пожалей своих птиц на своих отмелях,
Людей, что питают тобой поля,
Все равно мы пройдем тебя, сердца
Дорогу дай, Гюрген, дорогу дай! ^{веселя,—}

СТАРЫЙ КОВЕР

Читай ковер: верблюжьих ног тростины,
Печальных юрт печати и набег,
Как будто видишь всадников пустыни
И шашки их в таинственной резьбе.

Прими ковер за песню, и тотчас же
Густая шерсть тягуче зазвенит,
И нить шелков струной скользнувшей ляжет,
Как бубенец, скользнувший вдоль ступни.

Но разгадай весь заговор узора,
Расшитых рифм кочевничью кайму,
Игру метафор, быстрюю, как порох,—
Закон стиха совсем не чужд ему.

Но мастер скуп, он бережет сравненья,
Он явно болен страхом пустоты,
И этот стих без воздуха, без тени
Он залил жаром ярким и густым.

Он повторялся в собственном размахе,
Ковру Теке он ямбы подарил,
В узоры Мерва бросил амфибрахий,
Кизыл-Аяк хореем населил.

Так он играл в своем пастушьем платье
Огнем и шерстью, битвой ремесла,
И зарево тех красочных объятий
Душа ковра пожаром донесла.

АМУ - ДАРЬЯ
(Завернувшиеся в плащи)

Мы плыли, плыли, плыли,
Мы пели песни басом
Сожженными устами.
Уж каюкчи шестами,
Сажеными шестами
Устали опираться,—
Потея час за часом.
Мы груз кооперации
Везли до Ходжам-Баса.

Везли мы до Бешира груз:
Консервы, стекла, мыло,
Соль, рис, спички.
Заря нам жгла свой красный куст,
И нам луна светила.

К Беширу буря подошла
В полночной перекличке,
К спокойным нашим снам,
И, презирая наши сны
И наш товар по сторонам,
Она, как шило из мешка,
Ударила по нам.

Палатка рухнула, свист
Пошел по нашим ящикам,
Как будто рылись там кроты,
Сойдя с ума от темноты.

О буря, буря — сволочь ты!
Мы доведем стекло, и рис,
И соль, и рис заказчикам.

Мы завернулись все в плащи,
Давясь сырым песком;
Сложив из ящиков карниз
Стеклом наверх и мылом вниз,
Нырнули в пухлый шум.
Чего же ты смотрел, ревком
Пустынных Каракум?

Мы завернулись все в плащи,
И, подобрав плащей концы,
Давясь сырым песком,
Мы, как верблюды, полегли,
А наши курицы вели
(До плова было далеко)
Себя, как храбрецы.

Мы завернулись все в плащи,
Плевали мы на бури,
А утром, — только не ропщи, —
Мы утром курам, как картечь,
Отсекли головы до плеч
И пух пустили курий.

Так, завернувшись все в плащи,
Мы сдали груз в Бешире,
Консервы, стекла, мыло,
Соль, рис, спички, —
Мы сдали груз в Бешире.
Мыплыли,плыли все вперед
Сквозь перекааты всех пород,
Сквозь мели в желтом жире,
И мы смеялись: «Вот поход!»
Такой речонки поищи —
Единственная в мире.

ПРОЩАНИЕ С ОМАЧОМ

Седой туркмен, сожженный солнцем юга,
Прощается с истертым омачом:
«Ты отойдешь ненужным гостем в угол.
Ты, одряхлев, остался ни при чем.

Тебя почтит ночного ветра скрежет,
Но шум молвы в другую песнь ушел —
Машинный плуг родную землю взрежет
От волн Аму до каракумских волн.

Не о тебе расскажут у колодца,
Ты жил, как раб, ленивой простотой.
В груди машин живое сердце бьется
Туркмении пустынно-золотой».

Сказал омач:
«Не оставляй средь гула
Меня лежать в твоих машин дыму.
Не дай мне гнить среди твоих аулов!
Я, как басмач, пустыню подыму,

Я стану волком, пламенем, бедою,
Как астрагал — меня охватит ложь.
Я не хочу! Я сыт своей судьбою,
И я прошу покорно: уничтожь.

Сожги мое истасканное тело,
Испепели и острием серпа
Развей меня, чтоб мной не завладела,
Как знаменем твоих врагов, толпа».

ШАКАЛ

1

Ходят пчелы на ручей
За водой студеной; пчелы
Под шатром карагачей
Словно новоселы.

Бабочки вьются,
Как желтые блюдца.

Ты ли, арча, недостойна парчи?
Что есть на свете тусклее арчи?

Муравьиный мускул мал,
Но лежит в труде долина,
Муравей бревно поймал
Всей ватагой муравьиной.

Это малое бревно
Я растер бы меж ладоней,
Но для них оно одно —
Знак работы неуклонной.

Как одеяло цветное,
Долина купается в зное.
Словно гончарня над глиной,
Так трудится в зное долина.

Я покидаю пчел водопой,
Падай, вода! Перепел, пой!

Где разветвляется хобот ущелья,
Камни обвалом порвало,
Где, точно клейма, наклеены щели,—
Там увидал я шакала.

Там он стоял, размышляя ушами,
Один — без детей, без жены;
Были глаза его, как камышами,
Вздыбленной шерстью окружены.

Я-то ведь знаю, кто он такой,
Как он меняет лица,
Как он плурует и серой рукой
В наши дома стучится.

Это неверно, что лишь пустынь
Спутник он невеселый,
Нет, и любой городской пустырь
Воем шакальим полон.

Но ты по-особому вздыблен и горд,
Шакал азиатских гор.

Тебе оказали сугубую честь,
Ты помнишь той ночи размер?
Дубы, что упали в Ахча-Куйме¹,
Ты видел их двадцать шесть.

И сердцем и глазом запомнили мы
Шакалов Ахча-Куймы.

И тех, что ножу передают за гроши,
Убийство для них — воспитанье души.

---

¹ 26 Бакинских комиссаров были убиты в пустыне, около перевала Ахча-Куйме.

И тех, что до власти лакомы,
На страже весов мировых,
Горят имперскими знаками
Мундирные вывески их.

И тех и других запомнили мы,
Шакалов Ахча-Куймы.

Дразни этой вестью друзей и казни,
Беги за Герат, беги за Газни,
Кричи Индостану, как любим мы
Шакала Ахча-Куймы.

Лишь бурей взиграется Азия,
Не встретимся здесь мы разве?

И драться мы будем в песках этих рыжих,
Пока ты не будешь разбит и унижен,

Тогда подойдешь смиренней, чем мышь,
К разбитой моей голове,
Спросишь: «Зачем ты здесь лежишь
В чужой, в неродной траве?»

«Зачем лежу в траве голубой?» —
До крови смеялся я над тобой.
Я покидаю пчел водопой —
Падай, вода! Перепел, пой!

ТИГРИНЫЙ ЧАЙ

(Ширчай)

Глаза вниманием одень,
Вдали от родины кочуя,—
Всемирной дружбы вызвав тень,
В харчевне Азии ночую.

Беседу правя невзначай
С поводырем верблюжьим,
Я буду пить зеленый чай,
Тигриный чай на ужин.

Костра густые хляби
Рождают смуглый дым,
В котле гуляют ряби
Взволнованной воды.

Возьми песчинки чая,
Достойно урони,
И, как пловцы, ныряя,
Уйдут на дно они.

Но, волнами гонимы,
Висят на борозде,—
И здесь необходимо
Раздумье о труде...

Хвала! Но что такое труд?
Поток, идущий широко,
Но здесь в котел проворно льют
Потоком тесным молоко;

В котле сметанный океан,
Как белый бык в оковах,—
Но поводырь верблюжий пьян
Мечтою о коровах.

Не бык — сияний решето
Влекомо вверх и вниз.
Он говорит: «Верблюды — что?
Коровы — это жизнь!»

Котел, как колокол, кипит,
Зеленый чай, тигриный чай
Сквозь дым и крышу говорит
Проворней горного ключа.

Молвит сосед: «О таксыр,
Ты знаешь, что такое власть?»
Он режет масло на куски,
Кускам в котел дает упасть.

«Ты по-иному мне скажи,—
Он молвит мне, — таксыр,
Власть — это самый верхний жир
В котлах любой страны!»

Мой смех обходит всех волчком,
И на котле, смеясь,
Покрышка падает ничком,
От зноя золотясь.

Багровой солью Бухары
Посыпан ярый чай,
В котле — косматые шатры
Вспухают, забренчав.

Из них тигриный чай ревет,
Он весь похож на белену,
Кому такой он нужен?
Мы точно варим здесь войну,
Сто дьяволов на ужин.

Но спутник темножилый,
Моей беседы князь,
Кричит: «Четыре силы
Кипят, соединясь!»

Хозяин трапезы живой,
Отвесив по каратам,
Кидает перец огневой
В его плаще богатом.

Перец, лопаюсь, хохочет,
Клокочет чай готовый,
Котел задымленный, грохочущий
Встречает, как обнову.

И этот спелый, словно рожь,
Напиток клонит не ко сну —
И он на женщину похож,
На власть и на войну...

Мы пьем его, как жизнь, как дым,
Чтоб жажду закрепить,
И мы потом договорим,
Сначала надо пить...

СТИХИ
О КАХЕТИИ

1935

*

Маро Шаншиашвили.

ГОМБОРЫ

Я не изгнанник, не влекомый
Чужую радость перенести,
Мне в этом крае все знакомо,
Как будто я родился здесь.

И все ж с гомборского разгона,
Когда в закате перевал,
Такой неистово зеленой
Тебя, Кахетия, не знал.

Как в плески, полные прохлады,
Я погружался в речь твою,
Грузино-русских строк отряды
В примерном встретились бою.

Но где найдется чувству мера,
Когда встает перед тобой
Волной вселенского размера
Лесов немеркнувший прибой?

И в этот миг совсем не сотый,
Когда ты в жизни жил не зря,
Сроднив и спутав все высоты,
Почти о счастье говоря,

Ты ищешь в прошлом с легкой дрожью:
Явись опять, зеленый зной, —
Год двадцать первый встал и ожил
Над мамиссонской крутизной.

О, сколько слез и сколько жалоб
На старом Грузии пути,
Ночь меньшевистская бежала,
К Батуму крылья обратив.

Рвать крылья эти, что клубили
Одну из самых черных вьюг,
Бригада в искрах снежной пыли
Проходит с севера на юг.

Тобою, Киров, как знамена,
Снега Осетии зажглись,
Когда, не спешась, эскадроны
Переходили в них на рысь.

Снега, снега — зима нагая,
И вот уже ни стать, ни лечь,
Рубить, в снегах изнемогая,
Ходы, что всаднику до плеч.

Переносить вьюки плечами,
Уметь согреться без огней,
Со льдов, увенчанных молчаньем,
На бурках скатывать коней.

Хватив зимы до обалденья,
В победоносный дуть кулак
И прямо врезаться в виденье,
Не повторимое никак,—

И в этот миг совсем не сотый,
Когда ты в жизни жил не зря,
Сроднив и спутав все высоты,
Почти о счастье говоря,—

Они смотрели и стояли,
Снимали иней на усах,
Под ними прямо в небеса
Великой зеленью пылали
Чанчахи вольные леса.

Д Ж У Г А Н Ь

Через долину, прямо над Джуганью,
Стоял хребет, и я встречался с ним
Наедине, за той рассветной гранью,
Когда он весь казался молодым.

Как будто шел, не замедляя шага,
Ко мне товарищ в дальней стороне,
Зелеными рубцами Шалбуздага
О доблести рассказывая мне.

Как будто вторя грозному столетью,
Над кулуаров снегом голубым.
По желобам летели легкой смертью
Дымки лавин дыханием одним.

И ледопадов синева нависла
И, как судья, судила черный бор,
А я стоял тяжелый, как завистник,
С той синевой вступая в разговор.

Тот разговор судьба определила,
Чтоб каждый знал всю правду о другом,—
Тут на балкон хозяйка выходила,
Навстречу дню распахивался дом.

Тогда с хребта слетал огнистый глянец,
Все подменив деталью бытовой,
Как будто утро отдало румянец
Спокойствию хозяйки молодой.

ЦИНАНДАЛИ

Я прошел над Алазанью,
Над причудливой водой,
Над седою, как сказанье,
И, как песня, молодой.

Уж совхозом Цинандали -
Шла осенняя пора,
Надо мною пролетали
Птицы темного пера.

Предо мною, у пучины
Виноградарственных рек,
Мастера людей учили,
Чтоб был весел человек.

И струился ток задорный,
Все печали погребал:
Красный, синий, желтый, черный,
По знакомым погребам.

Но сквозь буйные дороги,
Сквозь ночную тишину
Я на дне стаканов многих
Видел женщину одну.

Я входил в лесов раздолье
И в красоты нежных скал,
Но раздумья крупной солью
Я веселье посыпал.

Потому, что веселиться
Мог и сорванный листок,
Потому, что поселиться
В этом крае я не мог.

Потому, что я прохожий,
Легкой тени полоса,
Шел на скалы непохожий,
Непохожий на леса.

Я прошел над Алазанью,
Над волшебною водой,
Поседелый, как сказанье,
И, как песня, молодой.

О Х О Т Н И К

Уже открылись домики селенья,
Людей обыкновенных уголки;
Чирками голубого сперенья
Над черепицей плавали дымки.

Охотник шел, походом переполнен,
В плечах шумел лесных ночей настой,
У пояса, как пачки легких молний,
Кипели перья птицы непростой.

В нем горы и озера еще жили,
Иной он слепок мира осязал,
Из самых тонких жизни сухожилий
Дни мастерства лесного он связал.

Пускай умрет он также неизвестным,
Счастливым лесом встанут жизни дни,
О время, ты наш соучастник честный,
Ревнителя охоты не казни.

Смиряй его, гони по кругу быта
И пламя крыл — фазаном назови,
Но дай ему продлить души избыток
За прибыли охотничьей зари.

НОЧНОЙ ПРАЗДНИК В АЛЛА-ВЕРДЫ

За Гомборами скитаясь, миновал Телав вечерний,
Аллавердской ночью синей схвачен праздника кольцом.
Чихиртмой, очажным дымом пахли жаркие харчевни,
Над стенаньями баранов с перепуганным лицом.

Люди чавкали и пели с кахетинской истомой
И шумели по-хевсурски под навесами в кустах.
Мчались всадники с шестами, и горящая солома
Освещала все сучки нам на танцующих шестах.

И, скользя в крови бараньей, шел, на шкуры наступал я,
И волнение очень смутно стало шириться во мне,
Было поднято гуденьем, и в гуденье уплывало
Мое тело, словно рыба, оглушенная во сне.

Больше не было покоя в дымах, пахнувших металлом,
Ни в навесах сумасшедших, ни в ударах черных ног,
Это старый бурый бубен бесновался, клокотал он,
Бормотал, гудел, он бурю бурным волоком волок.

И упал я в этот бубен, что, владычествуя, выплыл,
Я забыл другие ночи, мысли дымные клубя,
И руками рвал я мясо, пил из рога, пел я хрипло,
Сел я рядом с тамадою, непохожий на себя.

Словно горец в шапке черной,
И в горах остался дом,
Но в такой трущобе горной,
Что найдешь его с трудом.

Проходил я через ключья
Пен речных, леса и лед,
Бурый бубен этой ночи
Мне всю память отобьет.

Чтоб забыл я все потоки,
Все пути в ночи и днем,
Чтоб смотрел я лишь на щеки,
Окрыленные огнем;

Чтоб свои свихнул я плечи
Среди каменных могил,
Чтобы, ночь очеловечив,
С ней, как с другом, говорил,—

В этой роще поредевшей,
Этот праздник не вина,—
О не пившей и не евшей,
Не смотревшей на меня.

Вдруг людей в одеждах серых породила темнота,
Скромность их почти пугала среди праздничной орды,
Даже голос был особый, даже поступь их не та,
Будто вышли рыболовы в край, где не было воды.

То слепые музыканты разом подняли смычки,
Заиграли и запели, разевая узко рот,
Точно вдруг из трав зеленых встали жесткие сверчки,
Я читал на лицах знаки непонятных нам забот.

Тут слепые музыканты затянули тонкий стих,
Ночь стояла в этих людях, как высокая вода,
Но прошел, как зрячий, бубен сквозь мелодию слепых,
И увидел я: на шлеме след оставила звезда,

На линиялом, нищем шлеме у слепого одного,
Что сидел совсем поодаль, пояс тихо теребя.
И на шлем я загляделся, непонятно отчего,
Встал я рядом с тамадою, непохожий на себя.

Словно был я партизаном
В Алазанской стороне
И теперь увидел заново
Этот край, знакомый мне.

Как, ломая хрупкий иней
И над пропастью скользя,
К аллавердской ночи синей
С гор спускаются друзья.

За хевсурскими быками
Кони пшавов на гребне,
С Алазани рыбаками
Гор охотники в родне.

Словно шел я убедиться,
Что измятый старый шлем
Был воинственной птицей,
Приносившей счастье всем.

Что, храня теперь слепого
В Алазанской стороне,
Он, как дружеское слово,
Сквозь года кивает мне.

Подходил рассвет, и роща отгремела и погасла,
Мир вставал седым и хмурым, бубен умер на заре,
Запах пота и полыни, в угли пролитого масла,
Птицы крик — и в роще сизый след поводыев на коре.

Обнажились вмиг вершины, словно их несли на блюде
И закрыли облаками от объевшихся гостей,
А под бурками вповалку непробудно спали люди,
Как орехи, волей вихря послетавшие с ветвей.

Ниже, в сторону Телава, спали лошади, упавши,
Спали угли, в синь свернувшись, спали арбы и шатры,
Спали буйволы, как будто были сделаны из замши,
Немудреные игрушки кахетинской детворы.

За Гомборами скитаясь, миновав Телав вечерний,
Я ночные Алла-Верды видел в пышности во всей,
Дождь накрапывал холодный, серебром и старой чернью
Отчеканенные спали лица добрые друзей.

Я наткнулся на барана с посиневшими щеками,
Весь в репейнике предсмертном, грязным боком терся он
О забытую попону, о кусты, о ржавый камень,
И зари клинок тончайший был над шеей занесен.

* * *

Я, как лезгин, смотрел с заветной кручи
На Алазани белый ремешок,
И подо мной раскачивались тучи,
Сквозь эти тучи самолет прошел.

Следили горцы за гуденя силой,
Как птицы за полетом стрекозы,
И предков кровь, что лица заострила,
На мир смотреть учила сверху вниз.

Стал самолет в лазурь полей снижаться,
Своим гуденьем сердце веселя,
Стояли горцы, бросив улыбаться,
Внизу цвела Кахетии земля.

Шло дело к ночи. В темноту баллады
Лишь стоит нам рассказ перенести,
Задышим мы пожаров долгим чадом,
Услышим пули по всему пути.

Увидим, как дымились Цинандали
И крепости взлетали в простоте,
Свидетелей ущелья поглощали,
Аулов сто пылало вслед за тем.

Но нет мюридов... Нет Орбелиани,
Нет Чавчавадзе... Только огоньки
Шли винными совхозами в тумане,
Хлопковыми полями у реки.

Победы большевистские утехи
Нам говорили: если поспешить,
То можем мы спуститься в Лагодехи,
У очагов сесть, бурки обсушить.

И, не шумя излишними страстями,
Хлебать хинкал, заправив чесноком,
Старинными делиться повестями,
Не вымещая злобы ни на ком.

И кахетинец будет черноусый
С лезгином пить до самого утра,
Для горных дев подарит гостю бусы,
Любимые кусочки серебра.

СМЕРТЬ

Старик стоял в купели виноградной,
Ногами бил, держась за столб рукой,
Но в нем работник яростный и жадный
Благоговел пред ягодной рекой.

Гремел закат обычный, исполинский,
Качались травы, ветер мел шалаш,
Старик шагнул за край колоды низкой,
Вошел босой в шалашный ералаш.

Худые ноги насухо он вытер,
Смотрел туда, долины старожил,
Где в море листьев, палок, перекрытий
Сверкали лозы, падали ножи.

Все выведено было черной тушью,
Какой-то кистью вечно молодой,
Он, горсть земли зажав, прилег и слушал,
Шуршал в руке кремнистый холодок.

И холодок шел по кремнистым жилам,
Лежал, к земле прижавшись, не дрожа,
Как будто бы передавая силу
Тем смуглым лозам, людям и ножам.

Журчал в купели теплый сок янтарный,
И солнце, сжато облачной грядой,
Столы снегов залил лиловым жаром,
Распаренным висело тамадой.

Ш О Ф Е Р

Из духана небольшого на порог свинцовой ночи
Он выходит, разминаясь, у него веселый нрав,
Он шофер и кахетинец, кизикийски прост и прочен,
С ним лечу лихой дорогой от Сигнаха на Телав.

Лишь воев высоких тени, рощи в сумраке кромешном,
Лишь смерчей песчаных, пыльных неживые завитки,
Хруст, как будто чьи-то кости распадаются поспешно,—
То дробим мы позвоночник пересохшей в дым реки.

Сбоку реет рой неверный зыбких сел, садов, прохожих,
Как из аспидного ада, поездной гудит гудок,
Мы взлетаем над обрывом, — небольшую жизнь я прожил,
Вот такой пустынной ночью, может быть, и выйдет срок.

Остановка на мгновенье перед домиком кремнистым.
Свет. Целуется шофер мой с юной женщиной в платке.
Вновь везы, смерчи и броды, рассекаемые свистом,
Будто гонит с нами рядом тень вселенной налегке.

Ничего не разобрать уж — даже тучи задымились.
Словно в бегство от поспешной той любви летим во тьму,
Вдруг мелькнули кипарисы, как особенная милость,
Это значит — я доставлен прямо к дому моему.

И шофер мне простодушно говорит: «Теперь обратно,
Я к утру вернуться должен от Телав на Сигнах».
Вслед глядел я — предо мною снова ночь сверлили пятна:
Это мчался гладиатор в славы собственной лучах.

БАШНИ СИГНАХА

1

Вы — сестры башням тем,
Что встали над Ушгулом,
Но я не пьян — я нем
Пред вашим сном сутулым.

Да, осень и вино,
Здесь безупречны вина,
А осенью родной
Сигнахец пьет их львино.

Зубами он берет
Стакан — и в горло разом,
Как будто воду льет
Или теряет разум.

Стакан, что пуст и прост,
Он ртом швыряет в воздух,
Стакан летит до звезд,
А стол весь в синих звездах.

Идет в полет стакан,
Звенит стакан обратно,
И молодец не пьян,
Но молодцу приятно.

И жизнь — вина густей,
И смерть полна лукавства,
Как признаки страстей
В ребячьем сне сигналахца.

2

Я знаю: упрекнут
Меня за это строго,
Что кахетинцы пьют
Как будто слишком много.

Но где ж еще вино
Так связано судьбою
С крестьянством, заодно
С природой голубою.

Я с башенных высот
Старейшего Сигнаха
Гляжу: идет народ
Не пьяного размаха.

Где скат полей не крут,
Проворны хлопководы,
И техники бредут,
Что опекают воды.

И в малярный хрип
Надалазанской чаши,
Где быт в болото влип,
Приносят хины ящик.

С добычей на боку
Охотники шагают,
И много табаку
Лежит на Цнури-Цхали.

Но виноградный блеск,
Всесильный и обильный,
Царит от горных мест
Вплоть до пустыни пыльной.

Вы — сестры башням тем,
Что встали над Ушгулом,
Вы каменных поэм
Разрозненные гулы.

Просите снова жизнь
Зубчатым басом глыбы,
Чтоб осени ножи
Несчетность лоз нашли бы.

ТЕНЬ ДРУГА

1935 - 1936

*

Средь лома молний молньям всем
Они не верят и смеются,
Что чайки, рея в высоте,
Вдруг флотом смерти обернутся.

1922

ТЕНЬ ДРУГА

Я берег покидал туманный Альбиона...

К. Батюшков.

Как бы изнемогая,
Закат перетушевывал
Все облака червонные,
Все берега лихие,
Тушил пожары вечера;
Волна же шла дешевая,
Безгривая стихия.

В ней рылись птицы с клетотом
Домашним и глумящимся,
Желтели искры радио,
На мокрый клюв их падая,
И ночь росла на западе,
Как в повести, дымящейся
Всей черной правдой, сдержанной
Лишь вымысла оградю.

Маяк мигал над зыбью нам —
Маяк души не радовал,
Мы плыли в медной рыхлости
Своим советским лагерем.

Но в тенях ночи запада
Тень друга я угадывал.
Быть может, он в Валенсии,
В Париже или в Праге он...

Кузнец ли он, рыбак ли он,
На баррикадах Вены ли
Он ранен и скрывается,
Ушел в страну чужую...
Он — тот, кто сложит песню нам
О беспощадном времени,
Расскажет о Европе
Все,
Чего не расскажу я.

Я слышал ночью темною
Над корабельной лестницей,
Ведущей к нижней палубе,
Как бы удары кия —
Дыханье строк неведомых...
Шум приближенья песни той
Над робостью шел мелких волн,
Срезая гребешки им.

Тогда над зыбью медною
Явился мир пониженным,
Явленье слова дальнего
Молчанием приветствуя,
Так эта ставка очная
На миг казалась ближе мне,
Чем все воспоминания,
Чем старость или детство.

Очнулся вновь корабль,
Гудя своей громадою,
Вновь засверкало радио,
Искрясь над головою,
Напоминали птицы мне,
Что с мачты шумно прядали,
Своей тревогой вечною
Хозяйство стиховое.

О птицы полуночные!
Вас кличем просто чайками,
Вас кличем гальционами,
Летящими бесстрашно,

Мы роем стиховую
Волну
Крылом отчаянным
И с клетотом глумящимся
И с клетотом домашним.

«*Всё—как начало повести...*»

ВОСКРЕСЕНЬЕ В ПОЛЬШЕ

Развалившийся старый редут,
У прохожих чугунные лица,
Точно парами нищих ведут
Сквозь побитую градом пшеницу.

Это сон или это пейзаж,
Или снова они побратались,
Дав мне польского поля мираж,
По которому тени шатались.

Никогда еще скуки такой
Я не ведал, как в то воскресенье,
Она шла, разливаясь рекой,
Под костелов унылое пенье.

То шляхетства ли дух отгорал
На лоскутных страстей одеяле,
То мятежные ль села карал
Воевода, и села стонали?

И тогда мне привиделся пан,—
Был он вздорный, и пыльный, и гладкий,
Он шагал по полям, обуян
Непонятной ему лихорадкой.

Выбирал лошадей, как во сне,
Нанимал он возницей кого-то,
И по желтой лошадьей десне
Проползала большая зевота.

Доплеться по дороге глухой,
Ждал он поезда в диком буфете,
И какой-то цветочной трухой
На платформе встречал его ветер.

Пан в вагоне часов не считал,
Лишь в окно он косился порою,
И такая росла нищета
За окном, что ничем не закроешь.

А в Варшаве шумят тополя,
Электричеством вымыты спицы,
Позабыв про немые поля,
Как на тризне, гуляет столица.

И встает неизвестный солдат
Из могилы, луной освещенной,
И, как маршал, последний парад
Принимает страны обреченной.

И багровый, в сигарном дыму,
Пан приходит к любовнице ночью,
И понятно ему одному,
Что сказать ему панна не хочет,

Что ей скучно до боли, до зла,
Что довольно душой покривила,
И что если бы только могла,
То его бы, как моль, раздавила.

ВЕНА

С бензином красная колонка,
Машин немолчный вой,
В туфлях изношенных девчонка
Торчит, как часовой.

В рябой огонь неугомонный,
Рабой рекламы став,
Глядит из ниши там мадонна,
Заледенив уста.

Девчонка рядом с тем величьем
Стоит среди огней,
Есть что-то гордое, и птичье,
И конченное в ней.

И фары хлещут их, как плети,
Обеих, как сестер,
И нет несчастней их на свете,
Их повести простой.

Колонка красная — бензином
Полным она полна,
Девчонка с профилем орлиным
От голода пьяна.

Пусть фары жгут их, словно плети,
Гудки режут года,
Им все равно; кому ответить
И с кем уйти куда.

...Я не пишу отсель открыток,
Их нужно б — диких — сто,
Весь этот город полон пыток
И сдерживает стон.

Такой горластый — он немеет,
Такой пропащий — не сберечь,
Такой в ту ночь была Помпея,
Пред тем как утром пеплом лечь.

СОРОК СЕМЬ

В феврале 1934 года 47 шуцбундовцев после боев в Вене совершили героический поход, пройдя с боями путь от Вены до Чехословакии.

1

Еще в ушах звенело, словно шлемы
Бил непрерывный небывалый град,
И каждому казалось: онемел он,
Идет и мыслит просто наугад.

В них продолжали улицы толпиться,
Дробиться стекла, падать фонари,
Неясный свет на шлемы и на лица
Сочувственно кидали пустыри.

Смеялись дети где-то, ворковали;
Еще пылала память, как дома,—
В глазах темнели схватки между зарев,
Вдруг все исчезло: высилась зима.

Она была грустна, широкоплеча,
Полз, как червяк, пред нею поезд, мал,
И говорила на таком наречье,
Которого никто не понимал.

Под белым солнцем плоским побратимы
Себя нашли перед полей чредой,
Как мысли ход, ничем не отвратимый,
Шел лыжный след, подернутый слюдой.

Ни домов, ни людей; ни авто,
Только воздух зеленый и синий,
Никогда б не подумал никто,
Что в Европе зима, как в пустыне.

Как в пустыне, и жажда встает,
А колодцы — запретная зона,
Каблуком расколачивай лед
И соси его — сахар зеленый.

Под рукою и компаса нет,
Нет и карты какой завалящей,
Заходящему солнцу в ответ
Зажигай своей воли образчик.

А появится вражьих машин
На дороге служебная стая,
Бей чуть выше хеймверовских шин,
Не волнуйся, в атаку врастая.

Не последняя это зима,
Потерпи — и побудь человеком,
Ты увидишь: улыбка сама
Заиграет над мертвенным снегом.

Они идут — растаял город —
Как будто век идут,
Как будто к векам липнет порох
И двигать веки — труд.

Какая воля ноги носит,
Дымится джунглей муть,
И кто врага с пути отбросит —
Выигрывает путь.

Всё джунгли тягостней и шире,
То злая широта,
Немного значат в этом мире
Покой и доброта.

Одну винтовку держат крепко,
Сжимают на ходу,
Одна есть в памяти зацепка,
Европой ли идут?

Иль больше нет земли подобной,
А все, что в мире есть,—
Пустыня, шум лесов подробный,
Простор — смертельный весь.

Иль это сон, который снится
Им про самих себя,
И стоит крикнуть — сон затмится,
Виденья погребя.

Или действительно измена
Смела весь вольный свет,
И никакой знакомой Вены
На свете больше нет?

И каждый знает, он отстанет —
И хлопнет черный кнут,
Он только трупом наземь грянет,
И труп штыком толкнут.

Лощина, мгла — канал за нею
Дорогу преградил,
Никто не смел сказать, бледнея:
«Товарищ, погоди!»

И сердце холодом дышало,
Как кровью — в той воде,
Упало солнце у канала,
От страха за людей.

О братство стремящихся, наперекор
Ты шло без огней, без дороги —
Прожектора вражьего падал топор,
Но вырубить смог он немногих.

Трещали мундиры под коркою льда,
Как колокол, сердце гудело,
Как будто не мясо, как будто руда
Рабочие кости одела.

Плелись они, падали, шли, бормоча,
Но всю красоту человечью
На острых они выносили плечах,
О том и не ведали плечи.

И не было в мире зимы никакой,
И не было в мире пустыни,
Предутренний падал на лица покой,
Какого не знали доньше.

МОЛОДОЙ ПОДПОЛЬЩИК

Не тем последним снегом,
Что падал на плечо,
Не вымысла набегами
Я нынче увлечен,—

Но всей стиха живучестью
Хочу я в жизнь врать,
Над стиховою участью
Задумался мой стих.

Среди ночей обугленных,
Углям ночей под стать,
Он фосфорными буквами
Пытался заблестать.

И вижу, как в тумане, я
В предутренней строке
Подпольщика Германии
Идущим налегке.

Быть может, в то мгновение
Услышал он в саду
Простое птичье пение
В простых дерев ряду.

И вспомнил, как безжалостен
Тюремный потолок,
Как мысли об усталости
Он в пыль перетолок,

Подумал он по-дружески
Вне всякой тьмы забот,
Что лип тех старых кружево
Его переживет.

Но, жизнь на подвиг выменяв,
В метель и в зноя звон
Они свободы именем
Клянутся, как и он.

И надо только выстоять,
Спокойствие храня,
Когда за каждым выступом
Готова западня.

Во встрече той предутренней
Всю меру, стих, учти,
Все жило силой внутренней,
Безобразной почти.

Изобрази движение
Тех влажных листьев лип
И тонкий отблеск пения,
Который к ним прилип.

Изобрази, как юноша
Прошел среди аллей,
Иную жизнь задумавший
И присягнувший ей.

Изобрази без горести
Рассвет, весну, дома,
Всё — как начало повести,
Где автор — жизнь сама.

Парижская тетрадь

* * *

Л. К. М.

Плывет над площадью пустой
Июльских дней настой.
И бронзовый стоит на ней
Веселый маршал Ней.

Здесь город тих, слегка угрюм,
В шафранный плащ одет,
А я на маршала смотрю:
Знакомый силуэт.

Всплывает детства давний миг,
Ты над душой моей
Стоял в страницах рваных книг,
Веселый маршал Ней.

Смешны рисунки мне Раффе,
Смешны мне годы те.
Сто лет прошло... Сажу в кафе,
В парижской тесноте.

Когда б ты с камня слез, гроза,
Ко мне, отерши лоб,
То я б грозе порассказал
Хотя б про Переконп.

Про день, что был не бирюзов,
Про наших армий вихрь,
Про тех, что вышли из низов,—
Про маршалов моих.

И ты бы — бронзовый, рябой —
Смотрел за грани крыш,
Где несмолкающей трубой
Вдали ревет Париж.

Где в летней дымчатой красе,
Наметившись едва,
Он грозен, он еще не все
Сказал свои слова.

**СТАТУЯ
САМОФРАКЦИЙСКОЙ ПОВЕДЫ**

Ни машин елисейских
Цветные ряды,
Ни холсты
На музейной тропе,
Ни дыханье камней
Драгоценных, седых
В синем бархате
Рю де-ля-Пе —
Ничего не сказали
Хорошего мне.
Даже площадь
Конкордская вдруг
Потускнела,
Словно пустыня во сне,
Только пылью
Обвеянный круг.

Я увидел, как призрак,
Работы предел:
Море рваное,
Мокрые латы.
Неслышимый ветер гудел
Над летящей
Победой крылатой.
Серый мрамор,
По телу
Струясь полотном,
Словно латы,

К плечам тяжелея,
Напряженнейших крыльев
Окончив залом,
Бился жилкой
Легчайшей
На шее.

И как будто лицо
Затерялось
В ночи,
Без лица —
Только скорость нагая,
Эта легкая сила
Взлетела и мчит,
Все границы,
Пространства
Сжигая.

Над столицей старой,
В полярных горах,
В океанов
Тропическом пекле,
В черноте стратосферы
Увидишь — горят
Эти крылья,
Несущие
Век наш!

И во тьме
Европейской,
Где светел мятеж,
Ослепляя невидимым
Ликом,
Ты услышишь, как хлопают
Крылья все те ж,
Череп
Разбивая владыкам.

От тебя уйду я
В шумящий Париж.
В этот день

Я куда ни ступаю,
Все мне кажется —
Город
Бескрыл и бесстыж,
Лишь одна
Суматоха тупая.

Б Ю Т - Ш О М О Н

Конечно, Мост Самоубийц —
В местах рабочих лег он,
Где столько безысходных лиц,
Забытых счастьем окон.

Внизу — озерная вода,
Тропинок желтых скаты,
Внизу холмов — вечерний дар —
Парижа дымный кратер.

Ныряй в пучину этих крыш,
В лиловых стен объятья,
Он был одним хорош, Париж —
Всем предлагал нырять он.

И после выносил прибой
Одних на остров квелый,
Наполеоновой судьбой
Назвав беды глаголы.

Других кидал в холодный морг,
Гнал в нищету без срока,
Беря четвертых на измор
В Кайенне иль в Марокко.

Но образ некий вынес он
Сюда, на холм рабочий,
Тайком поставив на газон
Испуганною ночью.

Бывает — парк шумит, крылат,
Бывает — весь в молчанье,
Лежит под деревом Марат
В своей свинцовой ванне.

Пускай не может рук поднять
И жечь не может речью,
Как будто дремлет среди дня
Тень правды человечьей.

Он видит сон: в волнах косых
Идет он, волны роя,
• Он стал корабль, кусок грозы,
Скользит стальной горою.

Вновь держит речь, неукротим,
Как прежде, голос звучен,
И осыпаются пред ним
Фонтанов водных кручи.

Их вызвал век не под шумок,
На мировом раскате —
Того, что лег на Бют-Шомон,
Того, что встал в Кронштадте.

14 ИЮЛЯ 1935 ГОДА

КАНИ ПРАЗДНИКА

Ждут веселья — нет веселья,
Флаги лишь висели
Да оркестров новосельем
Город путь усеял.

Гром их медный только дразнит,
Погремит и ляжет,
Где ночной народный праздник?
Мне никто не скажет.

Как-то стал Париж задумчив,
Этажи — что тучи,
Танцевать куда бы лучше,
Чем томиться, мучась.

И над Сеной мало света,
Звезды точно свечи,
В Сену мелкие монеты
Иностранцы мечут.

Чтоб купить немного счастья
У воды журчащей,
Чтоб тебя в стране молчащей
Вспоминать почаще.

А молчащею строною
Стал ты сам, совсем иною...

Первый раз за все столетье
Говоришь: «Не буду петь я»,
Может быть, твой галльский петел
Крикнет на рассвете.

Может быть, народ Парижа
Смех плеснет на лица,
На бульваров глади рыжей
Днем повеселится?

Оттого ли по бульварам
Пусто танцев место?
Оттого ль как будто варом
Залиты оркестры?

ПЛОЩАДЬ БАСТИЛИИ

Бирнамский лес шагнул на Донзинан,
А если б вся земля тогда шагнула,
Какой бы был в трагедии изъян,
И зритель не опомнился б от гула.

А вот при мне, с Бастилии начав,
Шагнул народ — Парижа лес веселый,
Шли деды и вели своих внучат,
Шли женщины с сестрою карманьолой.

Литейщики, пилоты, слесаря
Сливали свой товарищеский говор,
И песни их, точнее хрустала,
Сменяла буря стали лозунговой.

Стихом простым я слово проведу
Не потому, что сложным не владею,
А потому, что рядовым в ряду
Простое слово стало чародеем.

С ним потеплела хладная земля,
И в братстве снова найденной поруки
От стен Парижа и до стен Кремля
В тот день тянулись возгласы и руки.

О, знай Шекспир леса таких знамен,
Перечеркнувших распри феодалов,
Какой бы тут схватил пергамент он,
Чтоб закрепить движенье улиц алых!

В один котел здесь пали времена,
И кто громил Бастилий норы лисьи —
Воскрес и шел, подняв на рамена
Советский век, колпак фригийский выся.

Мой век меня вниманьем не обидел,
Я многое могу порассказать,
Но в этот день Париж такой я видел,
Что можно лишь на меди вырезать.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Еще живы клоаки и биржи,
Еще голой мулатки сосок,
Как валюта, в полночном Париже
Окупает веселья кусок.

Еще в зареве жарких притонов,
В паутине деяг и святош
И на каторжных долгих понтонах
Распинают людей ни за грош.

Но на площади старой Бастилии
Тень рабочих колонн пролегла,
Целый век поколенья растили
Эту тень боевого крыла.

Чтоб крыло это власть не задело,
На изысканных улиц концы
С черепами на флагах трехцветных
Де-ля-Рока прошли молодцы.

Белой розы тряся лепесточки,
Вождь шагал, упоенно дыша,
И взлетали на воздух платочки,
И цилиндры качались, спеша.

И приветствуя синие роты,
Проносился кликушеский альт,
И ломался каблук у красоток,
Истерически бивших в асфальт.

Чтоб крыло это власть не задело,
С пулеметом на черном плече
Гардмобилей тяжелое тело
Заслонило Париж богачей.

И над Сеной, к сраженью готовой,
Я увидел скрежещущий сон —
Лишь поставленных в козлы винтовок
Утомительно длинный разгон.

И под ними играли прилежно
Дети, роясь в песке золотом,
И на спинах пикейных и нежных
Тень винтовок лежала крестом.

Деды их полегли у Вердена,
Где простор для погоста хорош.
Ты отцов их дорогой надменной
На какие форты поведешь?

О Европа! Покажется, будто
В этот час на тебя клевету —
Не Давидом, в сандали обутым,
Ты стоишь, зажимая пращу, —

Голиафом, готовым для казни,
Кровожадного пыла жена,
Ну так падай с хрипением навзничь,
Справедливой пращой сражена!

С Н О В А   В Е Ч Е Р

Снова вечер. И над Сеной гложнет
Неба потеплевшего уют.
И блюда какой-то темной кухни
Мне на стол вечерний подают.

День сгорел. Но было в том сгоранье
Нечто, от чего я весь дрожу,
И в него уже воспоминаяем,
Как в картину, заново вхожу.

И в лицо мне пышут краски снова,
Рамой дня охваченный квадрат,
Дальше холст. Суровая основа.
Грубая материи кора.

За стеной, чужою и кирпичной,
Будничное светится окно.
Ем я мясо птицы заграничной,
Пью я корсиканское вино.

Но у дома ходит ветер легкий,
На стене, от мудрости седой,
Я прочту дантоновские строки,
Скрепленные красною звездой.

ПЕРЕУЛОК КОТА-РЫБОЛОВА

Там подошла к стене почти стена,
И нет у них ни двери, ни окна.

И между них такой, что видно дно,
Бежит ручей — название одно.

Когда-то был он полон водных дел,
И умный кот на том ручье сидел.

И в поисках хозяину харчей
Кот лапу запуская свою в ручей,

Рассматривал, каков его улов,
На серый коготь рыбу наколов,

И если рыба шла как будто в брак,
То снова в воду лазал кот-батрак.

И говорили люди тех дворов:
«Вот это кот, прозваньем — рыболов».

И переулок отдали коту,
Как мастеру ловить начистоту.

Уединясь от громких злослов и зал,
Париж мне эту повесть рассказал.

Сейчас ручей такой, что видно дно,
Над ним дома — название одно.

И нет сентиментальности во мне,
Ни жалости к ручью или к стене.

Но так служивший человеку кот
Пускай героем в песню перейдет.

Из переулка, узкого, как дверь,
В страну родную я смотрю теперь.

Вам всем, собаки — сторожа границ,
Вам, лошади, что бысролетней птиц,

Олени тундр, глотатели снегов,
Верблюды закаспийских берегов —

Я не смеюсь и говорю не зря,
Спасибо вам от сердца говоря,

За дней труды, за скромность, простоту,
Уменье делать все начистоту.

Хочу, чтоб вас, зверей моей земли,
За вашу помощь люди берегли

И чтили б так за лучшие дела,
К которым ваша доблесть привела,

Вот так, как этот город мировой
Чтит батрака с кошачьей головой!

НА ВЕРДЕНСКИХ ХОЛМАХ

(Форт Дуомон)

1

На холмах проросла небольшая трава,
На отравленной газом земле,
Видно, знающий кто-то траве колдовал
И учил пробираться во мгле.

Двадцать лет она билась и вышла на свет,
Захотелось взглянуть после мглы
На леса, на деревни, а их-то и нет —
Лишь кресты, словно гуси белы.

Лишь осколки бризантной лежат головы,
Как тогда, их зубец раскален,
И под шорохи той недовольной травы
Мы спускаемся в форт Дуомон.

2

Тьма и плесень, ходы и ходы
Углубляются, стены сверля,
И тяжелые капли воды,
Точно плачет в обиде земля.

Полосатый бетона обвал
Порыжевшие скрепы когтят,
Точно свод на колени упал
И пощады просил, тарахтя.

Лазарет подземелий на дне,
Чтобы чувствовать люди могли,
Умирая, прижавшись к стене,
Что они уже в недрах земли.

Триста дней, триста зорь и ночей
В барабанный огонь погружен,
И не все ли равно, был он чей —
Этот дьявольский форт Дуомон?

Тут пруссак ли о Рейне мечтал,
Иль бретонец — о зыби морей,
Иль писал на парижский почтамт
Парижанин девчонке своей,

Или, тайно листовку держа,
Бывший слесарь иль бывший портной
Тут мятежною дрожью дрожал
От предчувствия битвы иной, —

Все они были распяты здесь,
В перекрестках подземных ходов,
Шла громов небывалая смесь
Над броней Дуомона седой.

Под особо громовый разрыв
Им казалось, таящимся тут,
Что стихийные силы ведут
Поединок, о людях забыв.

Иногда приводил ураган
В подземелье чужие штыки;
И стрелялся в углу комендант,
И гудели углы, как быки.

Запах пороха, крови, мочи,
Вместо солнца осколок свечи,
Похлебали же в этом хлеву
Безысходного сна наяву.

Здесь сегодня румяный юнец
Бойким голосом радостно врет
Про войну, про геройский венец,
Продает за гроши этот форт.

Но во мне только рев тех ночей,
Человечества темный полон.
И не все ли равно, был он чей —
Этот дьявольский форт Дуомон?

3

Мы наверху. Холмы желтей, грубей.
Трава. Лесок, отравленный и вялый,
И жалкий столб, и надпись на столбе:
«Деревня здесь такая-то стояла».

И мертвые, с оружием в руках,
В траншеях спали, полные печали,
И, точно рожь всходила впопыхах,
Штыки, блестя, из-под земли торчали,

Америки богач ограду им
Соорудил — врата убрал мечами.
Что пользы в том? Сквозь этой жертвы дым
Проходим мы в совсем другом молчанье.

Нет, не хотел бы надпись я прочесть,
Чтобы в строках, украшенных аляпо,
Звучало бы: «Почтите мертвой честь —
Здесь Франция стояла! Скиньте шляпу!»

Бельгийские пейзажи

ДОРОГА ИЗ БРЮГГЕ В МЕНЕН

Как будто на сказочном круге,
Не знавшем вовек перемен,
Дорога из дряхлого Брюгге
В не менее ветхий Менен.

Как будто, не ради соблазна,
Но сытости высшей верна,
Стоит, улыбаясь атласно,
Лесов голубая стена.

Здесь дым расплывается грубый,
Чтоб он не чернил высоту,
Здесь в белое крашены трубы,
Чтоб всю подчеркнуть чистоту.

И трубы, метели белее,
Растут по заводским холмам,
И райского блеска аллеи
К счастливым подводят домам.

Такая рассыпана щедрость,
И так разлита благодать,
Такая луна без ушерба,—
Что можно им сердце отдать.

Каналы и виллы не плохи...
Уж мнится в порыве простом,
Что мы не в железной эпохе,
А в веке совсем золотом.

Но тут подступает вплотную
Вся тяжесть ночей и трущоб
И руку кладет ледяную
На жаркое ваше плечо.

И вот уж не в света обновы,
А в сумрак, что злобой намок,
Свивает на валик свинцовый
Тоску меловую дорог.

И валик, рыдая, скрежещет,
И сердцу не встать из тисков,
Бедою клейменные клещи
Стучат у холодных висков.

Ни праздности душною силой,
Ни сытостью розовых стен —
Ты душу мою не купила,
Дорога из Брюгге в Менен.

Полночного края опора,
Ты мчишься, подобно ему,
Не только из города в город —
Из тьмы в еще большую тьму.

ГОРА ДЕ-КА

На горе Де-Ка, на голой,
Я сидел и пиво пил
И от пива стал веселый;
И соседа я спросил:

«Нет на свете стран печальной
Европейских черных стран,
Кто ж весельем неслучайным
Наполняет мой стакан?»

Кто варил такое пиво?
Где найти весельчака?»
Отвечал сосед учтиво:
«Тут же рядом, на Де-Ка».

И взобрался по тропе я,
Где траппистов монастырь
Стережет, во сне тупея,
Терпкий кладбища пустырь.

Человек пивного царства,
Что рождает пенный вал,
Опирался там на заступ,
Над могилой пребывал.

Босиком, зеленокожий,
Мыслей муть устав толочь,
Делать заступом он может
Два удара только в ночь.

Рыть могилу по уставу
Он годами обречен,
Свет скончавшейся державы
Плыл в глазах его свечой.

Кто ты, роющий могилу
Европейский человек?
Дипломат ли ты унылый,
Жадный золота ловец?

Знал ли книжные ты басни,
Боевые ль ордена
Скрыл тяжелый твой подрясник
Из верблюжьего сукна?

Я безумею от ночи,
Что в твоих глазах сквозит,
Где, как лист, весь мир источен,
С пивом заступ говорит.

Ты во мраке на обрыве,
Но и мраку есть предел,
Вот откуда горечь в пиве,
Горечь лет и горечь дел.

Тонкий вихрь опустошенья
По склерозным жилам дул,
Он лицо в изнеможенье
Словно флюгер повернул.

И сказал я через силу
В эту прозелешь свинца:
«А не лучше ли могилу
Рыть уж сразу до конца?»

Ничего не отвечал он,
Дом без двери, без окна;
Как пивной ручей, стучала
В кровь высокая луна.

РОЗЫ ФЛАНДРИИ

В равнине, на холмов откосе,—
Ну, где б ни привелось,—
Навстречу Фландрия выносит
Багряный шелест роз.

Как ни взгляни — повсюду розы,
Но истины ушли
Не в эту сладостную россыпь,
А в серый слой земли.

Под ним лежит необозримый
Солдатский Пантеон,
Но все уносит синим дымом,
Так унесен и он.

И в это сумрачное лето
Я снова вижу их,
Чей крик, не получив ответа,
Под известью затих.

Был день, закат, что шел, трезвея,
По рвам, как по рабам,
Как по ступеням Колизея,
По брошенным домам.

И часовых все глуше гнуло
Усталости кольцо,
Пока ипритом не пахнуло
В померкшее лицо.

Какие б розы ни свисали,
Хотя бы на пари,—
Но я кровавых тех красавиц
Не привезу в Париж.

Я не хочу, чтоб розы Фландрии
Стояли на окне,
Они пустынное, чем ланды,
Чем Альпы при луне.

Они безжалостней, чем поле,
Где шли траншей круги,
Но их срывают поневоле,
Затем, что нет других.

ЗЕЕБРЮГГЕ

Я вечером увидел Зеибрюгге,
В лиловой пене брандера плечо,
След батарей за дюнами на юге
Я, как легенду черную, прочел.

Пустыней мол и виадук сияли,
Дымилась моря старая доска,
И жирной нефти плавала в канале
Оранжево-зеленая тоска.

Простого дня тягучее качанье,
В нем чуть дрожал полузабытый миф,
Когда сюда ворвались англичане,
Ночную гавань боем ослепив.

Далекий бой — он ничего не весил
На горизонте нынешнего дня,
Как будто клочья дымовой завесы
На вечер весь окутали меня.

Я пил и ел, я думал, не проснется
Во мне война — сны день мой заглушат:
Мне снился блеск форштевня миноносца,
Которым крейсер к молу был прижат.

Мне снился брандер, тонущий кормою,
И на корме — тяжелый сверток тел,
И виадук воздушною тюрьмою,
Искрящейся решеткой просвистел.

Мне снился человек на парашуте,
Над ним ракеты зыбились, пыля,
Он был один в их погребальном свете,
За ним фор-марс горящий корабля.

Мне снилась та, с квадратными глазами,
Что сны мои пронзительно вела,
Отвага та, которой нет названья,
И не понять, зачем она была.

Проснулся я. Стояла ночь глухая,
На потолке, снимая ночи гарь,
Легко сверкнув и снова потухая,
Как гелиограф, шифровал фонарь.

Английские ночи

В ЛАМАНШЕ

Мы чинно ползем
По белесому скату,
Вот это Ламаншем
Зовут небогато.

Костистый чиновник —
Канадская ель —
Сосет безусловно
Не первый коктейль.

Сидит, проверяя
Потом паспорта,
Но вермута раем
Душа налита.

По службе ж до гроба
Ему не везет,
Сидит он сурово
И когти грызет.

Влюбленных наречье
На палубе рядом,
И чайки навстречу им
Диким парадом.

Влюбленные знают,
Терзаясь у борта,
Что ночь поджидает их
С кольцом потертым.

И в ярость одетый
Джентльмен круто
Швыряет газету,
Уходит в каюту.

Ложится, стеная,
Хрипит на полмира,
И жаба грудная
Здесь душит банкира.

Шпион одинокий
Жрет ростбиф горячий,
И с шулером в покер
Схватился приказчик.

Высоко над ними
Глаза капитана,
Что были стальными,
Туманятся странно.

Здесь место, что мучит
Не мелью худою,
Здесь сын его лучший
Лежит под водою.

Лежит на обломках
В подводных полянах,
Глядят, как в потемках,
Глаза капитана.

В день раза он по три
Идет здесь, тоскуя,
И смотрит и смотрит
В пучину морскую.

**НАРОДНЫЕ ПЛЯСКИ
В ГАЙД-ПАРКЕ**

Под эти шумящие кроны,
Под неба британскую строгую высь
Народы Дуная, и Роны,
И Рейна, и Эбро сошлись.

И вот загудела не просто
В свинцовом плетенье солдатских шагов
Немецкого лагеря поступь,
Костры у чужих берегов.

Испанская легкая доблесть
Сияла, как рыжее пламя орла;
Какая-то робкая область
В пастушеском вальсе плыла.

Пахнуло гранитным фиордом,
Гремело венгерской равнинной тоской,
Мелькнули и скромность и гордость
И мирно ушли на покой.

Но вечер нежданно украшен —
В народов узорном усталом кругу
Советская молодость пляшет
На старом английском лугу.

И танец — невесть что такое,
Но ритм — истребителя точного взлет,
Но кончены счета с покоем,
Бескрайнее сердце встает.

И кажется, сердца не хватит,
И воздух все жилы ночные открыл
Для этих летящих объятий,
Для этих отчаянных крыл.

В них искры обвалов и крепи
Души богатейших, откровеннейших шахт,—
Пространство такое, что степи
Могли б перед ним не дышать.

И кажется, небо взорвется,
И звездно — ничем невозможно помочь —
Посыплется в пропасть колодца
Английская древняя ночь.

И зритель из парковой чаши
Был вырван, как песни невольной звено,
С потоком таким восходящим
Унесся гулять заодно.

И зритель, собой не владея,
Как будто в полете в мальчишеском сне,
Лишь видит, что он молодеет,
Нырять в такой глубине.

И вот уже все, как вначале,
И лишь в океане старинной листвы
Деревья шатают отчаянье
Под град восхищенной молвы.

Сорваться бы им, и рвануться,
И ринуться — ног и души не жалея,—
Широкой листвою революции
Шуметь по Британии всей.

НОЧЬ ЛОНДОНА. ДОКИ

Он спит, опираясь лицом на канат,
Как сброшенный с круга боксер.
«Так все загрустившие докеры спят,
Но днем он подтянется, сёр!»

Так все загрустившие докеры спят...
Чуть слышно во сне говорит,
Он спит — у него от виска и до пят
Тревогою тело горит.

На бледных скамейках так докеры спят,
Сидят, опираясь щекой
На старый канат, а старый канат
Бежит оловянной рекой.

Как все загрустившие докеры спят,
Я сплю, опираясь лицом на канат,
Усталый от схваток боксер, —
Сквозь грохот, который меня доконал,
Я слышу, ваш голос через Канал
Приносит: «Вы встанете, сёр!»

Пусть все загрустившие докеры спят,
Но, щеки зарей леденя,
Вы встанете прежде, как чайки взлетят,
Чтоб заново вспомнить меня!»

Море

У МАЯКА (Северное море)

В руках нелегких автомата
Маяк льет желтый свет,
И видит в окна вал косматый,
Что человека нет.

А что-то движется такое,
Что властвует одно
Над серым камнем, над прибоем,
Слегка искрясь в окно.

А тот, с кем говорило море,
Стал морю незнаком,
Из трубки в кольцах вьется горе,
Зовется табаком.

Но все глядит он глазом душным
Туда, где вдалеке
Слуга хозяйствует бездушный
На белом маяке.

А дочка тоненькая бродит
По влажному песку,
И вал косматый к ней подходит,
К сиянию смуглых скул.

Она бежит к нему от скуки,
Но отступает вал,
Цветы ему кидает в руки,
Чтоб он не горевал.

Но отступает вал, бросая
К ее ногам свой плен,
И рада девочка босая
Гремучим вихрям пен.

Она смеется смехом лучшим
Той радостной игре,
Ей не понять тоски цветущей
Стареющих морей.

* * *

Вот птица — нет ее свежей —
• Оттенков пепельного дыма, —
Породы башенных стрижей,
Чья быстрота неповторима.

Летит, нигде не отдохнув,
От тростников Египта пресных
До Гельгоlanda — ночь одну —
До стен, как мужество, отвесных.

Уж небо стало зеленой.
Она зарей уже умылась,
И, окантован, перед ней
Могучей пеной остров вырос.

Но там, где серого гнезда
Комок однажды прилепился,
Бьет время, волны разнуздав,
Осколки рухнувшего мыса.

И плачет птица, огорчив
Весельем залитые мели,
Как будто ночь еще кричит
В ее худом и темном теле.

Так, европеец, удалясь
От той земли, что звалась детством,
Ты вспомнишь вдруг былую связь
И чувств потерянных соседство.

Преодолев и ночь и дождь
Крылом свистящим, в летной славе,
Ты прилетишь — и ты найдешь
Совсем не то, что ты оставил.

МЫ ИДЕМ КИЛЬСКИМ КАНАЛОМ

Кильский канал — это длинный канал,
Усыпительный, как веронал.

Как будто все те же стоят берега,
И стража все та же, все так же строга.

И поезд все тот же стучит над водой,
Все той же завалены барки рудой.

И ржавые тачки ползут, как одна,
И только на лицах пестра тишина.

Их надо, как шифры, читать не спеша,
Когда под конвоем проходит душа.

Но я не умею, но я не могу
Читать наугад на таком берегу.

Кильский канал — это длинный канал,
Мучительный, как трибунал.

На мачту, где флага тяжелый багрец,
Насмешливо смотрит фашистский юнец,

Повязка чернеет изломом креста,
И краска загара до злобы густа.

Недвижна канала седая струна,
А ржавые тачки ползут, как одна.

Как будто весь воздух иссвистан плетью,
Молчанье металла — над людьми.

Но вижу, за мостиком барки одной
Стоит человек, отделенный стеной,

Тончайшей стеной, от повязки с крестом,
Он мало заботится, видно, о том.

Кулак он сжимает, шагает вперед,
Ротфронта салют кораблю отдает

И смотрит, как будто его не узнал,
На тихий, как каторга, Кильский канал.

Возвращение

ЛОЦМАН

Словно в снег одичалый и талый
Зарываясь и шумно дыша,
Та моторная лодка взлетала,
Равнодушную пену круша.

Во весь рост перед зыбью зеленой
В ней стоял человек, невысок,
Точно в лодку был врезан мореный
Корабельного дуба кусок.

Переносные лампы светили
С теплохода на черной стене,
Пегой лошадьё в звоне и в мыле
Эта лодка почудилась мне.

Как с седла одного на другое
Переносит наездника страсть,
Прыгнул лоцман, повис, за тугой он,
За веревочный трап ухватясь.

Он карабкался долго и тяжко
И на палубе стал над водой,
В куртке кожаной, в черной фуражке,
Запыхавшийся, мокрый, седой.

Он смотрел на хрипящую воду,
Отдышался и, сплюнув, пошел,
Бормоча, как старик, про погоду:
«Да, погодка сегодня не шелк».

Мне понравилась эта лохматость,
Полуночный из моря приход
И прыжка его легкая сжатость
Над сумбурною рухлядью вод.

И когда он стоял на штурвале —
Моложавый, как небо, старик,
Те же волны пред ним замирали,
Точно стал он другим в этот миг.

Я тогда был стихами замучен,
Мчался в пенистых строк полосе,
Если б мне бы такая же участь,
Путь вернейший указывать всем,

По словесной по накипи черной
Во весь рост проноситься вниз
И подняться над пеной просторной,
Отдышавшись от рифм и цезур.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Льется воздух, мужеством настоен,
Пыль чужая падает с плеча,
В днях чужих я жил не как историк,
Нрав племен в томах не изучал.

Жилы строк в моих скрипели жилах,
В них любовь и ненависть моя,
По-другому чайки закружили,
За Толбухин вылетев маяк.

Им не надо плыть в закат зловещий,
В чужестранной ночи костенеть,
В уши мне советский говор плещет,
Мне в глаза залива светит медь.

Угасает запад многопенный,
Друга тень на сердце у меня,
По путям сияющей вселенной
Мы пройдем когда-нибудь, звеня.

Но куда б по свету ни бросаться,
Не найти среди других громад
Лучшего приморского красавца,
Чем гранитный город Ленинград!

ПРОТИВОГАЗ

Я на руке держу противогаз,
Мне хочется сказать ему два слова:
Мы в той стране, которая сурова,
Но у которой разум не погас.

Противогаз!

Твоей резиной липкой
Обтянута Европы голова,
И больше нет ни смеха, ни улыбки,
Лес не шумит и не шуршит трава.

Лишь рыбий глаз томится, озирая
Стальную муть дневных глубин,—
Какой актер увлек тебя, играя,
Какой тебя любовник погубил?

Так вот зачем ты пела и трудилась,
По городам копила старину,—
Чтобы тебе, как состраданья милость,
Белесый холод щеки обтянул?

Как с облаков приходит нежность, жалость...
Тебя лишили волей хитреца
Последнего, что все же оставалось:
Простого человеческого лица,

Живого человеческого обличья,
Не жить шумя, шепча, вопя, ворча,—
Та голова, не рыба и не птичья,
Без языка маячит на плечах.

Ты даже не услышишь сквозь резину,
Когда, поднявши грохота пласты,
Такая гибель пасть свою разинет,
Чтоб все сожрать, чем так гордилась ты.

Но на бульварах буйного Парижа
Не для того шел в битву человек,
Чтобы его растущей воли век
Был пулею случайно подстрижен.

Не для того шахтеры старых шахт
Земли английской приносили клятвы,
Не для того в испанских шалашах
Был динамит под рубищем запрятан.

Не для того всех казематов строй
Пытал людей Германии во мраке,
Не для того в Астурии герой
Так умирал, как умирает факел.

Не для того в лучах острее сабли
Там абиссинец — в скалах далеко —
Делился вдруг воды последней каплей
С обманутым Италией стрелком.

Противогаз!

Не верю я, чтоб ты,—
Мешок, чьей мерой будут мерить ужас,—
Украд людей прекрасные черты,
Торжествовал, навязываясь в дружбу.

Но облик твой печальный теребя,
Земли земель я ставлю рядом имя!
Бессонной ночью выдумал тебя
Затравленный рычаньем века химик.

Но будет день — и мы тебя приедем
К своим домам, набив соломой просто,—
Вот так у входа в ассирийский дом
Висели рожки пестрою коростой,

Чтоб отгонять болезни и чертей,—
Полночных вьюг и ветра собеседник,
Повиснешь ты мишенью для детей,
Невольником жестокости последней.

Я буду стар, и я приду к тебе,
И за Невой садиться будет солнце,
А рядом песня станет пламенеть
И наших щек обветренных коснется.

ЧУДЕСНАЯ
ТРЕВОГА

1937 - 1940

*

КУВШИН

Если б были мы в горах —
Я и ты,
Мы пошли бы в Уркарах
Иль в Ахты.

На базаре бы купили
Мы кувшин,
Не для вин и не для пыли,—
Для души.

И раскрасили б на славу
В холодке,
И пустили б его плавать
По реке.

Он бы плыл по Ахты-Чаю,
Как умел,
Валуны в пути встречая бы —
Гремел.

Перекаты б пенил грудью,
Мыл бока,
Любовались бы им люди
Да река.

Полюбил бы над рекою
Путь луны,
Что, не грея, беспокоит
Валуны.

Захлебнулся бы он страстью
Незначай,
Утонул в твоей бы пасти,
Ахты-Чай.

Посмеялись бы кувшину,
Так и быть,
И пошли б в духан к тушину
Чачу пить.

Но совсем иным потоком
Бьет Москва,
Тонет в пламени глубоком
Голова.

Только нет здесь Ахты-Чая
Под рукой,
И кувшин-то здесь нечаянно
Другой.

* * *

Уедешь ты к оливковым
Кремнистым берегам,
Я буду знать урывками,
Как поживаешь там.

И кто с тобой встречается,
И с кем ты весела,
Волна ли там качается,
Цветет ли там скала.

В ночь лунную, крылатую,
Пустынную до слез
Взгляни на узловатые
Побеги серых лоз.

И в меловой покорности,
В нежданной простоте,
О северной упорности
Напомнят лозы те.

И о далекой верности
Прочтешь, как по складам,
По этих лоз безмерности,
Не сдавшейся годам.

РАННЕЕ УТРО

Мир молодой, как небо на заре,
Встречал меня на той полугоре.
И, книжным словом не оскорблена,
Чернела леса дальняя стена.

И созданная заново роса
Гордилась тем: росу пила оса.
И шепоты властительные трав,
В свое дыханье мощь земли вобрав,
Вступали в спор с могучею осой,
Был у осы граненый глаз косой.

Казалось, шепчет мне полугора
Мильоном уст: тебе устать пора.

Я сел на пень. Я вспомнил жизнь свою.
Я унижать ее не устаю,
Разменивать на мусор малых дел,
Как будто не поставлен ей предел.
И, может быть, уж вся она за мной,
Как этот холм перед лесов стеной.
И объяснить я должен муки все
Немедля — курслепу иль осе.

Кому еще? Я вспомнил город твой,—
Ты спишь еще, и сон над головой,
Закрыты ставни. Улица гремит
Железом всех сомнений и обид.

Ты спишь еще. Еще твоей рукой
Владеет жизни комнатной покой.

Ты — легкая, не знавшая родов,
Ты — вольная в неволе городов,
Ты тихо спишь — и, как у статуй ровно,
Твои глаза глядят еще условно!

* * *

Был майский день, но ветер шел с залива
И вел туман и ставил на холмы,
Как будто бы из мглы неторопливой
Являлось мне видение зимы.

На старый снег похожи стали воды,
Свинцовостью мерцаая снеговой,
Но не было мне дела до природы
И до ее поруки круговой.

Лишь потому мне и приснился буер,
В глубокий снег ушедший до плеча,
Что только ты всей образною бурей
Моих стихов владела в этот час.

И, твоему покорен самовластью,
Стал буер яхтой, легкою, как дым,
И он прошел, как скромный вестник счастья,
Прорезав сердце килем ледяным.

То не был сон, что путал время года,
Но дальний плеск одной волны родной,
Туман исчез, весенняя природа
С твоей улыбкой встала предо мной.

* * *

Как след весла, от берега ушедший,
Как телеграфной рокоты струны,
Как птичий крик, гортанный, сумасшедший,
Прощающийся с нами до весны,

Как радио, которых не услышат,
Как дальний путь почтовых голубей,
Как этот стих, что, задыхаясь, дышит,
Как я — в бессонных думах о тебе.

Но это все одной печалю росчерк,
С которой я поистине дружу,
Попросишь ты: скажи еще попроще,
И я еще попроще расскажу.

Я говорю о мужестве разлуки,
Чтобы слезам свободы не давать,
Не будешь ты, заламывая руки,
Белее мела, падать на кровать.

Но ты, моя чудесная тревога,
Взглянув на небо, скажешь иногда:
Он видит ту же лунную дорогу
И те же звезды, словно изо льда!

С Е Н Т Я Б Р Ъ

Едва плеснет в реке плотва,
Листва прошелестит едва,
Как будто дальний голос твой
Заговорил с листвою.

И тоньше листья, чем вчера,
И суше трав пучок,
И стали смуглы вечера,
Твоих смуглее щек.

И мрак вошел в ночей кольцо
Неотвратимо прост,
Как будто мне закрыл лицо
Весь мрак твоих волос.

ХОРОВОД В СУЛЬДУСИ

Хлынул дождь, когда девушки, встав в хоровод,
В старом Сульдуси, в Сульдуси пели,
И казалось, что дождь все их ленты зальет,
Пояса из цветной канители.

Пели девушки те на вечерней заре,
Под грозой, хоровод не сужая,
Но мне слышалось в том дождевом серебре
Твое имя — не песня чужая.

Пели девушки, ленты качая свои,
Дождь ходил полосами косыми,
Мне ж звучало над песней неслышное им
Твое имя — далекое имя.

Люди слушали — песни струилось зерно,
Я стоял между ними, чужими,—
И над песней, как радуга, жило оно —
Твое имя, веселое имя.

* * *

Стих может заболеть
И ржавчиной покрыться
Иль потемнеть, как медь
Времен Аустерлица,

Иль съежиться, как мох,
Чтоб Севера сиянье —
Цветной переполох —
Светил ему в тумане.

И жаждой он томим,
Зарос ли повиликой,
Но он неизгоним
Из наших дней великих.

Он может нищим жить,
Как в струпьях, в строчках рваных,
Но нет ни капли лжи
В его глубоких ранах.

Ты можешь положить
На эти раны руку —
И на вопрос: «Скажи!» —
Ответит он, как другу:

«Я верен, как тебе,
Мое любившей слово,
Безжалостной судьбе
Столетия золотого!»

* * *

Там генцианы синие в лугах,
Поток румяный в снежных берегах.
Там в неповторной прелести долин
Встал ледяной иль черный исполин.

Там есть поляна легкая одна,
Где утром рано вся страна видна.
Родник там бьет; кто пил из родника,
Тот вновь придет под эти облака

В лесов раскат, в скалистые края,
В твой синий сад, Сванетия моя.

Не о тебе я нынче говорю —
Я милую встречаю, как зарю.
В глазах ее — спокойные огни,
Синее синих генциан они.
Я пью озноб горящий родника,
И светится во тьме ее рука.

Какой страной ее я назову,
Такой родной во сне и наяву;
Сквозь ночи шелк, сквозь грозных будней гладь
Куда б ни шел, я к ней иду опять.

* * *

Твой день в пути извилистом
Увижу, как во сне,
Тенистый, или тинистый,
Иль меловой вполне.

Ты не поверишь ярости,
С какой придет беда,
Что высшей станут радостью
Сухарь, ночлег, вода.

Что тиной все затянется,
Что друг в постылый час
И в бегстве не оглянется
Иль сам тебя предаст.

Заплачешь на излучине
Дорог в пустой ночи,
Блеснут земли замученной
Зеленые лучи.

И, загнана пространствами,
Ты вспомнишь среди тьмы;
Что эту землю Францией
Когда-то звали мы...

* * *

Я люблю тебя той — без прически,
Без румян — перед ночи концом,
В черном блеске волос твоих жестких,
С побледневшим и строгим лицом.

Но, отняв свои руки и губы,
Ты уходишь, ты вечно в пути,
А ведь сердце не может на убыль,
Как полночная встреча, идти.

Словно сон, что случайно вспугнули,
Ты уходишь, как сон, — в глубину
Чужедальных мелькающих улиц,
За страну меняешь страну.

Я дышал тобой в сумраке рыжем,
Что мучений любых горячей,
В раскаленных бульварах Парижа,
В синеве ленинградских ночей.

В крутизне закавказских нагорий,
В равнодушьи московской зимы
Я дышал этой сладостью горя,
До которого дожили мы.

Где ж еще я тебя повстречаю,
Вновь увижу, как ты хороша?
Из какого ты мрака, отчаясь,
Улыбнешься, почти не дыша?

В суету и суровость дневную,
Посреди роковых новостей,
Я не сетую, я не ревную,—
Ты — мой хлеб в этот голод страстей.

* * *

И встанет день, как дым, стеной,
Уеду я домой,
Застелет поезд ночь за мной
Всю дымовой каймой.

Но если думаешь, что ты
Исчезнешь в том дыму,
Что дым сотрет твои черты,
Лишь дым я обниму...

В заката строгого резьбе,
Одной тебе верны,
Твои мне скажут о тебе
Норвежцы со стены.

Тебя в картине на стене
Найду в домах у них,
И ты поднимешься ко мне
Со дна стихов моих,

Ты будешь странствовать со мной,
И я не отрекись,
Какую б мне, как дым, волной
Ни разводили грусть.

Если тебе не все равно,
А путь ко мне не прост,—
Ты улыбнись мне хоть в окно
За десять тысяч верст.

※ * *

Мой город так помолодел —
Не заскучать,
И чайки плещутся в воде,
Устав кричать.

И чаек крылья так легки,
Так полны сил,
Как будто душу у реки
Кто подменил.

И самолетов в вышине
Горят круги,
Я слышу в синей тишине
Твои шаги.

Как будто слух мой стал таков,
Что слышит сон,
Как будто стук твоих шагов
Заворожен.

Как будто губ твоих тепло,
Прохладу плеч.
На крыльях чаек принесло
Сюда — беречь.

Иль ты одна из этих птиц
Сама,
И мне по ней в огне зарниц
Сходить с ума!

* * *

Вокзалы, всё вокзалы — ожиданья,
Здесь паровозы, полные страданья,
Горят, изнемогая на глазах,
В дыму шагают, пятятся назад.
Возможно то: здесь с человека взыскан
С такой тоской весь старый долг судьбе...
О, пустяки, не обращай вниманья,
О, как давно мы получали письма,
О, как давно, о горечь, о тебе! ¹

---

¹ Это стихотворение является вольным переводом отрывка из поэмы аварского поэта Махмуда из Қахаб Росо.

* * *

Ты не думай о том, как тоскую я в городе зимнем,
И высокие брови не хмурь на чернеющий снег,
Ты со мною всегда, и в снегах и под пламенным ливнем,
Улыбнись, моя гордость, ты поедешь навстречу весне.
Ты увидишь ручьи, как впервые, мальчишески рыжие
рощи,
И взъерошенных птиц, и травы полусонный узор,
Все, что снится тебе, будет сниться теплее и проще,
Ты любимое платье наденешь для синих озер.
Ты пойдешь вдоль канала, где барки над тихой водою,
Отдохнешь среди улиц, где тихо каштаны цветут,
Ты очнешься одна — в тишине, далеко, чуть усталой,
простой, молодой,
Удивленно впивая такой тишины чистоту.

ИЗ АНТОНИО МАЧАДО

Однажды, люди говорят,
Моряк развел у моря сад
    И стал деревьям страж.
Когда же сад пылал в цвету,
В морей зеленых широту
    Уплыл садовник наш.

* * *

Хочу, чтоб стих был тонок, словно шелк,
Не для того, чтоб в шепот перешел.

Но я сейчас сжимаю стих в комок
Не для того, чтоб он дышать не мог,—

А чтобы счастья полная строка
Теплела где-то жилкой у виска,

А чтобы стих, как свернутый клинок,
Блистая, развернулся бы у ног.

Ты грустно скажешь: не люблю клинков.
И без стиха есть жилки у висков.

Постылый блеск о стены разобью,
Я строки дам клевать хоть воробью.

Я их заставлю будничными быть,
Как та тоска, которой не избыть,

Та, чей озноб легко на горло лег,
Чтоб уж не стих, а я дышать не мог!

О Д Н А Ж Д Ы Л Е Т О М

Ты думаешь, я забываю
О мире, кипящем ключом,
Испания — та, боевая, —
Ты думаешь, мне нипочем.

Стучат ее битвы и казни
О песни старинную честь,
Но слов торопливых и праздных
Не может язык произнести.

Я тем не обижу героя
В скользящем воздушном бою,
Что вижу сквозь битву порою
Простую улыбку твою.

Сквозь все самолетные звезды,
Какими гордится страна,
Я вижу и то, что, как воздух,
Как свет, ты бываешь нужна.

Какие ж на это запреты?
И чем эта правда плоха?
Я верю в испанское лето
И в позднее лето стиха.

Я падал, как падает долго
Пилот на глубин острие,
Лишь бешеный ветер восторга
Держал равновесье мое!

НА Д ФИНСКИМ ОЗЕРОМ

Светят звездные ложбины
На песчаный на откос,
Веет холодом чужбины
Пункахарью лунный лоск.

Из-под весел искры брызнут,
Белой выгнутся дугой,
Я тоскую по отчизне,
По воде совсем другой —

По родной широкоплечей
Невской чистой быстрине,
И другой мне снится вечер —
У тебя на стороне.

И другой воды изгибы,
Где река всего пестрей,
Где мелькают в ней, как рыбы,
Отраженья фонарей.

Где, моих ночей истома,
Ты проходишь весела,
Словно слышу смех знакомый
В плесках синего весла.

Словно в лодке той высокой
Ты появишься в ночи,
Словно прыгнешь на песок ты.
Легких ног не замочив.

* * *

Никаких не желаю иллюзий взамен,
Будто ночь и полуночный час,
И один прохожу я по улице Ренн
На пустынный бульвар Монпарнас.

Под ногами кирпичный и каменный лом,
Спотыкаясь, блуждаю я здесь,
И на небе, что залито черным стеклом,
Ничего не могу я прочесть.

«То ошибка! — я ночи кричу. Ведь она
Не в Помпее жила, это ложь,
Так зачем этот мрак, не имеющий дна,
Этот каменный, пепельный дождь.

О, не дай же ей, ночь, погибать ни за что,
Разомкнись и ее пожалей,
Беспощадной светящейся лавы поток
С пикардийских вулканных полей».

* * *

Пусть серый шлак
Перегорит в мученьях,
Прольется вновь
Металл — огня дитя,—
Раз ты вошла
Во всё столпотворенье
Моих стихов,
Их жизнью не шутя,—

Возьми мой стих,
Дымящиеся строки...
Ковал, любя,
Багровый их булат,
Я сделал их
В часы моей тревоги,
Они тебя
В тревоге защитят!

ГОРЫ

1938-1940

*

Горы кавказские для меня священны...

М. Лермонтов.

❖ * *

Крутой тропюю — не ленись —
К лесам Таврарским подымись,
Взгляни в открывшую высь,—
И ты увидишь наяву
Не снившуюся синеву.

Не позабыть, пока живу,
Долин Сванетских синеву.

Перед такую синевой
Я был когда-то сам не свой.
Перед такую синевой
Встань с непокрытой головой...

* * *

Я снова посетил Донгузорун,
Где лед светил в реки седой бурун.

Остры, свежи висели вокруг снега,
Я видел: жизнь моя опять строга,
И я опять порадовался ей,
Что можно спать в траве между камней,
И ставить ногу в пенистый поток,
И знать тревогу каменных берлог.
В глуши угрюмой, лежа у костра,
Перебирать все думы до утра.

И на заре, поднявшись на локте,
Увидеть мир, где все цвета не те...

ЭЛЬБРУС С БЕЧАСЫНА

...Намеченный смело
Над зыбью полей
Святящимся мелом
По аспидной мгле...

Вычерчивал мастер
Во весь небосклон
Его, как на части
Разбившийся сон.

Чертил он и правил
Снега, как рассказ,
И гору поставил
И вывел на нас.

И падал кусками
И сыпался мел,
Но гору на память
Он кончить сумел!

ВЕРХНИЙ ХУЛАМ

Как будто затыжным прыжком
Лечу, и дух мне захватило,
И тянет вниз пространства сила
На камни, вставшие кругом.

Над темным кратером безмерным,
В зеленом трепете неверном —
Гранит со снегом пополам —
Вечерний высится Хулам.

Над скал воинственными лбами
Туманов белых вьется прядь,
Ожесточись, как этот камень,—
Что можешь сердцем ты сказать?

Пока горят лучи скупые,
Запоминай, окаменев.
Природы игрища слепые —
Преображенный в камни гнев!

РУЧЕЙ

В день позднего лета,
Жуя алычу,
Мы возле Душета
Шли вверх по ручью.

Он, розовой, красной
Водой шелестя,
Резвился, прекрасный,
Предгорий дитя.

Бежал он прилежно
И маленьким ртом
Рассказывал нежно
О самом простом.

Весь полон спокойным
И детским огнем...
...Душетская бойня
Стояла на нем.

* * *

Горных рек нескончаемый гул,
Пред которым я вечно в долгу.
Он в крови моей, в сердце моем,
С этим гулом мы вместе умрем.
Голубая вода Теберды,
Знал я реки, что были горды,
Их надменный и грозный язык
Я читать с увлечением привык.
Знал я тихие воды, что шли,
Как спокойные думы земли.

Стал теперь я и прост и жесток:
Я люблю безыменный поток.
С ледяной он сбегает коры
Безызвестной высокой горы.

Он ворчать свои мысли привык;
То сидит он, точно старик,
То в его молодые глаза,
Удивляясь, глядится гроза.
И пастух на его берегах
Запевает о прошлых веках.
И поет, проходя, пешеход
Про бессмертный советский народ.
И поет альпинист молодой
О вершинах, склоняясь над водой.
И поет про девичьи сны
Ему девушка горной страны.
И потоку великая честь —
Через жизнь эти песни пронести.

* * *

Женщина в дверях стояла,
В закате с головы до ног,
И пряжу черную мотала
На черный свой челнок.

Рука блеснет и снова ляжет,
Темнея у виска,
Мотала жизнь мою, как пряжу,
Горянки той рука.

И бык, с травой во рту шагая,
Шел снизу в этот дом,
Увидел красные рога я
Под черным челноком.

Заката уголь предпоследний,
Весь раскален, дрожал,
Между рогов аул соседний
Весь целиком лежал.

И сизый пар, всползая кручей,
Домов лизал бока,
И не было оправы лучше
Косых рогов быка.

Но дунет ветер, леденя,
И кончится челнок,
Мелькнет последний взмах, чернея,
Последний шерсти клочок...

Вот торжество неодолимых
Простых высот,
А песни — что? Их тонким дымом
В ущелье унесет.

ГУНИБ

Здесь ночи зыбкие печальны,
Совсем другой луны овал,
Орлы, как пьяницы, кричали,
Под нами падая в провал.

И взмах времен глухих и дерзких
Был к нашим окнам донесен,
Перед лицом высот Кегерских
Гулял аварский патефон.

Тревогу смутную глушили
И дружбой клялись мы навек,
Как будто все мы в путь спешили,
Как будто ехали в набег.

Из пропасти, как из колодца,
Реки холодной голос шел:
«Не всем вернуться вам придется,
Не всем вам будет хорошо...»

А мы смеялись и болтали
И женщинам передавали
Через окно в кремнистый сад,
Огромной ночью окруженный,
Стаканы с тьмой замороженной,
Где искры хитрые кипят.

ЖЕНЩИНЫ КУРУША

Где Шагдаг пленяет душу,
Я привстал на стременах:
Ходят женщины Куруша
В ватных стеганых штанах,
В синем бархате жилеток,
В самотканном полотне,
И лежат у них монеты
На груди и на спине.
С чубуком стоят картинно
У оград и у ворот,
И мужской у них ботинок
Женской обувью слывет.

Их бровей надменны дуги,
Хмурой стали их рука,
И за ними, словно слуги,
Бродят стаей облака.
Гость иной, поднявши брови,
Их усмешкой поражен,
Скажет: нету жен суровой
Богатырских этих жен.

Нет, предобрые созданья
В ватных стеганых штанах
Украшают мирозданье
Там, где высится Шагдаг.
Тараторят понемножку,
Носят воду над скалой,

Из кунацкой за окошко
Облака метут метлой.

И они ж — под стать лавинам,
В пропасть рвущимся коням,
И страстям — неполвинным,
Нам не снившимся страстям!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Шел снег всю ночь, и утром в свете ржавом
На всем хребте торжественность лежала,
Как будто зубья, башни, клювы, шпили
Впервые здесь зеленый воздух пили,
Как будто снег просыпал свой избыток
На те места, что летом были скрыты,
Чтоб на уступе даже самом малом
Ночной пурги хотя бы горсть лежала.

В долинный мир от тех безмолвий львиных
Торпедой пыльной двинулась лавина,
И среди трав, подвешенных в просторе,
Она пробила облачное море,
Пред ней в лесах, где разноцветен лист,
Блеснул огнями красный барбарис.
Где ястреба с глазами одержимых
Метались по кустам неудержимо
И рвали там в траве темнородой
Перепелов, забытых непогодой,—
Там в дуновенье силы справедливой
Закрыла птиц своей молочной гривой,
Рассыпалась на луга белом блюде,
И только пыль слетела ниже — к людям.

...Так напряженье каменных пород
Преобразило самый вид страданья,
Так мужество по-новому встает,
Когда к нему приходит испытанье.

Так напряженье каменных пород,
Свое страданье передав движеньем,
Слепой несправедливости полет
Наполнило нечаянным значеньем!

* * *

Марку Аронсону.

Он — альпинист и умирал в постели,
Шла тень горы у бреда на краю,
Зачем его не сбросили метели
Высот Хан-Тенгри в каменном бою,

Чтоб прозелень последнего мгновенья
Не заволок болезни дым,
Чтоб всей его любви нагроможденье,
Лавиной вспыхнув, встало перед ним.

Прости, что я о смерти говорю
Тебе, чье имя полно жизни нежной,
Но он любил жестокою зарю
Встречать в горах, осыпан пылью снежной.

Я сам шагал по вздыбленному снегу
В тот чудный мир, не знавший берегов,
Где ястреба как бы прибиты к небу
Над чашами искрящихся лугов.

Мы знали с ним прохладу сванских башен,
Обрывы льда над грохотом реки,
О, если б он...

Такой конец не страшен,
Так в снежном море тонут моряки.

И если б так судьба не посмеялась,
Мы б положили мертвого его
Лицом к горе, чтоб тень горы касалась
Движеньем легким друга моего,

И падала на сердце неживое,
И замыкала синие уста,
Чтоб над его усталой головою
Вечерним сном сияла высота.

* * *

Если можно было бы смерть выбирать,
Этим днем все ошибки сгладивши,—
Думаю, что хорошо умирать
На тропе из Жабежа в Адиши.

Там, легко обогнав человеческий рост,
Горных трав золотятся вершины,
Этот луг, до которого ты не дорос,
Он, как младшего брата, обнимет, он прост,
Рост твой двухсполовиноаршинный!

ГОРЕЦ

Сказал, взглянув неукротимо:
«Ты нашим братом хочешь быть,
Ты должен кровью побратима
Свое желание скрепить».

И кровью гор морозно-синей
Кипел ручей, высок и прям.
«Ты, горец, прав! Клинок я выну —
Я буду верный брат горам!

Пускай на рану льет отвесно
Простая горная струя,
Пускай сольется с кровью трезвой
Кровь опьяненная моя».

А Л Ы П И Н И С Т Ы

1

Ползут по расщелинам колким,
Идут в коридорах опасных,
Иль фирном отвесным, тяжелым,
Иль гребнем смертельным и долгим,
В уступах крошащихся, красных,
Вбивают крючья на голых,
Нависнувших скалах они.

Герои, безумцы, провидцы!
Потратил я молодость даром:
Не шел я небес рубежами,
Как вы, одержимые высью,
И вот, высотой не богат,
Я вижу и плачу от мысли,
Что путь мой над скалами замер,
Что мой ледоруб не вонзится
Ни в ребра бессмертные Шхары,
Ни в гребень неистой Шхельды,
Ни в белый, как смерть, Чалаат!

2

Когда приносят альпиниста —
Обвалом сломана нога, —
Его кладут в траве душистой,
А он тоскует по снегам.

Друзей заботы, полдень чудный,—
Все говорит ему: смирись,—
А он все помнит траверс трудный,
Восторг упорства, лед и высь!

3

Врубаясь в лед, под воем вьюжным,
С корой морозной на плече,
Они идут веревкой дружной,
Над ними снег дымитя, кружит,
Вершина ближе — гребень уже,
Зачем все это людям нужно,—
Блаженный, страшный путь,— зачем?

Вершина! Сердце отдыхает,
И странный мир со всех сторон
Лежит под ними, в тучах тает,
И подвиг воли завершен;
Как знать, что он обозначает?

Так, бурей чувств ошеломлен,
Рожденный ночью стих не знает,
Какое утро встретит он,—
Но, жизни радуясь, играет...

**ИСПАНЦЫ
ОТСТУПИЛИ ЗА ПИРЕНЕИ**

Не могу прикоснуться к перу,
Словно полны чернила заклятий,
А в глухом иностранном бору
Лишь о войнах выстукивал дятел.

Только видятся женщины мне
Среди зимней дороги скалистой,
Только дети, упавшие в снег,
Только рощ обгоревшие листья.

И о пепельных, полных седин,
Так пронизанных порохом рощах,
И о людях, молящих воды
За колючею проволокой ночью,—

Что ни скажешь о жизни такой,
Все не так, и не то, и все мало,—
Все уж сказано детской рукой,
Из-под снега торчащей на скалах.

СЕРГО В ГОРАХ

Есть у старого Таргима
Заповедная скала,
Мчится там Таргима мимо
Асса в пене добела.

В глубине ночного часа,
В знойный полдень между гор
Та клокочущая Асса
Помнит милого Серго.

Та скала, что заповедна,
Чьей тропы не обогнуть,
Помнит путь его победный,
Как от сердца к сердцу путь.

На скале на той зеленой
Отдыхал он среди дня,
Здесь, в речной воде студеной,
Своего поил коня.

Словно Асса мчится в Сунжу,
Сунжа воды в Терек льет,
Песня пенится и кружит,
Мир хвалу ему поет.

Мир гордится человеком,
Вольный мир — широкий дом!
Гром ли бродит над Казбеком,
Или то военный гром,

Иль прокатных станов гулы,
Он встает изо всего —
Все такой же, чуть сутулый,
Грозный, добрый наш Серго.

Мне казалось, что над Ассой
На вечерней крутизне
Всадник легкий, темноглазый
Выйдет вдруг навстречу мне.

Сердце вздрогнет не от страха,
И узнаю сразу я
Тонкогривую папаху,
Бурки черные края,

Свет улыбки неизменной,
Острый взор большевика.
И до неба бросит пеной
Асса, горная река.

* * *

Давайте бросим пеший быт,
Пусть быт копытами звенит,
И, как на утре наших дней,
Давайте сядем на коней.

И для начала мы лугами
Пройдем широкими кругами,
Огладив шею скакуна,
Проверив, крепки ль стремяна,
Взмахнем камчой над конским глазом —
В полет скакун сорвется разом.

И ну чесать то вверх, то вниз —
Взлетать с разбега на карниз,
В ручей с карниза, пену взмылив,
А в травах что-то вроде крыльев
Летит зеленою парчой
Под обалдевшей алычой.
В камнях, над гривой не дыша,
Прошепчешь: «Ну, прощай, душа!» —
И — нет камней, лишь плеск в ушах,
Как птичьи плески в камышах.

А ты забыл, что хмур и сед,
И что тебе не двадцать лет,
Что ты писал когда-то книги,
Что были годы, как вериги,
Заботы, женщины, дела,—

Ты помнишь только удила,
Коня намыленного бок,
И комья глины из-под ног,
И снежных высей бахрому
Навстречу лѣту твоему...

НУМАНСИЯ

1938

*

Пьеса знаменитого автора «Дон Кихота» Сервантеса «Нумансия» представляет эпизод борьбы древнего Рима с Испанией.

Трагические подробности осады города Нумансии римлянами показывают нам неукротимую борьбу за свободу испанского народа его мужество и презрение к смерти.

Это мужество роднит доблесть защитников республиканской Испании с их древними свободолюбивыми предками.

В трагедию, состоящую из четырех хорнад, введены Сервантесом интермедии в стихах. На сцене появляются аллегорические фигуры: Испания, Война, река Дуэро, Голод, Слава. Эти аллегорические фигуры произносят речи об Испании сервантесовских времен.

Героическая трагедия «Нумансия» шла в дни борьбы республиканской Испании на сцене как антифашистская пьеса.

Я переписал заново интермедии к «Нумансии», которую предполагалось поставить у нас, и добавил новые фигуры Фашиста и Антифашиста. Реку Дуэро я заменил рекой Эбро.

Говорит Испания:

Ты, жесткая земля моих нагорий,
Мой жаркий лес и мой зеленый луг,
Как пламенем, охваченные горем
И в пламени исчезнувшие вдруг,
И городов моих семья родная,
Жестокоей правды я не утаю:
Перед врагом безжалостным одна я
И ночь и день бессменная стою.

О милая Нумансия, когда-то
В годах, подобных доблестному сну,—
Тогда в боях еще звенели латы,—
Ты римских лат рубила крутизну.
Ни золотом, ни лестью и ни кровью

Рим не добыл твоей свободы дней,
Тем подвигом, лишенным многословья,
Ты стала мне сейчас еще родней.

А я была обманута своими,
Они к себе призвали новый Рим,
Какое дашь ты этой своре имя,
Ругавшейся над именем моим?
Предатели великого народа,
От злобы обезумевшие псы,
Они позвали псов другой породы,
Чтоб и чужак был нашей кровью сыт,

И Рим пришел. Рим прилетел скорее,
Неся на крыльях ликторский топор,
Как тот топор, рубя испанцам шею,
Фашистский Рим глядит на нас в упор.
Согнув своих застенком и обманом,
Залив свинцом у непокорных рот,
Увлеч одних безумных слов туманом,
Бичом нужды погнав других в поход.

И дикари, что в век Октавиана
Входили в Рим под шкурами рабов,
Как будто бы поднялись из тумана,
Как будто бы восстали из гробов.
И, свастики искривленные зубья
Нося как символ рабского труда,
Нагрянула небес испанских глутью
Германская фашистская орда.

И над моей землею несравненной
Они глумятся, все испепелив,
Ручьи текут, искрясь кровавой пеной,
Скрипят стволы обугленных оливок.
Пощады нет ни зданию, ни картине,
Ни статуе, ни книге — ничему,
Как будто все, что существует ныне,
Их волей погружается во тьму.

В их словаре такого нет названья,
Как человек,— обычай их таков:
Всю жизнь людей гонять по истязаньям
И — загнанным — не ослаблять оков.
Тогда народ страны моей любимой
Оружье взял — сначала в шквале том
Он умирал с мечтой неукротимой,
Пусть лучше смерть — не слабость пред врагом.

Нумансия! Легенда вековая,
Смотри на легендарных храбрецов:
Вот девушка-испанка, умирая,
Не побледнев, глядит врагу в лицо;
Вот юноша, еще не знавший жизни,
А вот старик, вовек не знавший войн,—
И на колени матери-отчизны
Склоняются кровавой головой.

И вот тогда на помощь отовсюду
Пришли бойцы далеких самых стран,
Как человеку, верящему в чудо,
Им помогал могучий океан.
Им помогали тропы Пиренеев,
Они пришли, не смывши пыль дорог,—
Они пошли в атаки и в траншеи,
И каждый дрался, умирал, как мог.

Испанию сестрою называя,
Шла доблесть мира к нашим берегам,
И встала гнева туча грозовая
И наши молнии бросила врагам.
Швыряй их, ветер, шли им бурю, море,
Ущелья пусть ловушкой станут им,
Им на голову — камни плоскогорий,
Стволы лесов в лесах нагромоздим.

Знай, Эбро, ты, река моя большая,
Старинных дел великий водоем,
Пускай наш враг все злобою решает,—
Мы доблестью их злобу разобьем.

Ты, Эбро, здесь словам моим внемли,
Мы — старая упорная порода,
Мы защитим свободу всей земли,
Пока жива испанская свобода!

Г о в о р и т Э б р о :

Мать Испания! Я вижу
Тени вражьих самолетов,
Чужеземцев кровожадных
На высоких берегах.
Мать Испания! Я слышу
Голос пушек и пожаров,
Клекот танков беспощадных
На замученных лугах.

Прямо в море уношу я
Мертвецов твоих несчетных,
Словно гневом, окружены
Шумной пеной удальцы.
«Вы за что погибли, дети?» —
Вопрошаю я погибших.
«За Испании свободу!» —
Отвечают мертвецы.

Речка малая Харамы,
Мансанарес мелководный
Иль водой богатый Тахо,
Блеск Дуэро — взмах ножа —
Вы видали тех испанцев,
Вы видали тех друзей их,
Что дрались, не отступая,
Головой не дорожа.

Мать Испания! Однажды
Нашей славы батальоны
Тихо к берегу спустились —
Навести к утру мосты,
Кто входил по горло в воду,
Кто по пояс, кто по локоть,
Ставя грузные понтоны,
Ставя лодки и шесты.

И, смотря на это дело,
Обмельть бы я хотела
Иль пригнать им сверху челны,
Чтоб сапер не горевал,
Силу вод своих уменьшить;
Я их холодом бодрила,
Через их нагие плечи
Перекатывая вал.

Только утро осветило
Берегов моих уступы,
Как, подобные в полете
Черным молниям шаровым,
Бомбы вражьих самолетов,
Воду вспенив, зашвыряли
Окровавленную пену
По настилам мостовым.

И когда мосты взлетали,
Вихрем щепок распадаясь,
В воду прыгали саперы
И стояли вновь мосты;
Как сестра дивится братьям,
Я дивилась тем саперам,
Что простые были парни
Небывалой красоты.

Проходил народ веселый
По мостам, залитым кровью,
Он с улыбкой не случайной
Шел за правду умирать,
Пусть другие реки мира
Нам объявят перекличку,
Чтобы славу рек испанских
Славой собственной назвать.

Я хочу услышать голос
Хуан Хэ, реки храбрейших,
Вод китайских ветерана —
Шум Янцзы, как шум грозы,

Я хочу услышать голос
Рек маньчжурских, абиссинских,
Сунгари или Такказе,
Партизанских рек язык.

Из других бассейнов водных
Я приветствовать желаю
Мне далекие, родные
Воды озера Хасан,
Где штыком красноармейским
Руку вору пригвоздили,
Славен будь Союз Советский
На земле и в небесах!

Мать Испания! Скажу я:
Вот Нумансия когда-то
Вся погибла, не сдаваясь,
Но досель она жива,—
Будешь ты костром вселенной
И теплом углей горящих
Согревать того, кто бьется
За народные права!

Г о в о р и т   И с п а н и я :

Знай, Эбро, ты, река моих героев:
Всем миром мне наказ великий дан,
Ему верна и, силы все утроив,
Фашистских сил сломаю ураган!

Г о в о р и т   В о й н а :

Как будто был закат совсем не грозный,
И в радио веселая волна,
Вставай, беги, постой,— безумец, поздно!
Я здесь стою у двери, я — Война!

Я кралась меж уловов дипломатов,
В шпионском шифре, между строк статей,
Чтобы упасть нежданной и крылатой
И зашуметь в полночной черноте.

И ты меня не знаешь: я такая —
Я пряталась пожаром торфяным,
И, тайному пожару потакая,
Жгли предо мной завесы душный дым,

Чтоб человек невольно задрожал,
Увидя в лоб несущийся пожар.
А как его движения стройны,
А как чудесен арсенал войны!

А как душа налетчика горда —
В перчатках белых рушить города,
Когда рукою легкой, как волчок,
Рычаг рванет и смерти даст толчок.

И вот под ним взамен столицы спящей
Встал дыбом ад, горящий и вопящий;
Вы стелете искусственный туман
И танков бронированный таран
Пускаете, закрыв его туманом
И пронизав сначала газом пьяным.

И танки мчатся, давят, давят кости
Хохочущих от газа на погосте.
Хохочущий чудесен легион —
Уже хрипит, а все хохочет он!
Великого художника потеха —
Придумать так: в бою сгореть от смеха!

И лучший повар будет поражен,
Коль огнемет в бою увидит он.
Что жарил он гуся крыло рябое!
Здесь человека жарят в кухне боя.

А гул тревог идет волной двойною,
Психологической зовясь войною,
И кажется смятенному уму,
Что враг вокруг, уж у него в дому.
Со льдом в глазах, с покрытой потом кожей
Тут все бегут, и бегство жертвы множит.

А сила газов! Перед нею немы
Все краски симфонической поэмы.

То человек лиловый, как цветок,
То жабы он желтее и бугристей,
То просто тень, и в ней трепещет ток,
То валится он головешкой чистой,
То, ослеплен, садится он и плачет,
И боль по нем от сердца к мозгу скачет.

То жидкий воздух в бомбе загремел,
Как будто бы слетел лавиной мел.
Так в облаке известки, краски, пыли
Лежат куски, что прежде домом были.

Пыль улеглась, и уж спешите вы
Смотреть в кафе гостей без головы.
Или вагон трамвайный пополам
Снаряд разбил — дымит железный хлам.
Сто километров пройдено снарядом,
Чтобы отец упал с ребенком рядом.

А фосфор загоревшийся, скользя,
Ничем на свете потушить нельзя.
И улица горит, как муравейник,
Ржавеет дым, как осенью репейник,
И, словно мух, людей круговорот
Прихлопывает с неба пулемет.

Но помните, позвавшие меня,
Я не простой бегущий столб огня,
Покорный вашей кровожадной воле,
Сжигающий одно чужое поле,—
Нет, заповеди черные войны
Для всех сторон смертельны и равны.

И, вызвав газ, вы сами газ глотнете
И бомбовоз услышите в полете
Над собственной крышей, трепеща,
И тень тревоги — серого плаща —
Вам выбелит и волосы и щеки,
И танка след увидите широкий
На собственной пылающей земле,
На городов разрушенных золе.

А как народ вас вытащит на суд,—
Об этом мне чуть позже донесут!

Г о в о р и т Г о л о д:

Истории отдернувши завесу,
Сегодня нам показывают пьесу.
Когда-то Рим нашел блестящий случай
И голодом Нумансию замучил.

Я тоже генерал — и сам не молод,—
Не смейтесь над генералом Голод!

Люблю фашистов я послушать речи,—
Мне нравится их звук нечеловечий.
Тишайший генерал в мундире скромном,
Любуюсь я их планом вероломным.

Когда гремит огромный конь войны,
Мне стремяна его не так важны,
Он мне милей не боевым наскоком —
Когда над ним сидят вороны скопом!

Пусть в первый день победы суждены,
Но я зовусь последним днем войны!
Со штабом всех болезней тише нищих
Я обхожу поля, леса, жилища.

Над мертвым краем мертвая метель —
И вьется пыль, где прежде вился хмель.
И там, где были водные пути,
Ни рыбака, ни рыбы не найти.

Вхожу я незаметно в города —
На улицах голодная орда.
А в магазинах тронут я картиной —
Лишь пауки корпят над паутиной.

Под стражею заводы на ходу,
Где трудится рабочий, как в бреду,
И, жирных бомб обтачивая стенки,
Шатается, как тень кнута в застенке.

Рабочему, который изнемог,
Кладу осьмушку хлеба на станок.
Фашистские плакаты, беспокоясь,
Кричат свое: подтягивайте пояс.
Полны газеты бешеных затей,
Рождаются уж дети без ногтей.

А стоны жен — утехи воинов храбрых —
Приправлены болезней всех отравой.

Я прохожу по улицам нагим,
В глазах у встречных черные круги,
Дерутся из-за падали другие,
И вижу глаз зеленые круги я.

Я прихожу в раскрашенный дворец.
«Стой, кто идет?» — «Я, генерал Конец!»

И, побледнев под каской, часовой
Звонит в звонок над бедной головой.

И я иду, всей роскошью дыша,
Туда, где воинов преступная душа,
Где в кабинете самых строгих линий
Сам Гитлер или, может, Муссолини.

То бычий череп с челюстью тяжелой,
Мясистый рот с усмешкой невеселой
И маленькие руки мясника,
Упершиеся в круглые бока,—

Иль, от бессонницы лицом желтея впалым,
С лунатика стеклянным взором вялым,
С клоком волос на лбу и на губе
И с кулаком на кресельной резьбе,—

Мне все равно: я с ними не жилец,
Мне все равно: я — генерал Конец!

Я говорю, и плавно речь течет:
«Тряпичник я, пришел отдать отчет.

И лучшая помойка, как ни странно,
В которую вы превратили страны,
Тряпье и кости — больше ничего,—
Вот результат отчета моего.

После войны тридцатилетней, древней,
Исчезли замки, бурги и деревни,
И каждый немец, грустно поражен,
Был должен брать не менее двух жен.

Чтоб прокормить тех женщин хоть бы малость,
Мужчин в стране почти что не осталось.

Хотите ль вы того, иль не хотите,
Но рушится фашистская обитель,
И миллионы, голодом ведомы,
Идут на ваши пышные хоромы.

И, штык подняв в гнилой воде окопа,
За мной идет голодная Европа.
Вам не придется издавать закон,
Чтоб каждый брал не менее двух жен,—
Нет, голодом гонимые, те жены
Не будут вашим палачом сражены.

Все это называется судьбой —
Я их веду на их последний бой!

Я тоже генерал из самых голых,—
Не смейтесь над генералом Голод!»

Г о в о р и т   Ф а ш и с т :

Вот говорят: фашистская держава
Не знает человеческого права,
Что мы глядим на вещи слишком просто,
Что любим мы лишь тишину погоста.

Сейчас я объясню вам, отчего:
Народ — дитя, мы — фюреры его.
Ребенка вы, чтоб вырос он титаном,
С младенчества кормите барабаном,

Парадов факелом слепите по ночам,
Привейте вкус к воинственным речам.
Довольно книг — в костер обложек глянец!
Вокруг костра устраивайте танец,
Какой плясал в медвежьей шкуре предок,
И песню затяните напоследок,
Что всей земли народов вы грозней
И призваны господствовать над ней.

Но так как ваш народ не до конца
Покорен воле фюрера-отца
И хочет жить, трудиться, веселиться,
И предками не хочет он гордиться,
И с ним вы не справляетесь добром,—
Вооружитесь добрым топором.

И вот, когда по мере власти роста
Во всей стране величие погоста,
И введены военные харчи,
И есть приказ: работай и молчи!—
Тогда, чтоб не нагрязнула разруха,
Возьмитесь вы за воспитанье духа:

Верните женщин кухне и перине,
Утехой воинов будут пусть отныне.
Усильте рев газетных батарей:
Виной всех бед марксист или еврей,
И что подчас они одно и то же —
Пускай наш гром скорей их уничтожит!
Нас вовсе сжали жалкие соседи,
В военной мы нуждаемся победе!

Твердите всем: обижены судьбою,
Отныне приступаем мы к разбою!
Чтобы за вами выла вся страна:
«Война! Война! Да здравствует война!»

Да здравствует война всегда и всюду,
И городов пылающие груды,
И вопли женщин, и оружья грохот,
Победы гул и побежденных попот.

Покой и труд — марксистская гримаса,
Все расы — прах, есть только наша раса!

Так в пепел все — над пеплом знамя наше,
Пусть вражьи черепа идут на чаши.
Дохнем из них дыхание вина —
И все до дна: да здравствует война!

Г о в о р и т   А н т и ф а ш и с т :

Чтоб надо мной стояла ночь и день
Тюремщика вихляющая тень,
Чтоб каждой мысли вольное движенье
Немедленно бралось под подозренье,
Чтобы страницы мной любимых книг
Костер фашистский уничтожил вмиг,
Чтоб вместо слов простых и человеческих
Рев фюреров я слышал бесконечный,
Чтобы всю жизнь под диких песен вой
Шагал с лопатой в лагерь трудовой,
Чтобы, презренной жизнью дорожа,
К народам пленным шел я в сторожа,
Участвовал в разбойничьих походах,
Чтобы убийц я славил в рабских одах,
Чтоб стал, как труп, безмолвен и, как труп,
Гнил заживо между заводских труб,
Одной войне дымящих славословье,
Моих друзей обрызганное кровью,
Чтоб я забыл, что есть на свете разум,
Косясь на мир налитым злобой глазом, —

Нет! Будет мир стоять неколебим!
Он помнит все, что пережито им:
Пожары, казни, бедствия, сраженья,
Века позора, рабства, униженья,
Где б ни свистел кнутами новый Рим —
Мы ничего ему не отдадим!

Ни наших нив, шумящих морем хлеба,
Ни наших гор, вонзивших пики в небо,
Ни наших рек, струящихся в тиши,

Ни наших песен сердца и души,
Ни слов любви, ни дружбы, ни забот,
Ни начатых народами работ,
Ни городов, где улиц гул веселый,
Ни тех полей, где расцветают села;
И соловей не должен умереть,
О нашей славе будет он греметь,
И ястреба, что над холмов горбами,
Пускай парят простыми ястребами,
И ни тропинки розовой, весенней,
И ни морей, что нету многопенней,
И ни костра, чей вьется рыжий дым
В лесу осеннем, — мы не отдадим.
Не отдадим улыбок наших смелых,
Ни парусов на лодках наших белых,
Ни воздуха, которым дышим мы,
Ни блеска дня, ни теплой ночи тьмы,
Последней ветви яблони румяной,
Луча зари над спящею поляной,
Ни гордости самим собою быть,
Ни права завоеванной судьбы.
Фашизм найдет лишь гибель впереди —
Мы ничего ему не отдадим!

Пусть северный иль южный встанет Рим —
Смертельно с ним в бою поговорим!

Г о в о р и т   С л а в а :

Труби, труба, звени, труба,
Нумансия жива,
Пускай молчат ее гроба,
Не умер древний род,
Народа вольного права
И смерть не отберет.

Слава Нумансии нашей!

Я доблесть новую пою,
Шуми, народный флаг,
Греми, труба моя,

Опять Испания в бою,
Опять пришел свободы враг
В испанские края!

Тому сраженью срока нет,
Враг яростью одет,
Уж год ушел, ушел второй,
И третий год идет.
Когда сражен один герой —
Другой герой встает!

Слава Испании нашей!

И стало поле битвы здесь
Яснейшим издали,
И всех друзей не перечесть,
Что в помощь ей пришли,
Что в битвах умерли за честь
Народов всей земли!

Слава борцам за свободу!

Зажжет последняя борьба
Всемирные края —
Звени, моя труба,
Греми, труба моя.
И станет вольной навсегда
В бессмертной армии труда
Испания моя!

Слава Великому Октябрю!
Слава!

ПАЛАТКА
ПОД ВЫБОРГОМ

1940

*

ПАЛАТКА ПОД ВЫБОРГОМ

Виссариону Саянову.

Мне снились юность, снег,
Друзей далеких тени,
И нежность лиц во сне
Была, как снег и пенье.

Проснулся я впотьмах,
Вскочил одним движеньем,
Я вспомнил: я в горах
Пред новым восхожденьем.

Палатки узкий вход,
Закат алел громадой,
Порозовевший лед,
И грохот камнепада.

Все было наяву,
Все ощутимо грубо —
И то, что я живу,
И холод ледоруба.

И все было не так.
И все в другом порялке:
Вечерний бивуак
Под Выборгом в палатке.

И не закат горел,
А Выборга руины,
Не камнепад гремел,
А ряд орудий длинных.

Не ледоруба сталь,
Винтовки ствол морозный,—
Мне юности не жаль,
Мне изменяться поздно.

В своей стране родной
Я знал покой и счастье,
И вражий надо мной
Вал огневой не властен.

Ничто не страшно мне,
И я за все ответил,
Как эти сны во сне,
Как две палатки эти.

САВОЛАКСКИЙ ЕГЕРЬ

На холме под луною он навзничь лег,
Шевелил волоса его ветер,
Ленинградский смотрел на него паренек,
Набирая махорку в кисете.

Не луна Оссиана светила на них,
И шюцкора значок на мундире
Говорил, что стоим мы у сосен живых
В мертвом финском полуночном мире.

Егерь был молодой и красивый лицом,
Синевою подернутым слабо,
И луна наклонилась над мертвецом,
Как невеста из дальнего Або.

Паренек ленинградский закрутку свернул,
Не сказал ни единого слова,
Лишь огонь зажигалки над мертвым сверкнул,
Точно пулей пробил его снова.

ПАМЯТИ ПЬЯНКОВА

На той дороге фронтовой
От ближних зарев снег был розов,
И лед на касках голубой
Вставал щетиною морозной.
Заледенев, на лбу коней,
Дымясь, позвякивали челки,
И на боках и на спине
Лежал узор попоны колкой.
То пота липкого струи
Замерзли, превратясь в узоры...
Все это видели твои
Льдом застилаемые взоры.

Снег взвихрив, вырвал яму тол,
В ночном лесу, в земле гранитной
Привал последний ты нашел,
Наш скромный друг неименитый.
Что в том, что дружбе году нет,
Мы счет иной ведем сердцами,
И поднял командир планшет
Окаменевшими руками.
Пока стоявшие вокруг
С тобой прощались по-братски,
Занес на карту он, как друг,
Твой бугорок земли солдатской.
И кони тронулись опять,
Таща орудья в снежной пыли,

Опять хрипеть и гроыхать
В ту ночь, когда тебя убили.
В ту ночь я видел, что и ты,
Такой же лес, дорогу, пушки,
Весь мир походной маеты,
И вьюгу, словно повесть, слушал,
Как будто повесть о тебе;
Простую, русскую, ночную,
О долге, родине, судьбе...
...С нее свой завтра день начну я.

* * *

Мерзлый вереск, мерзлый вереск,
Ты звенишь прибоем,
Пред тобою черный берег,
Опаленный боем.

Мерзлый вереск, мерзлый вереск,
Ты звенишь печально,
Над тобою сумрак серый,
Запах гари дальней.

Брат наш вереск, мерзлый вереск,
Лег ты в изголовье,
Мы тебя согреем, вереск,
Нашей кровью.

Ты впитаешь ее, вереск,
Выпьешь в полной мере,
Ты оттаешь, мерзлый вереск,
Мерзлый вереск...

МЫЗА ХУМАЛА

Я должен был взорваться в этом доме,
Я шел к нему все утро, день, всю ночь,
Я так мечтал о крыше, о соломе,
Чтоб лечь, уснуть и чтоб все мысли прочь.

А он стоял на пустыре горелом
И ждал меня, тот домик небольшой,
Я опоздал — и лунным утром белым
Взорвались те, кто ранее пришел.

Зачем они меня опередили?
Я так же мерз, я так же жил в огне,
Одни пути мы вместе проходили,
А этот дом не уступили мне.

ТАНКИСТЫ

Водитель парнем был простым —
Тот Ларченко геройский,
Казалось, с танком он на «ты»,
С ним говорит по-свойски.

Вот о таких сказал всерьез
Сам маршал Ворошилов,
Что это танка виртуоз,
Играющий машиной.

Идут боями. Враг хитер,
Сидит, укрыт корою,
Дома бросает он в костер,
Вокруг ловушки строит.

Идут лесами. Ночь. Ни зги.
Лишь тьма молчаньем душит.
То шорох снега иль враги?
Слух напрягай и слушай.

Идут дорогой. И на ней
Сосна к сосне упала,
Еще таких по глубине
Не видели завалов.

«Пошли, — тут Ларченко сказал,
Вздыхнув широкой грудью. —
Для трусов, может, то завал,
Для нас дорогой будет».

Гремели сосны, и, хрустя,
Ломались ветви с ходу,
Широких гусениц костяк
Лесную мял породу.

Под нею мины. Минный шквал
Рвал взрывом сосен жилы,
И на полметра танк взлетал,
Подброшен минной силой.

И шел, качаясь, и взлетал,
Гудели взрывы шире,
Тянулся дьявольский завал
Километра четыре.

Пошла другая красота:
Камней и бревен кручи.
Танк встал. Не то, чтоб он устал,—
Чтоб присмотреться лучше.

И кто-то молвил: «Кончен ход!» —
Взяло сомненье злое,
Но Ларченко сказал: «Пройдет!
Как не пройдет? Пустое!

Чтоб наш советский грозный танк
Не взял такой преграды?
Он не имеет права! Так
Пройдет мой танк, как надо».

На третьей скорости пустив,
Водитель слушал глухо,
Как бревна начали скрести
Литое танка брюхо.

И танк повис, и танк дрожал,
Как ничего не весил,
И Ларченко его держал
На чудном равновесье.

И танк карабкался и полз,
Как будто акробат он,
А камень скользок был и гол
И был к тому ж покатым.

И танк вошел на вышину,
Мгновенья не замешкав,
Рычаг водитель повернул
С довольною усмешкой.

И он увидел: взорван мост,
Черна в реке водица,
И танк взревел и в воду врос,
Как будто шел напиток.

Тут Груздев видит: нет стрелков,
Пехота вся отстала.
Но командир — он был таков:
«Стоять нам не пристало.

Вперед!» И танк пошел вперед,
Он вражьи норы режет,
Земля фонтанами встает,
В броню — осколков скрежет.

Удар, и дым, и блеск огня,
Сказал водитель строго:
«Бандиты ранили меня,
Окровянили ногу».

И он осколки вынимал,
Сознания не теряя,
Он сам себя перевязал,
От ярости пылая.

И вновь удар, зеленый блеск,
Сквозь дыма занавески
Услышал Груздев страшный плеск,
Бензина запах резкий.

Танк встал, качнулся, встал, стоит,
Земля в фонтанах вьется.
Провод бензинный перебит,
Бензин по танку льется.

«Скорее, Ларченко, давай,—
Сказал спокойно Груздев;—
Иди на башню, подавай
Патроны там к орудью».

Снарядный вихрь вокруг кипел,
Стал Груздев запевалой,
С геройской силою запел
«Интернационал» он.

И гимн, великий гимн труда,
Борьбы, освобожденья,
Они запели все тогда,
И было грозно пенье.

И, словно крепость, танк стоял,
Громил врагов, неистов,
И духом враг тогда упал,
Не смел идти на приступ.

Уж ранен тот, и тот, и тот,
Но каждый, как титаны,
Свой легендарный бой ведет,
Не замечая раны.

Часам давно потерян счет,
Но вот из-за болота
Пехота славная идет —
Советская пехота.

И видят: почернев от ран,
В огне разрывов вражьих
Стоит, как витязь, гордый танк
С геройским экипажем.

И видят: банду над рекой
Танкисты покосили,
И силы в мире нет такой,
Чтоб этот танк осилить.

Штыков блеснула тут гора,
И в бледном зимнем свете
На то пехотное «ура» —
«Ура» им танк ответил!

ЛЫЖНИКИ-РАЗВЕДЧИКИ

1

Леса пустынные стоят,
Мороз дерет до слез,
И, как штыки, вверху горят
Изломы синих звезд.

Сугробов столько, что не счесть,
Кругом снегов гряда,—
Разведчик пеший тонет здесь,
И конному — беда!

Мы лыжи верные берем
В приказа точный час,
И мы выходим не вдвоем,
Побольше будет нас.

И снежных нет для нас преград,
И не дрожит рука,
И лыжи легкие летят
Далеко — в тыл врага.

2

Влетаем берегом речным,
Но не тропой простой,
Скользим кустарником ночным,
Не просекой пустой.

Как мы — ни волк и ни олень
Не скроют так свой бег,
В лесных тенях разведчик — тень,
В снегу он — словно снег.

Какие б дебри ни легли,
Нам дебри самый клад,—
Одним путем вперед мы шли,
Другим идем назад!

3

Зато, когда идем назад,
За нами в темный рост
Холмы железные лежат,—
Там вражий кончен мост.

Зато, когда идем домой,
За нами мрак ослаб:
Багровый свет играет тьмой,—
Там вражий кончен штаб.

Зато, когда свершен набег,
За нами, не забудь:
Вонзились рельсы в черный снег,—
Там вражий кончен путь.

Идем домой издалека,
Не просто мы идем,
Ведем с собою «языка»,
Трофеи мы несем.

Но если враг берет в кольцо,
Бьем сталью сталь кольца,
Мы помним лыжников-бойцов
Присягу до конца.

За славу лыжников-бойцов
Мы бьемся всё лютей,
Пройдем мы лыжней храбрецов,
Сломав кольцо смертей!

Зато, когда придем домой,
Бойцы поотдохнут,
Споют про милый город мой,
Про край родной споют!

Про край чужой, что нелюдим,
Про наш в лесу шалаш,
Про то, как был непобедим
Советский лыжник наш!

ПОДВИГ КУЧЕРОВА

На дот идет саперный взвод
Без шума, без огней,
Отважный Кучеров ведет
В ночь всех ночей темней.

Угрюмо надолбы стоят
И проволок ряды,
Глядишь — и мины загудят
У снеговой гряды.

А звякнешь проволокой.— тут
Стрельба со всех сторон,
И вихри белые растут,
Глуша разрывов звон.

Такая вспыхнет кутерьма,
Такой и гром и вой,
Как будто ночь родит сама
Тот ливень огневой!

К земле прижмись и не дыши,
Пока пылает мрак,—
Нет, Кучеров ведет в тиши
Своих бойцов не так.

Они,— глядеть со стороны,—
Как снега бугорки,
В халатах снежной белизны,
Проворны и легки.

И тянут санки, в санках — тол,
Но санки не скрипят,
В таком отряде кто пошел,—
Зря не придет назад.

А путь давно уже знаком
Туда, где враг живет,
Где над обугленным бугром
Разлегся черный дот.

Неслышный, спрятанный во тьме
Саперов путь таков,—
Как будто стало на холме
Побольше бугорков.

Пред ними мрачная стена,
Таких не знали встарь,
Как сталь клинка обнажена
И вся одета в сталь.

На стенку Кучеров взошел,
Помог устроить лаз,—
Он слышит очень хорошо
Оружья в доте лязг.

Он слышит даже голоса,—
Пускай поговорят!—
Тол заложил и после сам
Проверил весь заряд.

И вдруг, как гром по голове,
От небыли такой:
Для зажиганья трубки две
Всего лишь под рукой.

Они мгновенья лишь горят,—
Страшны мгновенья те,—
Кто, смелый, подожжет заряд,
С ним вместе не взлетев?

Впервые тут саперы вдруг
Заговорили враз:
«Тут надо шнур вести вокруг,
Шнур принесем сейчас...»

«В момент, товарищ командир,
Сюда доставим шнур...»
А он им молвил: «Отойди» —
И к трубкам сам шагнул.

«Дай спички мне, Смирнов!» — «Не дам, —
Тут говорит Смирнов,
А голос с дрожью пополам, —
Ведь мне не все равно...»

«Приказываю спички дать,
И ходу — стороной!..»
И спички он зажал тогда
Горячею рукой.

Ушли саперы. Гул стрельбы
Ночные дали рвал,
И дот, осколками обит,
Вставал, как черный вал.

На том валу стоял один
Советский человек,
Но сердце билось в груди
Сильнее сотни рек.

Он как бы видел всю страну
Отсюда, с высоты, —
Всей нашей жизни глубину,
Любимых лиц черты...

Отчизне верно он служил,
Послужим ей еще,
Как будто Сталин положил
Сам руку на плечо.

Порозовел чуть-чуть восток,
Чуть прояснилась тьма,
И трубки быстро он поджег
И ринулся с холма.

И только в яме лег на дне
С гранатою в руках,
Как клочья стали и камней
Пошли под облака.

Над ним огнем пылала высь,
Пока тот ад сверкал,
Осколки мелкие впились
И в плечи и в бока.

Вел Кучеров саперный взвод
И верить не хотел:
Лежит в обломках грозный дот
Над грудой вражьих тел.

И всякий, кто туда придет,
На этот черный вал,
Лишь глыбы дикие найдет,
Где взрыв отбушевал.

И встанет, видом поражен,
На голые холмы,
И вспомнит Кучерова он,
Как вспоминаем мы!

К О Н Е Ц В О Й Н Ы

Мы в Выборге. Ходим в ералаше
Горящих улиц, падающих стен,
Вокруг огонь, он разноцветно пляшет,
Вокруг покой неожиданных перемен.

Уж санный путь по-мирному укатан,
И голоса по-мирному слышны,
И только мин глухие перекаты
Нам говорят о прошлом дне войны.

А там, на мызе Лиматта, за рощей,
Где часовой у входа на тропе,
Сидит комбриг, усталый, поздней ночью
В заброшенном подвале, на КП.

Измученный, над картой уже лишней,
И нету сна и мира ни на миг.
Подвал еще горячкой штурма дышит,
И шорох ночи слушает комбриг.

Еще в ушах разрывов визги, трески,
Еще в глазах — как будто на весу —
И надолбы в проклятом перелеске,
И красный снег за насыпью вниз...

ОСЕННИЕ
ПРОГУЛКИ

1940

* * *

Я хочу, чтоб в это лето,
В лето, полное угроз,
Синь военного берета
Не коснулась ваших кос.

Чтоб зеленой куртки пламя
Не одело б ваших плеч,
Чтобы друг ваш перед вами
Не посмел бы мертвым лечь.

РИСУНОК

Как будто с лодки уронив весло,
Гляжу в поток, каким его несло.
В томительной, как сердце, быстрине
Горит лицо, смеющееся мне,
Струящиеся крылья легких рук —
Лилейной жизни влажный полукруг.
Я позабыл и лодку и весло,
Наивное я вспомнил ремесло,
И, как дикарь, приснившийся поток
Я начертил рисунком этих строк.

НОЧЬ

Спит городок
Спокойно, как сурок.
И дождь сейчас уснет,
На крышах бронзовея;
Спит лодок белый флот
И мертвый лев Тезея,
Спит глобус-великан,
Услада ротозея,
Спят мыши в глобусе,
Почтовый синий ящик,
Места в автобусе
И старых лип образчик, —
Все спит в оцепенении одном,
И даже вы — меняя сон за сном.
А я зато в каком-то чудном гуле
У темных снов стою на карауле
И слушаю: какая в мире тишь,
...Вторую ночь уже горит Париж!

* * *

Проходят буря, и чума,
И дождь, и даже ночь сама,
И снова утро настает.
Мой добрый друг, не все пройдет.

Деревья, что цвели при нас,—
Они остались про запас.
В другой иль в этой стороне —
Они остались вам и мне.

* * *

Каких рассказов вас потешить
Такой бродяжьей пестротой,
Такой веселостью нездешней,
Такой нелепой прямоюй,
Чтоб вы могли уже в постели,
Упав лицом в подушек снег,
Одна зеленой их метели
Легко смеяться в полусне...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГОРОД

Уже отлязгал паровоз,
Уж дребезжал трамвай урочный,
Но все струился дым волос —
Тех, золотых, — над смуглой ночью.
Но в электрической росе
В стекле деревья плыли снова,
И профиль девушки висел
Ундиной города родного.

П И С Ь М О

Писал письмо большое
О жизни о прибрежной,
Писал письмо с душою,
Местами даже нежно.

Романтике внимая,
В бутылъ вложил письмо я,
Чтобы волна немая
Его несла бы, моя.

Плеснул воде посуду,
Сквозь пены венчик мылкий
Дивлюсь морскому чуду
Все в двух шагах бутылка.

И мне сказала чайка,
Взлетая словно белка,
Что для письма такого
Все это море — мелко!

* * *

На водяных полянах
Покой белей струны,
На спящих гидропланах
Лежит рука луны.

Ты на́ воду поду́й-ка,
На струйку на одну —
Луна черпнет ту струйку,
Ту струйку, как струну.

В очарованье странном
Струны той молодой
Ты станешь гидропланом,
Луною и водой...

А что-то чуда вроде
Свой дивный множит рост,
И тень твоя уходит
Куда-то в море звезд!

* * *

Где-то в душном Камеруне
Есть съедобная земля,
Сохнут там колосья втуне,
Там заброшены поля.

Там прекрасной синей глиной
Набивают люди рот
И, запив водой невинной,
Водят голый хоровод.

Но моя земля не хуже,
Чем не лакомый кусок:
Море синее на ужин,
Сосны, вереск и песок.

И не в смысле переносном
Путник жадно норовит
Уpletать холмы и сосны,
Больно вкусен этот вид!

Запивать струею чистой,
Ковш подняв над головой,
Чуть соленой, чуть шерстистой,
Темной влагой стиховой!

* * *

На улице, как на поляне,
Темно, а спички не горят,
Падучих звезд летят сиянья,
Как отсыревших спичек ряд.

Как будто там гигант нескладный
Своих шагов замедлил ход
И перед женщиной громадной
За спичкой спичку — звезды жжет,

Или с усмешкою нескромной —
Былых страстей — в полночный час
Следит за нами призраком темный
И передразнивает нас.

* * *

Рассказы все рассказаны
Под кленами ль, под вязами.
Дорожки все исхожены,
Следы дождями скошены.

- Осеннюю метелью
Все листья облетели,
И только память зелена,
И ей стареть не велено.

* * *

Давно такой хорошей осени
Моя душа не знала,
Не то чтоб в небе много просини
Иль хмури в жизни мало,—

Но всюду здесь, где осень кружится,
Сквозь темный лик осенний
Сквозит мне тонкий облик дружеский
Родным души весельем!

НЕЛЕ

1

Рощи опять заалели,
Зарево бури неся.
«Где твоя Фландрия, Неле?» —
«Фландрия в угольях вся...»

Светловолосые косы
Неле стянула узлом.
Всем неудачам назло,
Неле, улыбки мы просим,
Неле, дружок, улыбнись нам...

«Фландрия — дым к небесам,
Фландрия в шорохе листьев, —
Там, где захочешь ты сам.

Фландрия там, где зеленой
Рощей ныряют стрижи,
Фландрия там, где спаленной
В угольях гордость лежит.

Фландрия там, где летели
Дни, потерявшие счет, —
Там, где с улыбкою Неле
Улицей тихой идет».

2

Когда гуляли гёзы,
Текли от смеха слезы.
Студенты в той харчевне
Плевали на учебник.

А старые солдаты
Всех драк мешали даты.
А юные служанки
Забыли про лежанки.

Когда ж входила Неле —
То вдвое все пьянели
От глаз, чей пламень розов,
Подернутый морозом.

3

Я шел с войны. Дороги каменели,
Был дом в саду. Над ним дожди звенели.
И я вошел, и я увидел Неле —
И что деревья вдруг зазеленели!

* * *

В бессоннице лондонских комнат
Рассвет холодил мне виски,
Рассветов таких не припомнят,
Да, может, и негу таких.

А все это мне показалось
В прохладе страны неродной,—
Быть может, собачья усталость
Лишь шутку сыграла со мной.

Но было в рассвете такое
(На взгляд англичанина— дичь) —
Дыханье такого покоя,
Какого и сном не достичь.

И свет ослепительной сеткой
Слетел во все неба концы,
Но вышел тут парень в каскетке
И старый завел мотоцикл.

Все трески тут начали танец,
На шум лакированных крыл
Встал в фартуке лысый британец
И с грохотом ставни открыл...

И весь мой рассвет как и не был,
Открылось под грохот и визг
Холодное, блеклое небо,
Холодная, хрипящая жизнь!

ОГНЕННЫЙ
ГОД

1941 - 1943

*

КРАСНАЯ АРМИЯ

В ее тени играли наши дети,
Поля шумели, жили города,—
Нет армии любимее на свете —
Хранительницы мира и труда.

Пройди весь свет, проверь всех армий славу,
Пересмотри бывшие времена,—
Нет армии, которая была бы
С народом слита больше, чем она.

Фашистских орд железная комета
Явилась на наших рубежах,—
Нет армии, которая б, как эта,
Комету эту бросила во прах.

И яростная битва закипела,
Как никогда, громадна и грозна,—
Нет армии, которая б имела
Вождя полков такого, как она.

Народам час освобожденья снится
В истерзанной Европе наших дней,—
Нет армии, которая сравнится
Своею правдой с правдою твоей.

НАШ ГОРОД

Пусть тянет руку дерзкий враг
К нам в ленинградские пределы.
Их было много, тех вояк,
Чья рать войти сюда хотела.
На неприступном берегу
Обрубим руку мы врагу.

На крыльях черные кресты
Грозят нам нынче с высоты.
Мы стаи звезд на них пошлем,
Мы их таранить в небе будем,
Мы те кресты перечеркнем
Зенитным росчерком орудий.

Стой, ленинградец, на посту,
Смотри в ночную высоту,
Ищи врага на небосклоне,—
С тобой на вахте боевой
Стоит суровый город твой
И дни и ночи в обороне!

Проверь и крышу и подвал,
Забудь, как мирно ночевал,
Забудь беспечность и веселье.
Пускай, как крепость, темен дом,
Он вспыхнет радостью потом —
В победы нашей новоселье.

Наш город! В нем увидишь ты
Закалки ленинской черты,
Неиссякаемую волю.
Вглядись — в нем сталинская стать,
Не может в битве он устать,
Врага он к бегству приневолит!

1919—1941

1

Я помню ту осень и стужу,
Во мраке бугры баррикад,
И отблеск пожарища в лужах,
И грозный, как ночь, Петроград!

И в ночь уходили мужчины
С коротким приказом: вперед!
Без песен, без слов, без кручины
Шел питерский славный народ.

И женщины рыли толпою
Окопы, о близких шепча,
Лопатой и ржавой киркою
В тяжелую землю стуча.

У них на ладонях темнели
Кровавых мозолей следы,
Но плакать они не умели —
Как были те люди горды!

И как говорили без дрожи:
«Умрем, не отступим назад.
Теперь он еще нам дороже,
Родной, боевой Петроград!

За каждый мы камень сразимся,
Свой город врагу не сдадим...»

И теми людьми мы гордимся
Как лучшим наследьем своим!

2

Враг снова у города кружит,
И выстрелы снова звучат,
И снова сверкает оружие
В твоих августовских ночах.

И снова идут ленинградцы,
Как двадцать два года назад,
В смертельном сраженьи сражаться
За свой боевой Ленинград.

Их жены, подруги и сестры
В полдневный, в полуночный час
Киркой и лопатой острой
В окопную землю стучат.

Друзья, земляки дорогие!
Боев наших праведный труд
И рвы, для врага роковые,
В народную память войдут.

Так пусть от истока до устья
Невы пронесется, как гром:
«Умрем, но врага не пропустим
В наш город, в родимый наш дом!»

* * *

Патрульная птица выходит из облака,
Ей радостно видеть с высот:
Внизу под крылом средь простора глубокого
Наш город могучий встает.

Он тянется к Пулкову бастионами
Своей цитадели труда,
Он входит в залив островами зелеными,
И крыши блестят, как вода.

И легчик любит и улыбается,
Воздушных высот часовой,
Что вот в ленинградском он небе купается,
И солнце над головой.

И солнце, прикрытое облачным пламенем,
Ему говорит поутру,
Что город — герой и что Красного Знамени
Лег блеск на достойную грудь.

Что столько красы в этой дымке редющей,
Что с ней он один на один,
Что век его молод в стране хорошеющей
И счастье его впереди!

Что только вчера он фашистских налетчиков
Крушил поворотом крутым,

Что славного города славные летчики
Недремно летают над ним.

А черные крылья покажутся вражьи —
Ударит их пламя атак,—
Запелась, в огне лишь обломками ляжет,
О землю ударится враг!

ДВА БОГАТЫРЯ

Летит корабль с лицом нетопыря,
Разрывы бомб тяжелые грохочут —
Два города, как два богатыря,
Встают во тьме, в багряных пятнах ночи.
Встает Москва — народная краса.
Москва, Москва! Святыня нашей славы!
Звенят огнем ночные небеса,
Твой мчится в небе латник темноглавый.

О древний город! Вещий богатырь,
Живой водой поивший все народы.
Так вот она — великой битвы ширь
С врагом нечеловеческой породы,
Где льется кровь, как будто Волги воды,
По крыльям, танкам, грудам мертвых тел,
От самых дальних высей небосвода
До мерзлых ям, где враг окостенел.

Да, враг силен! Он разъярен, он ранен,
Он слеп от крови, рвется наугад, —
Как богатырь над волнами в тумане,
Стоит в сверканье молний Ленинград!
Над миром ночь бездонна и темна,
Но в скрежете, в гуденье, в звоне стали —
Клянемся, что отмстим врагу сполна,
Что за отчизну биться не устанем!

Не дорожа своею головой,
Испепелим врага кровавым градом —

Клянемся в том могучею Москвой,
Клянемся в том любимым Ленинградом.
Она взойдет, победная заря,
Над тьмой фашистской, злобной и холодной,
Два города, как два богатыря,
Возглавят праздник славы всенародной!

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ

...Пусть осенит вас победоносное знамя
великого Ленина.

И. В. Сталин.

То не чудо сверкает над нами,
То не полюса блеск огневой,—
То бессмертное Ленина знамя
Пламенеет над старой Невой.

Ночь, как год девятнадцатый, плещет,
Дней звенит ледяная кора,
Точно вылезли древние вещи —
И враги, и блокада, и мрак.

И над битвой, смертельной и мгливой,
Как тогда, среди крови и бед,
Это знамя сверкает нам чистым,
Окрыляющим светом побед!

И ползущий в снегу с автоматом
Истребитель — боец молодой
Озарен этим светом крылатым
Над кровавою боя грядой.

Кочегар в духоте кочегарки
И рабочий в морозных цехах
Осенен этим знаменем ярким,
Как моряк на своих кораблях.

И над каменной мглой Ленинграда,
Сквозь завесы суровых забот,
Это знамя сквозь бой и блокаду
Великан-знаменосец несет.

Это знамя — победа и сила —
Ленинград от врага защитит,
Победит и над вражьей могилой —
Будет день! — на весь свет прошумит!

* * *

Растет, шумит тот вихрь народной славы,
Что славные подьмет имена,
Таким он был в свинцовый час Полтавы
И в раскаленный день Бородина.

Все тот же он. Под Тулой и Москвою,
Под Ленинградом в сумрачных лесах
Бойцы идут. У них над головою
Родные звезды в снежных небесах.

Нет, рано враг торжествовал победу!
И сквозь пожаров дымные рога
Бойцы идут по вражескому следу,
Врезая шаг в скрипучие снега.

А враг бежит, смятенный и голодный,
Кляня судьбу проклятую свою.
Как завершение веры всенародной,—
Слова вождя исполнились в бою.

Бойцы идут среди родимых пашен
Победным шагом, грозны и легки,
А их народ зовет гвардейцы наши,
Любимые, желанные сынки.

Идут бойцы, их губы крепко сжаты,
Лежит на запад огненный поход,
Их движет месть, безжалостный вожатый,
И вражьих тел великий счет ведет.

Громя врага и мстя, мы твердо знаем, —
Она пройдет, смертельная пурга.
Последний залп над Рейном и Дунаем
Сразит насмерть последнего врага!

ЛЕНИН

Зима нежданна и проста, зима, а ночи страшно кратки,
Дел бесконечна широта, мелькают дни смертельной
схватки.

Под утро редкий перерыв, в работе отдых скоротечный,—
И вот он видит, как с горы, страну, забывшую беспечность,
Страну в походе, на ходу, страну любимую — Россию,
На шапках — красную звезду, в огне просторы снеговые.

Не дни пылают там — века, и в очистительном пожаре
Гудит народная река, и тот огонь ее не старит.
Все так же молодо оно, народа сердце ретивое,
Всех гроз огнем озарено предназначенье мировое.
И он, отдавший жизнь свою служенью радостной России,
Ведет бестрепетно в бою ее дружины молодые.

Зарей окрашен небосклон... Уж в вечной дымке годы эти...
Любить Россию так, как он! Что может быть святей
на свете!

Бушует снова вихрь войны, и вновь зима и ночи кратки,
И стонут вновь поля страны под топотом смертельной
схватки.

Вновь над Кремлем заря горит, в огне просторы снеговые,
И Сталин миру говорит о гордом жребии России!

Страна в походе, бой идет, в народном сердце мести
пламя,
И знамя Ленина встает опять над русскими полками!

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ФЕВРАЛЯ

1

Да, в Ленинграде падают снаряды
Зарею, в полдень, на исходе дня,
Его гранит осколками граня
И осыпаясь дымной колоннадой.
Но что столпы визжащего огня,
Развалин наших тихие громады,
Когда над теплым пеплом Сталинграда
Летит победа, крыльями звеня.

2

С лесной красой простились мы старинной,
Для дзотов нам нужна была она,
Для блиндажей, для надолбов нужна,—
Со всей страной делили подвиг длинный,
Чтоб ожила азовская волна,
Зазеленели волжские равнины,
Вздыхнул свободно тополь Украины,
Кубанский клен, кавказская сосна.

3

Была зима — ту зиму не забудем,
И вновь зима — среди городов седых,
Где враг сгубил и зданья и сады,

Все вместе нынче радоваться будем,
Когда бойцов великих и родных,
Из рабства извлеченные, как в чуде,
Советские измученные люди,
Смеясь и плача, обнимают их.

4

В том казаке, что дрался на Неве,
Жил вольный Дон, вовек неукротимый,
И за Эльбрус с его папахой дымной
Шел ленинградец горцев во главе.
Украинские,— где нибудь у Тима,—
Сердца в бою вдруг бились живей:
Сквозь вьюгу боя кликал сыновей,
Ломая лед неволи, Днепр родимый.

5

Сегодня примет красная столица
Лет боевых и славных дел парад.
Пусть все знамена встанут нынче в ряд,
И Перекоп и скромный тот отряд,
Что первый шел под Псковом с немцем биться.
Так старый воин доблестью гордится —
Вновь ленинградцу шлет привет Царицын,
И Сталинграду — братский Петроград.

МАЛЬЧИКИ

Сияет майский Ленинград.
Народных волн кипенье.
Глядит мальчишка на парад,
Весь красный от волнения.

Как лес, пред ним штыки растут,
Блестят клинки нагие,
Какие танки мчатся тут,
Броневики какие!

Идут большие тягачи
И тянут сто орудий,
На них сидят не усачи,
А молодые люди,

И шепчет мальчик, как во сне,
Пленен зеленой сталью:
«Вот если б мне, вот если б мне
Такую б пушку дали!»

Мальчишка рос, мальчишка креп,
Носил уж галстук бантом...
Глядишь, уж ест солдатский хлеб,
Стал мальчик лейтенантом.

И пушку дали, целый склад
Снарядов чернобоких,
И вышел мальчик на парад
Смертельный и жестокий.

Там, где залива плещет вал,
На солнечной опушке,
Там, где ребенком он играл,—
Свои поставил пушки

За ним был город дорогой,
За ним был город милый,
А перед ним — леса дугой,
Набиты вражьей силой.

И через голову идут
Куда-то вдаль снаряды,
Не вдаль враги куда-то бьют,
А бьют по Ленинграду.

И он, сжимая кулаки,
Сквозь все пространство слышал
И стон стекла, и треск доски,
И звон разбитой крыши.

Он представлял себе до слез
Так ясно это пламя,
Что рвется там и вкривь и вкось
Над мирными домами:

Над домом, где родился он,
Над школой, где учился,
Над парком, где в снегу газон,
Где в первый раз влюбился.

Кричал он пересохшим ртом:
«Огонь!» — кричал, зверея.
Стегал он огненным кнутом
По вражьей батарее.

И, стиснув зубы, разъярен,
Сквозь всех разрывов вспышки,
Всегда мальчишку видел он,
Шел улицей мальчишка.

Совсем такой, каким был сам,
Весенний, длинноногий,
Неравнодушный к воробьям,
Такой — один из многих.

И сам он был как воробей,
Как те, немного тощий,
Шептал себе он: «Не робей!
Храбрись, так будет проще!»

Лишь вражий залп отбушевал
И дым унесся пьяный,
Уж он осколки подбирал
Горячие в карманы.

И так он сердцу близок был
За гордость и за смелость,
Что весь свой гнев, что весь свой пыл
Ему отдать хотелось.

«Такого мальчика не тронь!»
От ярости бледнея,
Вновь лейтенант кричал: «Огоны!
Бей беглым по злодеям!»

...И наступила тишина,
Над зимней рощей реет...
«К молчанию приведена
Фашистов батарея».

«Приведена? Ну, хорошо,
То дело нам знакомо...
Так, значит, мальчик мой дошел,
Поди, сидит уж дома...»

«А что за мальчик?»— «Это так,
Так, вспомнилось чего-то,
Ведь не о мальчишке, чудак,
У нас сейчас забота».

И, сам на мальчика похож,
Лукавый, легкий, тощий,
Чуть усмехнувшись, лейтенант
Пошел вечерней рощей.

Что пулеметы вражки из амбразур не взять,
Что нет гранаты даже — и медлить им нельзя!

Что до сих пор разведчики, творя свои дела,
Не шли туда, где легче им,— куда война вела.

И вот сейчас на подвиг пойдут в снегах глухих
Три коммуниста гордых, три брата боевых.

Герасименко, Красилов, Леонтий Черемнов
Глядят на дзоты серые, но видят лишь одно:

Идут полки родимые, ломая сталь преград,
Туда, где трубы дымные подьемлет Ленинград,

Где двести дней уж бьется он с фашистскою ордой
И над врагом смеется он смертельной красотой.

Спеши ему на выручку! Лети ему помочь
Сквозь стаи псов коричневых, сквозь вьюгу, битву,
ночь!

И среди грома адского им слышен дальний зов:
То сердце ленинградское гудит сквозь даль лесов!

И оглянулись трое: и, как с горы видна,
Лежит страна героев, родная сторона.

И в сердце их не прежний, знакомый, ровный стук,—
Огнем оделось сердце, и звон его вокруг.

И ширится с разлету и блещет, как заря,—
Не три бойца у дзотов, а три богатыря.

Навстречу смерть им стелется, из амбразур горит,
Но прямо сквозь метелицу идут богатыри.

Вы, звери, псы залетные, смотрите до конца,
Как ярость пулеметную закрыли их сердца.

А струи пуль смертельные по их сердцам свистят,—
Стоят они отдельные, но как бы в ряд стоят.

Их кровью залит пенною, за дзотом дзот затих,
Нет силы во вселенной, чтоб сдвинуть с места их,

И взвод рванул без выстрела — в штыки идет вперед,
И снег врагами выстелен, и видит дзоты взвод.

И называет доблестных страны родной сынов:
Герасименко, Красилов, Леонтий Черемнов!

Темны их лица строгие, как древняя резьба,
Снежинки же немногие застыли на губах.

Простые люди русские стоят у стен седых,
И щели дзотов узкие закрыты грудью их!

* * *

В разгаре ярая зима,
Мороз, метели вой,—
А по-весеннему грома
Гремят над Лозовой!

Какая ранняя гроза
Гремит над Лозовой?
То наших пушек голоса,
То шквал их грозовой!

И мчится весть над всем Днепром
От нашей Лозовой:
«Мы в пыль захватчиков сотрем,
Клянемся головой!»

Мужайтесь, братья за Днепром,—
Падет фашистский кат,
Осветится родимый дом
Опять, как год назад!

*

Еще мороз вгоняет в дрожь —
А снежной целиной
Прошел тяжелый, жаркий дождь
Над Западной Двиной!

Откуда дождь, весенний дар,
Пролился над Двиной?
То Красной Армии удар,
Снарядов дождь стальной!

И мчится весть по всей Двине
И реет над Двиной:
«Сгорят захватчики в огне,
Клянусь Двины волной!»

Мужайтесь, братья за Двиной,—
Палач-фашист падет,
Вновь будет полон дом родной,
Огнями расцветет.

*

Литовец, эст и белорус,
Мужайтесь, братья,— вскоре
Согнем врага, чтоб зверь и трус
Хлебнул до смерти горя.

Уж голос наших пушек густ,
И танки крепки в споре.
Согнем врага, чтоб зверь и трус
Хлебнул до смерти горя.

Пусть клятва всех сердец и уст
От моря и до моря:
Согнем врага, чтоб зверь и трус
Хлебнул до смерти горя.

Чтоб прах развеялся его —
Сорняк, пожаром сжатый,
Чтоб не осталось ничего
От всей орды проклятой.

ТРИ КУБКА

Любви поднимем кубок пенный
За счастье всей страны родной,
За всю красу земель бесценных,
За счастье бури боевой!

За то, чтоб на земле и в тучах,
Во льдах, среди морских зыбей
Венчал успех ее могучих,
Ее прекрасных сыновей.

За то, чтоб, доблестью хранимо,
Ее окрепло бытие,
За то, чтоб вождь ее любимый
Все к новой славе вел ее.

И кубок, ненависти полный,—
За то, чтоб в битве не устать,
Чтоб раскаленной стали волны
Жгли непрерывно вражью рать.

За то, чтоб тьма зимы холодной
Их мерзлых тел не погребла,
Чтоб пламя мести всенародной
Испепелило их дела.

И мы поднимем кубок третий
За то, чтоб все края земли,
Фашистский ад убив на свете,
Дышать без ужаса могли!

Чтоб жизнь, как мастера уменье,
Входила в шелесты листвы,
Как атлантическое пенье
В напевы Темзы и Невы.

Чтоб смерть ни бомбой, ни картечью
Не оскорбляла ясный день,
Чтоб человек, расправив плечи,
Согнал улыбкой скорби тень.

ГРУЗИНСКАЯ
ВЕСНА

1948

*

Грузинская весна

МАЙСКОЕ УТРО

Гул лавин как будто снится,
Пролетел и был таков —
Снова Гуд-гора дымится
Тонкой тенью облаков.

Снова встали исполины,
И метель по льдам метет,
Койшаурская долина
Далеко внизу цветет.

Обступают снова скалы,
С перевала даль ясна,
И морозец самый малый
Освежает щеки нам.

Восемь лет я вас не видел —
Ветеранов ледяных.
Встал Казбек и пену вытер
Облаков с усов своих.

Словно хочет целовать он
Снова путника в уста —
И высот меньшую братью
Оглядел он неспроста.

Что вам смены поколений,—
Вот вы смотрите туда,
Где идут к лугам весенним,
Как всегда, идут стада.

Посох движется пастуший
В белой кипени отар,
Ломкий снег скрипит послушно —
Только высь уже не та.

Новым светом лиловет,
И расцветка неплоха,—
Без погон шинель темнеет
На плечах у пастуха.

Догони — и он расскажет
Про походы все свои,
И про скал карпатских кряжи,
И про венские бои.

Как все вьюги зарыдали
У Казбековых полей,
Как закрыл родные дали
Грудью собственной своей.

Как мечтал он на походе,
Что вернется вот сюда,
Где сейчас стада проводит,
Горд собой, как никогда.

И друзья его такие ж,
Так же весело горды,—
На груди у них увидишь
Пестрых ленточек ряды.

Ты, Казбек ледяноплечий,
Оцени их и пойми,
Что тебе гордиться нечем
Перед этими людьми.

И признайся, не к обиде,
Ты, так взысканный судьбой,
Что таких людей не видел
Никогда перед собой.

И Казбек нам улыбнулся
В гор воинственной толпе,
И Казбек как бы качнулся
К той пастушеской тропе.

Над шинелью той военной
Задышал туманом склон,
Снежной дымкою мгновенной
Пастуха окутал он.

Будто сам Казбек безбрежный
Обнялся с бойцом простым,
Обнялся с приветом нежным
Снежный маршал высоты.

РУКИ СБОРЩИЦЫ ЧАЯ

Я видел их не на полях сражений,—
То был труда обычного пример,—
В колхозе, что не знает поражений,
Который все зовут «миллионер».

Как будто бы играли руки эти
С зелеными листочками, скользя
По веточкам нежней всего на свете,
Лишь смуглоту я этих рук приметил,
Но быстроту их описать нельзя.

Быть может, так вот пальцы пианистки,
По клавишам летая наизусть,
Как ласточки, срезают низко-низко
Мелодии заученную грусть.

И падают и падают в корзину
Дождем зеленым все на тот же круг
Листочки с легких жилок паутиной,
Как ста ножами срезанные вдруг.

Как ласточки, над темным чайным морем
Летают руки в этой жаркой мгле
Кустов зеленых, спящих на просторе,
На раскаленной добела земле.

И руки те — в Москве ли величавой,
Или в ферганской дальней чайхане,—
Я вижу их под солнцем нашей славы,
Их закалившим в трудовом огне.

НА ХРАМГЭСЕ

Жаркой масти, желтогривы,
Кони древности седой
Здесь, на Цалкинских обрывах,
Проносились над рекой.

От бойцов, что в бой летели,
От несметных тех рядов
Две-три кости уцелели
Да гробницы холодок.

Среди проволок крученных,
Ожерелий из кремня
Были найдены ученым
Золотые два коня.

Это — крошечные кони,
Но работы не простой:
В золотой они попоне,
Даже с челкой золотой.

И стоят, прижавшись тесно,
Золотой огонь в очах,—
Инженер седой Храмгэса
На ладони их качал.

Перед ним вода синела,
Где вчера под волчий вой
Котловина каменела,
Жестяной звеня травой.

Перед ним жила плотина,
Где вчера неслась река.
Вспомнил путь туннелей длинных,
Их зеркальные бока.

И, свое прищурив око,
Он сказал: «Сигнал я дам,
Золотые кони тока
Полетят по проводам.

И от их огнистой гривы
Станет людям веселей,
Глаз блеснут их переливы
Среди улиц и полей.

И в Тбилиси я с отвеса
Вижу с Цалкинских высот
Золотых коней Храмгэса
В синих улицах полет:

Золотые наши кони —
Братья этим малышам», —
И малюток на ладони
Он погладил по ушам.

Хорошо сказал строитель,
Сам не ведая того.
Засмеялись тихо кони
На ладони у него.

СНЫ АСПИНДЗЫ¹

Тяжелых скал изломы,
Река острее бритвы,
Нас секретарь райкома
Привел на поле битвы.

С таким поведал жаром,
Как битва бушевала,
Как будто в битве старой
Он сам был генералом.

Ущелье, что лежало
Налево и направо,
Вдруг сразу задышало
Аспиндзы днем кровавым.

Мы видели так живо,
Как топчут виноградник,
Как падают с обрыва
В Куру и конь и всадник.

...А ночью месяц вышел
Атласно-золотистый,
Кура шумела тише,
Светясь сквозь сумрак мгlistый,

---

¹ В битве при Аспиндзе в 1770 году грузинский царь Ираклий разбил полчища турок. Тмогви и Хертвиси — древние крепости в том же ущелье. Вардзиа — пещерный город царицы Тамары. Аспиндзское ущелье — ущелье непрерывных битв в старину, путь вторжений иноземных захватчиков.

Над башнями Хертвиси,
Отвесом черным Тмогви
Шел тихий месяц в высях
Над всех руин безмолвьем.

На бревна мы, как дома,
У садика присели;
С секретарем райкома
Беседа шла о севе,

О нивах горных тесных,
О новой коз породе,
О всем, что повсеместно
В районе производят.

И он сказал: «В пещерном
Вардзийском древнем граде
Вы вспомнили, наверно,
О древнем винограде.

На фресках нарисован,
Погиб в столетьях старых,
А мы поднимем снова
Тот виноград Тамары.

И через год мы с вами
Вином наполним роги...»

...Шел месяц с облаками
Ущельем этим строгим.

Мне снились все сраженья,
Что были здесь когда-то,
Все войск передвиженья,
Все кони и солдаты.

С секретарем райкома
Века стояли рядом,
Вся ярость битв знакомых
Шла по реке за садом.

Строитель он и воин,
Ему покой не снится.
Он помнит: за рекою
Опять лежит граница.

И дышит по ущелью
Такой тревожный ветер,
Как в смотровые щели
Пред боем на рассвете.

ДОМИК В ГОРИ

Не раз уже видел его я,
По-новому в каждый приход
В своем величавом покое
Тот маленький домик встает.

В нем нет никакой перемены,
Но с новым волнением опять
Смотрю на суровые стены,
Чтоб заново жизнь осязать.

Вновь пить из такого ж кувшина
Железную воду Куры,
Грядущего видеть вершину
В сиянье далекой горы.

Смотри — по ступенькам хрустящим,
С загаром обветренных щек,
Сбегают восторженный мальчик,
Неведомый миру еще.

И всеми глубин голосами
Ему отвечает земля,
Восходят огни над лесами,
Как близкие звезды Кремля.

Как будто здесь сердце вверяешь
Рукам дорогим и родным,
Себя до конца проверяешь
Пред домиком этим простым.

По кругу дорог быстротечных
Вернувшись на этот порог,
Услышишь, как плещется вечность,
Как звездное море у ног.

РУСТАВИ

На безжизненной равнине,
Каменистой, темнотравной,
Где рассыпаны осколки
Безымянные веков,
В майский день вошли мне в душу
И остались навсегда в ней
Этот хруст камнедробилок,
Эта пересыпь гудков.

Перестук скользящих кранов,
Стены, точные, как скалы,
Тяжкий храп землечерпалок,
Паровозов синий дым,—
Это Грузия бетона,
Это Грузия металла
Воздвигала свой Рустави,
Поднимаясь вместе с ним.

Силачами встали в поле
Мачты дальней передачи,
В сизом мареве терялись
Плеч их черные края.
Над страну виноградной,
Над холмов красой горячей
Первых домен и мартенов
Очертанья видел я.

Новой красной черепицей
Город пел о переменах,

И взбежали рощи смело
На пустынные бугры.
Где шипели брызги пены
У быков тяжелостенных,
Падал светлый дождь весенний
В воду темную Куры.

То, что здесь я вижу сердцем,
Станет видимо воочью:
Сталь руставская польется,
Вспыхнув огненной рекой,
И шофер проезжим скажет,
Степь срезая темной ночью:
«Это светится Рустави!» —
И покажет вдаль рукой.

Как бывалые солдаты
Опытом своим делиться
Собираются и снова
Все бои переберут, —
Здесь собрались ветераны —
Ими Грузия гордится,
Те, что строили Ткварчели,
Рионгэса знали труд.

Что смиряли силу Храми,
Одичавшую волчицу,
От Тбилиси до Самтреди
Проводили провода,
Доты ставили над бездной,
Там, где лом в гранит стучится,
На Военной на Грузинской,
Когда к ней пришла беда.

Дружбой сталинской народов
Здесь равнина засверкала,
Ночь истории пробили
Эти люди и огни.
К мастерам пришли грузинским
Мастера высот Урала,

Те, что знали дни Тагила
И челябинские дни.

Пусть прольются светлым ливнем
Мая шелковые тучи,
А у братьев у казахов
Поговорка есть одна:
«Если хочешь великана
Ты родить благополучно,—
Не жалея же на пеленки
Дорогого полотна».

И сейчас, когда равнина
Вся гремит и вся бряцает,
В этот майский, бирюзовый,
Вдохновенный этот час
Видим мы тебя, Рустави,
И невольно восклицаем:
«При рожденье великана
Мы присутствуем сейчас!»

УМИРАЮЩИЙ БАМБУК

Бамбук умирает,—
Приходит черед и бамбуку.
И он зацветает
Раз в жизни — на скорую руку.

И желтых цветов этих
Переплеться —
Ничем не согреть их,
Подернутых тенью.

А розы — как пламя,
Ликут самшиты,
И тунга цветы как шелками
Расшиты.

Бамбук засыпает
И видит в неведомом сне,
Как лес проступает
В тяжелых снегов белизне.

Зарницы дрожат
На высоком чужом берегу,
Две палки бамбука лежат
На снегу.

Они умирают,
Припав к белоснежной земле,
Они зацветают,
Но цвет их заката алей.

Здесь лыжник покинул .
Ему предназначенный путь.
Он руки раскинул,
Как будто прилег отдохнуть.

Недвижно лежит,
И слышится смутно ему,
Как Черное море
Шумит через белую тьму.

Б А Д А

Похожая на скатерть-самобранку
Поляна. Небо. Горные края.
И выпил я за женщину-крестьянку,
В колхозный вечер стоя выпил я.

Не потому я пил за незнакомый
Печальный, добрый взгляд,
Что было здесь мне радостно, как дома,
Иль весело, как двадцать лет назад.

Не потому, что женщина вдовою
Бойца была и муж ее зарыл
В обугленной дубраве над Невою,
И сыну мать об этом говорит.

Не потому, что, бросив хворост наземь,
Ответила улыбкою одной
И в дом ушла и вынесла, как в праздник,
Печенье, что белело под луной.

Нет, я смотрел на ломтики витые,
Что по-грузински «ка́да» мы зовем,—
Вернулись мне рассветы боевые
В неповторимом городе моем.

...Мешочек тот был невелик и ярок —
И на ладони ка́да у меня.
Кто мне прислал тот фронтовой подáрок
На край земли, на линию огня?

Шатаясь от усталости, лишь к ночи
Вернувшись с поля, может быть, она,
Склонив над ним заплаканные очи,
Сидела молчаливо у окна.

Чтоб в ночь осады, в этой тьме кромешной,
Мне просиял ее далекий зов,
Привет земли, такой родной и вешней,
Грузинским солнцем полный до краев.

...Мне завтра в путь, в работу спозаранку.
Темнеют неба дальние края.
Вот почему за женщину-крестьянку
В колхозный вечер стоя выпил я.

ПЕСНЯ О ДРУЖБЕ

Шел боец хребтом Кавказским
Через льды и тучи,
По снегам глухим и вязким,
По недобрым кручам.

Повисал он на веревке,
Бездны презирая,
Знал свирепые ночевки —
Хуже не бывает.

Чтоб не спать, шептал он сказку,
Карауля немца,
На снегу пускался в пляску,
Только чтоб согреться.

А на отдыхе коротком,
Чтобы уважали,
Пел абхазским он молодкам
Песни об Урале.

«Скоро ль мы врагов прогоним?»
Отвечал он: «Скоро!»
«Как вы в горной обороне:
Вам по нраву горы?»

«Географья — как на блюде, —
Отвечал он сжато, —
Но чудно места зовутся —
Помнить трудновато...»

Он грузинским — удивитесь!—
Научился песням,
Был дружок его — тбилисец,
Был его ровесник.

Так провел в горах он осень,
Вьюги уж клубили —
И с хребта он немца сбросил,
А дружка убили.

«Где работал он?» — «В Рустави...»
«Это что такое?»
«Там завод огромный ставим,
Дело боевое...»

«Мы, уральцы, дело любим,—
Он сказал степенно.—
Как войне башку отрубим,
Я вернусь — заменой.

То, что друг мой верный начал,
За него dokonчу...» —
И пошел в боях маячить,
Драться днем и ночью.

Где он только не был с боем
Где бивак не ставил...
Но вчера нашел его я
Техником в Рустави.

ПЕРЕД НОЧНОЙ АРАГВОЙ

Был час ночной и поздний,
Для меня
Желтел фонарь колхозный
На камнях.

Вода плясала
В свете фонаря,
Моим глазам немало
Говоря.

Как будто в пенах,
Вихрях водяных
Мелькали смены
Быстрых дней моих.

Топя их враз
В холодной быстрине,
Стальной рассказ
Река кидала мне.

От строк шумящих
Глаз отвести не мог,
От тех летящих
Леденящих строк.

Их голос плыл
И в уши грохотал:
«Какой ты был,
Каким теперь ты стал...

Смотрел в меня,
В Арагву, ты тогда
При свете дня —
В те юности года.

Смотри ж сейчас,
Мы вместе и одни —
В полночный час
В седой поток взгляни...»

Торчали камни,
И по их плечам
Стекали славно
Струи, клокоча.

Я камнем не был,
Волнами тесним,
И видит небо, —
Я не буду им.

Фонарь сиял,
Жестоко обнажив
Зеленый шквал
И всплески, как ножи.

Сверкали искры
В свете фонаря,
Как будто освещала их
Заря.

И каждая жила
В огне волны,
Как будто шла
Из самой глубины,

Пронзая ночь
И ночи непокой...
Я был, Арагва,
Искрою такой!

Стихи о Тбилиси

* * *

Что там ни говори,
А есть места на свете,
Где смотришь, как с горы,
А день особо светел.

Таков, Тбилиси, ты,
Тут не в соблазнах дело,—
А в чувстве простоты,
Душевной до предела.

В словах, что будут жечь,
Испепелившись даже,
И в щедрой смене встреч,
Чей след на сердце ляжет.

И в верности такой,
Что все ничто пред нею,
Когда уж не рукой,
А жизнью жертвуй всею.

* * *

А сколько, Тбилиси, тебя воспевало,
    Стакан осушая до дна.
Прибавь к этим сонмам великих и малых
    Еще одного, старина!

Не буду с тобой совещаться о деле
    И славить иль в честь твою пить,—
Я просто люблю на проспект Руставели
    Без всяких забот выходить,

Смешаться с толпою тбилисцев и с ними
    Пойти по знакомым следам,
Где, может быть, встречу далекое имя
    И вновь его сердцу отдам.

Увижу я там, в переулках гадая,
    Пройти — не пройти мне по ним;
Грузинка сидит на окне молодая,
    Беседуя с другом своим.

Взгляну и сойду переулком негладким,
    По тихой Судебной потом.
Я вижу, что все в этом мире в порядке,
    В вечернем, тбилисском, большом.

А в комнате ночью ко мне на свиданье,
    Все стулья заняв и кровать,
Сойдутся все прошлые воспоминанья
    Тбилисскую ночь коротать.

Мы плакать не будем, смеяться не будем,
Мы просто поговорим
О том, что всегда вспоминается людям,
Когда не до отдыха им.

* * *

Над Тбилиси шум рабочий,
Он с утра над головой,
И смолкает только к ночи
Этот грохот трудовой.

Ты сегодня, как столица,
Еще краше, чем вчера,
И с тобою не сравнится
Ни Багдад, ни Тегеран.

Если б ты Багдад увидел,
Этот рабства пыльный ад,
Ты заплакал бы в обиде
За униженный Багдад.

Что б ты видел в Тегеране?
В лязге денег и оков
Он живет, как бы в дурмане,
Под надзором чужаков.

Ты же, вольный и красивый,
Всея страны любимый сын,
Дети пишут здесь курсивом:
«Я — советский гражданин!»

Ты врезаешься с разбега
В степь и в горы над Курой,
Город сталинского века,
Новой доблести герой.

Через всех хребтов громаду
Светит, взрезав ночи мрак,
Тегерану и Багдаду
Большевистский твой маяк!

* * *

Мне кажется, что я встречался с ним
Уже не раз: на Рионгэсе или
В Тквибульских шахтах, с крепким, молодым,
Которого все знали и любили.

Или его я видел стороной,
В полях колхозных юга Алазани,
Иль он промчался нынче предо мной
Средь комсомольцев в конских состязаньях.

Или в горах сванетских привелось
Однажды нам палатки ставить рядом,
Или на Красной площади, как гость,
Он любовался юности парадом.

А может быть, мелькнуло мне в пургу
Его лицо под белым капюшоном
В окопах где-то или на снегу,
Пороховой пылью запыленным.

Не помню я,— но этот взгляд прямой,
Но легкий шаг, развернутые плечи
Встречаю я, когда иду домой,
На улицах тбилисских каждый вечер.

Но не было всего, что написал,—
Его не встретить никакой порою:
Он крепко врос в высокий пьедестал
В большом саду над старою Курою.

Борис Дзнеладзе... он из первых тех,
Из комсомольцев Грузии Советской,
Он вышел в битву рано, раньше всех,
Со львиной страстью и душою детской.

И смотрит он на город с высоты
Тех ранних лет, чей подвиг тяжкий поднял.
Не потому ль ловлю его черты
Я в комсомольском племени сего́дня?

СРЕЗ СТЕНЫ КОШУЕТИ

Снова звезды повисли
Над улиц пустеющим дном,
Замирает Тбилиси,
Темнеет окно за окном.

Точно в горле кувшина,
Тишина на реке,
Только где-то машина
Прошуршит вдалеке.

И дома закачались
На волнах темноты,
Вот уж в мире остались
Лишь две белых черты.

Угол белый и звонкий
Кошуетской стены,
Нарисованный тонкой
Рукою луны.

Больше линий не надо,—
Что среди темноты
Спят Тбилиси громады —
Скажут эти черты.

Нет ни проблеска света,
Кроме них — только мрак,
Может, краткость вот эта —
Лучший мастера знак!

Радуга в Сагурамо

РАДУГА В САГУРАМО

Она стояла в двух шагах,
Та радуга двойная,
Как мост на сказочных быках,
Друзей соединяя.

И золотистый дождь кипел
Среди листвы багряной,
И каждый лист дрожал и пел,
От слез веселых пьяный.

В избытке счастья облака
К горам прижались грудью,
Арагвы светлая рука
Тянулась жадно к людям.

А гром за Гори уходил,
Там небо лиловело,
Всей пестротой фазаньих крыл
Земли светилося тело.

И этот свет все рос и рос,
Был радугой украшен,
От сердца к сердцу строя мост
Великой дружбы нашей.

* * *

Ломаются и хрипнут голоса,
И новые идут на смену им.
Теперь не разберусь уже и сам,
Принадлежу я к голосам каким.

Оставшись воин великих ветераном,
К спокойному не склонен рубежу,—
И лишь пахнет в лицо мне ветер ранний —
Я в новый путь веселый выхожу.

И хочется еще мне говорить
О зареве, бегущем невской льдиной,
И о пожаре медленной зари
Над мирною Мухранскою долиной.

Они со мной — походный мой мешок
И сапоги с подкованной подошвой,
Чтобы стихам шагалось хорошо
В большом пути под самой трудной ношей.

И в тихом Сагурамо я живу,
Как будто бы в блаженном сне богатом,
Лишь потому, что грозно наяву
Я слышу грома дальнего раскаты.

И стих встает к оружию, как солдат,
Проспавший ночь у друга на биваке
Под крышей — и встающий снова в ряд
Для боевой, для стиховой атаки!

НА ГОРЕ ЗЕДАЗЕНИ

Желтый лес, синий снег,
Новый снег — вчерашний,
Как уснувший печенег —
Крепостная башня.

Красный светится кизил
В золоте осеннем,
А по снегу заскользил
Свежий след олений.

Весь наполнен солнцем лес,
Будто снова лето,
Далеко внизу — Загэс,
Под ногами — Мцхета.

Грузия внизу плывет
Сказочным рассказом,
И времен водоворот
Можешь видеть глазом.

Даже года времена
Здесь смешались тоже,
Голубая крутизна
На стихи похожа.

Это песня — не гора,
Эти строки — склоны,
Эти тропы серебра,
Этот лес червонный!

* * *

Сандро Шаншиашвили.

Представить не могу Кахетии
Я без стихов Шаншиашвили,
В какое славное столетие
С какой землей они дружили!

Он все такой же — крепкой поступью
Идет, как в годы молодые,
Над Алазани пенной россыпью,
Каким узнал его впервые.

Среди народа в праздник попросту
Еще ворваться может в танец
И в дом с большой вязанкой хворосту
Войти, как истинный джуганец.

И, сидя с ним за чашкой глиняной,
Вино пригубивая красное,
Я удивляюсь, сколько именно
Он знает истинно прекрасного,

Он знает нравы и обычаи,
Общегрузинские, джуганские,
И песни, полные величия,
И сказы острые крестьянские.

То нежным может быть, то жалостным,
То, расстегнувши пояс узкий,
Взметнется, захохочет яростно,
Как дух из сказки чиаурской.

А в ночи те, что в память врезаны,
О, сколько им в стихах поведано
О судьбах родины истерзанной,
Несчетно проданной и преданной.

Чтоб вслед ночам таким, на смену им,
Актеры, как свое, как близкое,
Играли нам дела Арсеновы
Иль повесть доблести — Крцанисскую.

А там в стихах, как ястреб, клюнувши
Добычу с лету стихотворную,
Споет о девушке и юноше,
Про силу страсти неповторную.

А там в стихах, где поле клонится,
С войной соседя исполинскою,
Споет про мать земли — колхозницу
С ее семьею кахетинскою.

И если б не было Кахетии
С ее просторами сердечными,
Ее придумал бы, чтоб петь ее
И пить ее здоровье вечное!

ЦХНЕТИ ОСЕНЬЮ 1939 ГОДА

Заря через сумрак рассветный
Как розовый кралась олень,
Являлся потом многоцветный,
Стихами пронизанный день.

И, правды стиха не унизив,
Природа вставала над ней,
Над шквалами строф Леонидзе
Всей песенной силой своей.

Как будто хотела потоком
Листвы золотого дождя
Дополнить в раздумье глубоком
Поэму о детстве вождя.

И дети шумели, как листья,
На Цхнетской поляне цветной,
И строк виноградные кисти
Темнели передо мной.

Две девочки в синем резвились
Под звонкие звуки зурны,
Которые к нам доносились
Из сельской большой тишины.

А ночью тревожно-веселой
Под нами роились они —
Червонного золота пчелы —
Ночного Тбилиси огни.

...Над каменным горным народом
Лег мертвый свинцовый закат,
В тот час почтальон мимоходом
Сказал нам: «Варшаву бомбят».

И Цхнети поплыло куда-то,
Оставив лишь в памяти свет
Листвы золотистой заката,
Стиха, просверкавшего вслед!

АБХАЗСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Впадавшую в море увидел ее —
Гумисту, текущую плавно,
К ногам положила мне сердце свое
Из крепкого смуглого камня.

Другого не может и быть у реки,
Рожденной на каменном ложе
И с детства зажатой в такие тиски,
Что вспомнить без гнева не может.

А горы, что шли, громоздясь, над рекой,—
Громадою леса покрыты,
И сердце зеленой громады такой
Из лучшего было самшита.

А леса повыше, за Бзыбским хребтом,
Взобравшись на каменный ворох,
Стоят, с головою покрытые льдом,
Совсем бессердечные горы.

От края до края отсюда видны
Абхазские выси и доли,
И пенистый взмет черноморской волны,
И свет винограда веселый.

Сады, и поля, и дороги струна...
Гляжу — не могу наглядеться,—
И все это вместе согрето сполна
Большим человеческим сердцем!

САНЧАРСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Высоко в небе над Абхазией —
Санчарский перевал,
Там путник разве что с оказией
Случайно побывал.

Туда ведут лишь тропы узкие,
Опасные в ночи,
По ним текут туманы тусклые
И горные ключи.

И он — ничем не примечательный
Тот каменистый вал —
Стал местом битвы замечательной —
Санчарский перевал.

Здесь враг хотел пробиться в Грузию
Кратчайшей из дорог,
Огня и камня грозный узел он
Перерубить не мог.

Здесь пушки скатывались в пропасти,
Сорвав лавины ком,
Здесь альпинист делился доблестью
С бывалым моряком.

Был с перевала враг подкошенный
Сметен в снегов провал...
И Сталин видел в небо брошенный
Санчарский перевал.

В крови, осколками изрезанный,
Размолотый, пустой...
Плывет сегодня синь небесная
Санчарской высотой.

Туда ведут лишь тропы узкие,
Опасные в ночи,
По ним текут туманы тусклые
И горные ключи.

И только крыльев тень орлиная,
Ложась на перевал,
Напомнит жителю долинному
О битве между скал.

Да где-то карта есть с названием,
Что Сталин называл,
Да где-то есть воспоминание:
Санчарский перевал!

Горы

* * *

Я знаю Грузию такую
И в сердце строго берегу, --
Лавины громкие ликуют
И туры `скачут на снегу.

Гремят алмазные потоки,
А над зеленым миром всем
Ступени льдов висят, как строки
Застывших в воздухе поэм.

Ночлеги в башнях, ужин скромный
На этой царственной земле,
Я спал под сводом полутемным
И снов не видел веселей.

КИРОВ НА КАЗБЕКЕ¹

1

Сначала это был
Скалистый гребень,
В тумане плыл,
Как будто таял в небе.

Весь бурями истесанный
И серый,
Меж безднами-откосами
Висел он.

А над виском
Утесов острых смесь,—
Чуть не ползком
По этим плитам лезь.

Вдруг, как во сне,
Туманы размело,
Нога на снег
Ступила тяжело.

2

Шли через плечи
Волны облаков,
И солнцу жечь их
Было нелегко.

---

¹ В основу этого стихотворения положено подлинное описание восхождения Сергея Мироновича на Казбек (9 августа 1910 года), опубликованное в газете «Терек», № 3815, от 2 сентября 1910 года.

Его лучи, врезаясь
В белый ад,
В нем таяли, сражаясь
Наугад.

Вокруг вершины, будто
Корабли,
Всплывали круто,
На волнах росли

И шли ко дну,
Распавшись на куски,
В ту белизну,
Где не видать ни зги.

А надо всем —
Оледенелый гром,—
Стоял Казбек,
Светясь на голубом.

8

Лег фирн вокруг...
Глубокий, мягкий снег...
Лишь сердца стук
В великой тишине.

И смотрит ширь
Сейчас не на зарю,—
Как богатырь
Идет к богатырю.

Все медленнее, тише
Каждый шаг,
И легкий слышен
Тонкий звон в ушах.

То словно
Колокольчики снегов
Звенят неровно,
Счет ведя шагов.

Уперлись в лед,
В зеленую кору,
И вот уж в ход
Пускают ледоруб.

И он звенит
По каменному льду,
Он говорит:
«Взойду! Взойду! Взойду!»

Не сокрушить их,
Вихрю — не смести,
Уже вершина,
Дальше нет пути!

4

Снежок, пыля,
Летит в ущелий дым,
Какой земля
Раскрылась перед ним?

Встает Эльбрус,
Весь залитый огнем,
Как будто куст
Костров горит на нем.

Дыхтау с Ушбой
Выше облаков
Клянутся дружбой
Вечных кунаков.

А там как будто
Кто-то разорвал
И в снег окутал
Стены пестрых скал.

Какая мощь в их пламенных
Тонах,
Какая легкость в каменных
Волнах!

И мастер не найдет,
Чем передать
Такой полет,
Такую благодать!

Ты станешь снег
В восторге целовать,
О человек!
Могу тебя понять!

5

И чувств не счесть,
И как свободен я,—
Я вижу здесь,
Как радостна земля.

В степях за Балтой
Нити рек, дорог,—
Владикавказ! Как мал ты,
Как далек!

Ты будешь гордым городом,
Когда
Взойдет свободы гордая
Звезда.

И большевик
Все миру в дар отдаст,
От мудрых книг
До всех земных богатств.

И станет мир,
    Как с этой высоты,
Неповторим —
    Его увидишь ты.

Сквозь кровь и тьму,
    Сквозь всех сражений дым,
Взойдем к нему,
    Когда мы победим!

* * *

В Бечо меня голод замучил,
Тонул я однажды в Чанчахи,
Срывался со скал я, где тучи
Чернее, чем горцев папахи.

Град бил меня на Ахмангане,
Метель леденила Твибера.
Во льдах, под дождем и в тумане
Своей не утратил я веры

В блаженство путей этих малых.
Сказали б: пусть все повторится —
Готов повторить все сначала,
Чтоб снова горам удивиться.

АЛЕКСАНДРА ДЖАПАРИДЗЕ¹ НА УШБЕ

Когда предо мною осколки луны
На снежниках станут дробиться,
На выступе красной ушбинской стены
Я вижу: стоит Джапаридзе.

Привязана, клинья забиты в скалу,
Веревка натянута крепко.
Над нею стена убегает во мглу.
А горы — как мертвые слепки.

---

¹ Александра Джапаридзе — заслуженный мастер спорта, принадлежит к семье выдающихся советских альпинистов. Симон Джапаридзе погиб на Тетнульде в 1929 году. Алеша Джапаридзе, участник Великой Отечественной войны, погиб на Ушбе.

В 1934 году Александра вместе с Алешей, Ягором Казаликашвили и Гио Нигуриани совершили первое в советское время восхождение на Ушбу. При штурме западной стены Ушбы, преодолевая очень большие трудности, они при наступлении темноты стояли перед выбором: или ночевать на самой стене, что было невозможно для всех, или спуститься к ее подножию, теряя все завоеванное днем пространство. Александра предложила им спуститься, а сама осталась ночевать на стене. Как писал в своей книге «Ушба» Алеша, «Александра являлась как бы залогом, который заранее исключал всякую возможность появления каких бы то ни было сомнений и колебаний и делал обязательной для нас попытку восхождения на следующий день. Путь к отступлению был отрезан...»

Таким образом, Александра провела ночь, привязанная к двум вбитым в скалу клиньям, и на другой день поднялась на вершину — первая женщина на мрачной вершине Ушбы, одной из самых недоступных на Кавказе.

«Прошу вас, исполните просьбу мою,—
Сказала, одета закатом.—
На выступе этом я ночь простою,
Смотрите, друзья мои, брат мой:

Тут всем даже стоя нельзя ночевать,
К подножью стены вы спуститесь,
Чтоб завтра к вершине наш путь продолжать,
За мной на заре возвратитесь».

...И длинная горная ночь потекла,
Заполнила пропасти тьмою,
Потом из небес голубого стекла
Она засияла луною.

И горы вдруг легкие, как миражи,
Поднялись воздушной громадой,
Всю тяжесть дневную свою положив
В разорванный ад ледопадов.

Как будто впервые увидев луну,
Все в мире нагорном молчало.
Лишь где-то далеко дробил тишину
Обрывистый выстрел обвала.

Потом все смешалось за дымкою сна,
И Ушбы не стало на свете.
Явились леса, и бугры, и весна,
И маленький дом в Имеретии.

И братья боролись шутя на лугу,
Симон поскользнулся пред нею,
Разбитый лежал ледоруб на снегу,
И мать была снега белее.

Зовет Александру. Очнулась она:
Стоит над провалом бездонным,
А ночи стеклянная голубизна
Сменилась уж темнозеленой.

И льдинки, как слезы, в ручей серебра
Стекают, сжимаясь от муки,
И на плечи ей положила гора
Гранитного холода руки.

И братья боролись шутя на снегу.
Сказала Симону с досадой:
«Симон, я Алешу сейчас берегу,
Не трогай Алешу, не надо».

И снова текут бесконечно часы,
А Грузии снится впервые такое,
Что женщина новой грузинской красы
Стоит над страной ночью.

Тут ветер колючий ударил в висок,
Рассветные шорохи поднял,
Со старой стены обветшалый кусок
Слетел, грохоча, в преисподню.

И, легкость ночную оставить спеша,
Чуть небо зарей заблестало,
Из ночи вершин возвращалась душа
И плотью опять обростала.

И первых лавин зашуршали дымки,
Как вздохи проснувшихся рано,
Под первым лучом, золотящим виски,
Встающих от сна великанов.

Глядит Александра уже не во сне:
Мир ясен и грозно рассчитан.
И четкость такая в зеркальной стене,
Что каждую видно морщину.

По этой стене она все же пройдет —
Пусть всеми отвесами блещет, —
И первая женщина вступит на лед
Вершины ушбинской зловещей.

Лишь вверх альпинисту дорога одна,
И эти дороги умножь ты,
А жизнь — не такая ли точно стена,
Которую штурмом берешь ты?

И слышны ей снизу друзей голоса,
И ветер какой-то хороший,
А вот и Алеша уж к ней поднялся.
«Прекрасное утро, Алеша!»

НЕИЗВЕСТНОМУ ТОВАРИЩУ

Придут далекие года,
Настанет вновь весна,
Слетят со скал обломки льда,
И лес проснется, как всегда,
Рекой пройдет волна.

Товарищ неизвестный мой,
С корой сожженных губ,
Пойдет на кручи, как домой,
Сжимая ледоруб.

Взойдет в безмолвие снегов —
Пусть ноша нелегка,
Затянет он веревку вновь
Узлом проводника.

Его охватит радость гор,
Что знали я и ты,
Он снова разожжет костер,
Спустившись с высоты.

И вспомнит он всех тех других,
Сидевших у огня,
И выпьет он за память их,
И, значит,— за меня.

Он чмокнет сладко языком,
Своим довольный днем.
Грузинским капнет он вином
На черствый хлеб потом.

И спросит девушка: «Зачем?
Что это значит, друг?»
Он объяснит ей без речей,
Что вечен жизни круг,

Что завтра рано им вставать,
Что ждут их гребни скал...
Им будет мир принадлежать,
Как нам принадлежал!

СТИХИ
РАЗНЫХ ЛЕТ

1937-1954

*

I

С О В Е Т С К И Й   Ф Л А Г

Флаг, переполненный огнем,
Цветущий, как заря,
И тонким золотом на нем
Три доблести горят:
То молот вольного труда,
Серпа изгиб литой,
Пятиконечная звезда
С каймою золотой.

Был побежден народный враг
Народною рукой,
И сто народов этот флаг
Взвивают над собой —
На самой высшей высоте,
На самой дальней широте,
Среди полей и городов,
Меж волн бесчисленных рядов.

В нем — человечеству привет,—
И проще в мире флага нет;
В нем — нашей славы жаркий цвет,—
И жарче в мире флага нет;
В нем — нашей силы грозный свет,—
Сильнее в мире флага нет;
В нем — правда наших красных лет,—
Правдивей флага нет!

ПЕРЕКЛИЧКА ГЕРОЕВ

В просторах вольных ветер дышит,
Румянит осени лицо,
Четыре голоса он слышит,
Как переключку храбрецов.

Над степью дальней, степью голой
Могучий голос говорил:
«Я друга верного — монгола
Оборонил и охранил!

Я крылья вражеские сбросил
С небес на горькие пески,
Где жаркой пылью вихрь заносит
Разбитых гусениц куски!»

Над львовским тополем, над Пущей
Веселый голос в небе рос:
«На братний крик, на крик зовущий
Мой путь был радостен и прост».

Над морем, с пеною стальнойю,
Над прибалтийскою сосной
Шел голос третий над волною:
«Я здесь исполнил долг иной!

Я встал пятой неколебимой
На этих дружбы берегах,
Чтоб славу родины любимой
И день и ночь оберегать!»

Над финским вереском и хвоей
Бил голос в неба глубину:
«Я здесь на бой ответил боем,
К полету крылья развернув!

И под крылом летящих строев,
С победой новой заодно,
Река Сестра — моей сестрою,
Рекой советской стала вновь!»

КОГДА ВЕСЬ ГОРОД ПРАЗДНИЧНО ОДЕТ

Приятно и радостно знать, что кровь, обильно
пролитая нашими людьми, не прошла даром,
что она дала свои результаты.

И. В. Сталин

Когда весь город празднично одет,
По улицам проходят знаменосцы,
И, отражаясь в масляной воде,
Играют флаги яхт и миноносцев,
И вслед коням, залязгав на ходу,
Стремятся танки армии любимой,
А в небесах, в подоблачном ряду,
Стозвучных птиц полет неукротимый,—
Народ поет о радостях живых
И о Вожде отваги непреклонной.

И я стою на площади зеленой,
И двадцать лет упало с плеч моих.

Гранитных плит торжественный квадрат,
Вокруг него ноябрьские деревья,
Вокруг него великий Ленинград,
Народных толп веселое кочевье,
Вдали широкоплечая Нева,
А здесь — в квадрате, полном странной
силы,—

Сверкающая инеем трава,
Геройская спокойная могила.

В земле родной легко лежат они,
Что шли в боях в сиянье стягов красных,
В дни торжества народного взгляни
На имена погибших не напрасно.

...Кипящий город, черной банды бунт,
Трепещет враг пред силой пролетарской,
И падает неистовый трибун,
Из-за угла сраженный Володарский.

И под набат, как под удар ножа,
Встал Нахимсон среди палачей сутулых,
И пред его спокойствием дрожат
Белогвардейцев каменные скулы.
И Ярославль обманутый горит,
Летит измены пепел раскаленный...

Но голосом Урицкого гремит
В ночах Чека — Советов оборона.
О, если б с нами, радостью дыша,
Он шел сейчас по площади знакомой,
Каким его народ бы встретил громом,
На празднике приветствовать спеша.

Здесь Сиверса окончен путь недлинный,
Он мало жил, но много битв узнал,
Он немцев бил на нивах Украины,
Он гайдамаков волчьи стаи гнал.

Весна. Цветы. Леса омыты светом,
До нежности ли, вёсны ни при чем,—
В последний бой, как в огненное лето,
Наган сжимая, входит Толмачев.

Из смерти в смерть, о жизни не жалея,
Водили мы непобедимый строй.
Здесь Купше спит, Таврин лежит, Сергеев,
И Раков здесь, моих стихов герой.
И Лихтенштадт, и храбрый Солодухин,
И сколько рядом — всех не перечеть...

Недаром — нет! — несли вы через муки
Свободы честь и славной смерти честь.
И с вами лег, овеян ветром сосен,
Страны озер бесстрашный коммунист,
И Виттасари снится в шхерах осень,
На мох летит березы острый лист.

И говорит товарищу он: «Вейне,
Другой весной мы родину вернем...»
Так спите, братья,— есть у вас наследник,
Всемирный брат его мы назовем.
Сегодня с нами также он ликует,
И радостью душа его полна,
Он вспоминает летопись такую ж,
Такие же, как ваши, имена.

На улицах далекого Шанхая,
В испанской ли неведомой глуши...
Мы будем петь, чтоб песни, не стихая,
Весь страшный мир по-братски обошли,
Чтоб среди песен, радостных и сильных,
Одна была — как грозный взмах крыла:
О крови той, что пролита обильно,
О крови той, что даром не прошла!

ПОЛЮС НАШ

Где только лед волнами уносило,
Где только сила полюсной тюрмы,
И враг и друг пусть видят нашу силу,
Где захотим — расправим крылья мы!

Наш красный флаг в пустынь купался зное,
И, где земли кончаются пути,
Он полюса пространство ледяное
Незаходящим солнцем осветил.

Не только полюс тот тяжелоглавый,
Где лед гремит, а ветер так свинцов,—
Достигнут полюс мужества и славы
Великими сердцами храбрецов,

Великими сердцами самолетов;
Являет мир необычайный вид,
Со многих дел слетает позолота,
Советских дел сияние горит.

И вздрогнет мир от этого полета,
Как бы водой волшебною омыт,—
Глядя в глаза невиданным пилотам,
Зимовщикам немислимой зимы!

ПЕТРОГРАД 1919

1. ЧАСОВОЙ

Гудел закат осенним шквалом
Над часовым,
За пулковским пустынным валом
Летел пожаров дым.

Был часовой лихой кузнец ли,
Иль токарь боевой,
Иль плотник с песней молодецкой,
С чубатой головой.

Был часовой стрелок, моряк ли,
Иль воином иным,—
Виски усталостью набрякли
От длинных лет войны.

Стоял в изорванной шинели,
Испытанный в боях,
И всех невзгод над ним летели
Косматые края.

За ним лежал во мгле ненастной,
Тяжел и нелюдим,
Тот город, гордый и прекрасный,
Что был непобедим.

В осенних дней холодной пене,
В ночах, острее ножа,
Он был готов стоять бессменно,
Тот город сторожа.

Он был готов стоять бессменно,
Замены не прося,
Ему сказал, нахмурясь, Ленин,
Что отступить нельзя!

Его на пост поставил Сталин —
Стоять, врагу грозя,
Пускай сердца других устали,—
Ему устать нельзя!

2. ВРАГИ

А проклятые, землю кровавая, все ближе
Подходили враги,
Этот путь всеми муками смертными выжжен,
Эти белого ада круги.

Это к городу шла разгуляться
Длинноусого вора орда,
Это шли на российских хлебах отъедаться
Иноземной орды господя.

И от белого ль финна, от белого ль эста
Сколько нечисти той принесло,
Замесилось пожаров тяжелое тесто
И на крови рабочей взошло.

Только мертвые были, как братья, похожи...
Меж смертельно тоскующих нив
Им казалось, что всё одного и того же
Каждый день убивают они.

И что тот большевик, тот бессмертный рабочий
Все навстречу из ямы встает,
И сражается вновь, и сдаваться не хочет,
И победную песню поет.

Им гранитного города снились палаты,
Над Невой разукрашенный сад,
Когда в лоб им ударил над пулковским скатом
Петроградских орудий раскат.

Где шатается нынче, не знаю, Родзянко,
Но тогда он сказал сгоряча:
«Завтра буду по Невскому шпорами звякать,—
Что глядеть мне на город сейчас!»

Им казалось все треском последних хлопушек
Над игрушечной той высотой,
Когда грозно ворвалось в пьяные уши
Это полное трезвости: «Стой!»

3. АНГЛИЧАНЕ

Что за флаги блестят на закате,
Чей эсминец разводит волну? —
То британский предательский катер,
Захлебнувшись, уходит ко дну.

Чья мелькнула стальная обводка,
Чернотой поднялась глубина? —
То британская серая лодка...
В вечный сон погрузилась она.

«Почему мы погибли без славы,
Моряки океанского льва?» —
Вы спросите того, кто отправил
Из далекого Лондона вас!

Вы придите к нему вот такими,
По плечам чтоб струилась вода,
Чтоб губами зелеными имя
С мертвым хрипом проклясть навсегда.

Вы скажите ему, да погромче,
Что со дна поднимается месть,
Что на свете — вы знаете точно —
Не одна, а две Англии есть!

Если первая словом обманном
Их направила на Петроград,
То вторая вела сквозь туманы
Их печальные тени назад.

И что Англия эта вторая
Помнит яростно имя его,
Голодая и зря умирая,—
Так скажите от сердца всего.

Чтобы он ваше слово припомнил
И чтоб это сбылось поскорей,
Когда будет народом он вздернут
На красивейшей мачте морей!

4 ГОРОД. НОЧИ ОБОРОНЫ

Ну, как сейчас припомнишь эти ночи,
Как будто где-то далеко грохочет,
А в улицах мертвеет тишина,
И только по холодным голым сучьям
Дробь дождевая катится и мучит
Людей, сидящих молча у окна.

Вкруг города — кладбище паровозов,
А в городе — разбитые дома,
Детей голодных жалобы и слезы,
И нищего базара кутерьма,
И мысли, оголенные, как сучья...

Нет, не таким был Петроград могучий,
Он вышел тихо в вечер ледяной,
Он баррикад выстраивал громады,
Он вышибал прикладами окно,
Он пулеметы ставил там, где надо,
Колючую он проволоку вил,
Чтоб враг бы в ней свои запутал шпоры;
От ненависти плача и любви,
Сжигал дома или сносил заборы,
Чтобы расчистить пушечный обстрел;

Он на чердак перетаскал гранаты,
Чтобы в любой проулочной норе —
Чтоб только смерть была врагу вожатым.

Хлеб яростно пекли пищевики,
И швейники шинели молча шили,
И женщины, набив песком мешки,
Сложить окоп из тех мешков спешили.
Докладчик в зале, от махорки душной,
Читал доклад о битвах в Октябре,
И моряки, доклада не дослушав,
Уже в ряды теснились на дворе.
Домохозяйки корпию шипали,
И, от бессонных синие ночей,
Путиловцы по гайке собирали
Броневики — с винтовкой на плече.

И, мрак прорезав светом небывалым,
Как будто бал затеян на всю ночь,
Дружины шли в богатые кварталы
Проверить в доме каждое окно,
Перетряхнуть матрацы и перины,
Раскрыть шкапы, поднять полы порой.
И там, где с виду было все невинно,
Оружье было спрятано горой, —

Где ждали белых, так уж их хотели,
Что в шинелях заранее потели,
Зажав наган дрожащею рукой,
Пришив погон и на мешке с мукой.

И гадов тех снимали те отряды...
Таковыми были ночи Петрограда.

5. БОЙ

В сиянье солнца гулкого,
За боевой трубой,
Иду холмами Пулкова
В далекий этот бой.

Встают бойцы упорные
На утре давних дней,
Кость белая и черная
Пытают: кто сильней!

У Красной Горки мужеству
Не Сталин ли учил?
О белое хорунжество
Штыки пообточил.

У Пулковских размашистых
Неприбранных высот,
У подступов овражистых
В атаку полк идет.

Поет,— и это пение
Все шире и лютей,
Оно глушит шипение
Летающих смертей.

И белый полк без выстрела,
Бледнея, пятит шаг,
И рвется в поле чистое
Занывшая душа.

Но надо ж и ответ держать,
И, поборов тоску,
Идут они в штыки, дрожа...
Подходит полк к полку.

Сошлись они без выстрела,
Устлав траву собой...
Смотрю на поле чистое,
В далекий этот бой.

Вы, милые товарищи,
Вас бил далекий град,
Вы — те, что дрались давеча
За Красный Петроград.

Вы с честью били врага
Разбойных всех племен,
Нам ваше имя дорого,
Ваш подвиг — с нами он!

В сиянье солнца гулкого,
Он с нами навсегда,
Над славной высью Пулкова
Летит, горя, звезда.

То, крылья величавые
Приветно закачав,
Летит над вашей славою
Питомец новых слав!

* * *

И о битве ночной и о желтом враге его,
И о подвига славе прямой
Я хочу написать капитану Агееву
В заамурские дали письмо.

Только вот не напишешь — заботы да хлопоты,
Смотришь — за полночь день лишь затих;
Капитан, слыша гул океанского ропота,
Гул стихов не услышит моих.

У него и забот же — куда тут управиться!
До стихов ли — работы гора,
Только имя его золотое ударится
В стихового строку серебра...

**ВОСПОМИНАНИЕ КРАСНОАРМЕЙЦА
XI АРМИИ**

Большие годы, дальние
Запали нам в умы,
Как бились в Красной Армии
В Одиннадцатой мы.

Дробили вражки полчища,
Летевшие на нас,
Храня твои урочища,
Твои края, Кавказ.

Пришло нам время лютое,
Повсюду враг залег,
Раздетые, разутые
Ушли мы на восток.

Патроны все расстреляны,
Все кончились корма,
Ударила метелями
Калмыцкая зима.

Рука лежит на поводе
Синее топора,
Мы шли в тифу и в голоде,
Одетые в буран.

А над холмами снежными —
Замерзших гряда тел,
Пустыней шли безбрежной мы,
Где ворон не летел.

Лишь волк спиной потертою,
От холода свинцов,
Блеснет да ткнется в мертвое
Шершавое лицо.

И на того на волка мы
Смотрели, как в бреду,
И каждый думал: «Долго ли...
Сейчас я упаду».

Упавших не считали мы,
Тоскуя без границ,
И снились нам за далями
Сады родных станиц.

На Волге отдохнули мы,
Утих метели гром.
Богаты стали пулями,
Всем боевым добром.

Мы отстояли Астрахань,
Ломали белым кряж,
Водил нас в битвы частые
Любимый Киров наш.

Мы дрались под Царицыном,
И — пленным — в эти дни
Смотрели прямо в лица им,
Угрюмей, чем они.

Смотрели в их по-кроличьи
Безумные глаза,
От ярости и горечи
Ни слова не сказав.

В ночь, звездами сожженную,
И сон нам не покой,
Все снились наши жены нам
Над Тереком-рекой.

Уж тополя по зорькам там
Стоят, как бунчуки,
Лежат меж нами горькие
Пустынь солончаки.

Уже снега расцвечены,
Весна уж налицо,—
Однажды сизым вечером
Собрали всех бойцов.

Хоть сколько лет прошло с тех пор,
Я помню все до дна:
Мы видим, вот идет комкор,
Идет сам Киров к нам.

Тесней сомкнув за рядом ряд,
Мы замерли без слов,
Глядим: глаза его горят,
А весь лицом суров.

«Товарищи,— он говорит,—
Вы помните Кавказ,
И все, кто там в степях лежит,
Не в памяти ль у вас?»

Когда ударила зима
И между двух смертей
Вы шли, и даже смерть сама
Вас не была лютей.

Вас тиф валил и голод грыз,
Бурана волчий вой,
Свистел мороза синий свист
Над вашей головой.

И вы ушли от милых мест,
Покинув дом в ночи,
Там белых сабель блещет плеск,
Там бродят палачи».

Стояли мы, как онемев,
Глядя по сторонам,
И только месть и только гнев
Стучали в ребра нам.

«Молчат проклятые пески,
Где кости сложены,
Я знаю силу той тоски,
Которой вы полны.

Мы здесь сразили всех врагов,
И завтра — грозным днем —
От Волги вольных берегов
Мы к Тереку шагнем».

Стояли мы, похолодев
И не сводя очей,
Но каждый вдруг помолодел
От кировских речей.

«Станицы ждут, аулы ждут,
Нас вольный ждет Кавказ». —
Его слова нам сердце жгут,
Кипит душа у нас.

«Не так дорога далека,
Там кончим мы войну,
Обнимет горец казака,
И встретит муж жену».

Была весна, и степь цвела,
Хрустела соль в песках,
И тень орлиного крыла
Лежала на войсках.

Мы били белых, как гроза,
На Тереке седом,
Мы не смотрели им в глаза,
Подернутые льдом.

Мы гнали белых за Кизляр,
И пленникам своим —
Мы не глядели им в глаза,—
На что веселье им?

Мы всю развеяли тоску
В садах родной земли,
И утром огненным в Баку
Мы с Кировым вошли.

Давно то было, но хочу
До старости сбережь
Неизменяемо ничуть
Тот путь, ту ночь, ту речь.

* * *

Пятнадцать лет тому назад,
Под самый лютый вой метели,
Навек закрылись те глаза,
Что сквозь грядущее глядели.

И солнца бледного зенит
Казался нам вечерней мглою,
Лишь было слышно, как звенит
Мороз над скованной землею.

Казалось, жизни больше нет,
Печаль над всем крыло простерла,
И слезы, словно в полусне,
Неслышно подступают к горлу.

И в ожиданье все сердца
Как будто биться перестали,
И клятвой, верной до конца,
За целый мир ответил Сталин.

И словно неба синева
Зажглась опять по всей отчизне,
И были клятвы той слова —
Как продолженье нашей жизни!

КОМСОМОЛЬСКАЯ ОДА

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

Стучит ли топор дровосека
В глуши затаймырских болот,
Подводный ли строится флот,
Где сложные тайны отсека
И грозных машин обиход,
Плывет ли в Гренландию лед,
Где знамя Советского века
Над полюсной льдиной встает,—
От книжных страниц до раскрытых
Пустынь стратосферных высот
Кипит этой силы избыток,
Идет комсомольский поход.

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

Под гулкий азарт стадионов,
Где мускулы бронзой полны,
Под грохот товарных вагонов,
Везущих богатства страны,
В морях ли, во льдах и туманах,

У горнов, где блещет литье,
В путях ли, которым Стаханов
Дал строгое имя свое,
Под гул самолетных моторов,
В колхозах, где рожь высока,—
Остры их горячие взоры,
Крепка молодая рука.

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

Идут, отшвырнув белоручек,
В тайгу, где лишь дебри рычат.
Там жизнь их суровая учит,
Где волки учили волчат.
В мученье трудов неприметных,
В закалке их яростных воль
Встает из тайги беспросветной,
Как юный рассвет,— Комсомольск.
И смотрят отцов их громады
На мир, что действительно нов,
И сердце отцовское радо
Такому упорству сынов.

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

Бандитский ли залп перекатом
Пройдет пограничной грядой,—
На смену упавшему брату
Встает его брат молодой.
На сопках таких Заозерных,
Где желтый налетчик залег,
Где, флаг его сбросив узорный
В разбойничьей крови поток,
Сметая налетчика силу,
Промчался наш огненный шквал,—

Там над самурайской могилой
И штык комсомольский сверкал.

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

Далеко идут по вселенной
Круги нескончаемых битв,
Но слава о нас неизменно
Над ветхой землею гремит.
И племя растет молодое —
Могучего леса побег,
И солнце глядит золотое
На листьев зеленых разбег.
И в шуме той рощи веселой
Пророчество будущих лет:
Свободной земли новоселы
Идут во Всемирный Совет.

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ

Мы крепки. Устать еще рано,
Нам нету дороги ко сну.
До края налейте стаканы,
Мы пьем за родную страну!
За то, как ломали невзгоды,
Чтоб горе сломить навсегда,
За братские наши народы,
За звездные их города!

За города юного выси,
Что в дебрях поставили вы,
За древние башни Москвы,
За новые стены Тбилиси.
Пусть сердцем прокатится радость,
Которая всем дорога:
Мы пьем за красу Ленинграда,
За синей Невы берега.

От дыма полярного чума,
Где сало тюленья чадит,
До южного плеска и шума
Гремящих всю ночь Чаладид,
За все города и колхозы,
Что подняты нашей рукой,
Мы пьем за туркменские розы,
За льдистых полей непокой.

За наших заводов ряды,
Что дружно гудят из тумана,

Мы пьем. Мы сильны и горды.
До края налейте стаканы!
За труд, что могуч и суров,
За сердце его ретивое,
За вольных его мастеров,
За их мастерство мировое.

За молодость, славу, за риск,
Мы пьем за охотничьи тропы,
За планер, умчавшийся ввысь,
За юных геологов опыт,
За штурм неприступных высот,
За верный удар ледоруба,
За солнцем спаленные губы,
За реки, пройденные вброд.

За женщин и девушек наших,—
В работе, в учебе, в борьбе
Товарищей лучше и краше
Сыскать не удастся тебе.
Мы петь их еще не умеем,
Так выпьем сегодня в их честь,
Чтоб юным — им жить, пламенея,
И внуков под старость не счесть.

Пока мы пируем в тепле,
Отметим же тостом отличным,—
По темной промерзшей земле
Дозором идет пограничник,
Чтоб падали вороги ниц
От пули, без промаха бьющей,
За витязей наших границ,
И в стужу и в зной стерегущих!

За счастье колхозных дворов,
Кочевья колхозной отары,
За грохот в полях тракторов,
За новые врубов удары,
За новые шахты, за нефть,
За верфи, за домны, за станы,

За жизнь, что гремит неустанно
И век не устанет греметь.

Наполним стаканы! Пора!
Мы пьем за советские воды,
За наши в морях крейсера,
За наших подлодок походы,
За краснознаменный наш флот,
За флаг, на морях неповторный,
За путь ледоколов упорный,
За грани смертельных широт!

За неба советского ширь,
За племя героев воздушных,
За рокот моторов послушных,
За крылья, что так хороши.
За тех, что под знаменем нашим,
Коль выпадет войн полоса,
Победным крылом перепашут
Крылатых врагов небеса.

Тут пить не стаканом, а чайшей,
И чашу пустить по рукам,
За Красную Армию нашу,
Несущую гибель врагам.
За партии рост неустанный,
За битв комсомольские дни,
За наших бойцов у Хасана
И где бы ни дрались они!

Зарю уж небо одето,
И тост наш да будет таков:
Еще раз — за землю Советов,
За партию большевиков!
Мы пьем за того, кто сегодня —
И друг и создатель всего —
До звезд нашу родину поднял:
За Сталина пьем, за него!

II

* * *

По духу, и по сердцу, и по праву —
Столица ты, тебе замены нет,
Москва, Москва, свети земле на славу —
Не восемьсот, а восемь тысяч лет!

И чтоб они советской славой были,
Недаром встали над твоей судьбой
Те тридцать лет, что полностью затмили
Восьми веков сиянье над тобой,

Чтоб праздновала снова ты и снова
Победы большевистского пути,
Чтоб Ленинское, Сталинское слово,
Как солнце, жило у тебя в груди.

* * *

Как будто осветила вдруг гроза
Огромную Россию, как на карте,
Когда поднялся Ленин и сказал:
«Есть такая партия!»

Он говорил в событий быстрине,
Среди российской всей разрухи,
В лицо врагу, кричавшему: «В стране
Нет партии, что власть взяла бы в руки!»

...Настанет день, когда на всей земле
Восторжествует ленинское знамя,
Войдут тогда в великий мавзолей
Послы планеты стройными рядами,

Чтоб благодарность мира принести
За мировую вольную отчизну,
За то, что Ленин указал пути,
Какими Сталин вел их к коммунизму!

ПУШКИНУ

Восходя на горя кручи,
Не отчаявшись в судьбе,
Захотел народ могучий
Слышать песню о себе,

Что пришла бы в мир печальный,
Как веселая гроза,
Чтоб певец необычайный
Правду жизни рассказал.

И в весенний день румяный,
Расцветавший в синеву,
Колыбелью великана
Выбрал славную Москву.

Вывел в песенное поле,
На просторе неглухом,
Научил, как вольной волей,
С юных лет дышать стихом.

Чтобы жили поколенья
Кровью сердца стиховой,
Жаром пушкинского пенья
Над Невой и над Москвой.

Чтоб над степью и горами,
Как нежнейший сердца друг,
Был тот голос вечно с нами,
Как родной нам речи звук.

Чтобы в ссылках и в гоненьях
Восходил он, как заря,
Чтоб в глуши великий Ленин
Стих твой гордый повторял.

Чтобы сам великий Сталин
В год, что шел, как страшный вал,
Среди тех, кто к бою встали,
Имя Пушкина назвал.

Мы возвысили отчизну,
О которой ты мечтал,
Чтоб зарею коммунизма
Стих, как пламя, прорастал.

Оттого Москва в движенье,
Как весенняя река,
Чтоб восславить день рожденья
Дорогого земляка.

И советский наш единый
Весь народ пришел сюда,—
Это встреча исполинов
Правды, песни и труда!

ПЕСНИ АЛЬПИНИСТОВ

1

Где вершины стоят в облаках,
Где обрывы над пропастью мгlistой,
Где кончаются тропы в горах,—
Начинается путь альпинистов.

Кто искусен и смел,
Всюду, где захотел,—
Среди льдов, по отвесной стене,—
Он путем тем пройдет,
Что к вершинам ведет,
Самым гордым в Советской стране.

Пусть лавины навстречу гудят,
Вьюги снежными вихрями дышат,
Для отважного нету преград,
Лишь вперед он стремится и выше.

Кто искусен и смел,
Всюду, где захотел,—
Среди льдов, по отвесной стене,—
Он путем тем пройдет,
Что к вершинам ведет,
Самым гордым в Советской стране!

Мы, разведчики грозных высот,
Пятна белые с карты стирая,
Каждый год мы выходим в поход
На Памире, Кавказе, Алтае.

Кто искусен и смел,
Всюду, где захотел,—
Среди льдов, по отвесной стене,—
Он путем тем пройдет,
Что к вершинам ведет,
Самым гордым в Советской стране!

Путь любому к вершинам открыт,
Высоту кто полюбит бесстрашно,
Где звенит ледоруб и где сердце звенит,
Где рождается дружба отважных.

Кто искусен и смел,
Всюду, где захотел,—
Среди льдов, по отвесной стене,—
Он путем тем пройдет,
Что к вершинам ведет,
Самым гордым в Советской стране!

И растет альпинистов семья,
Старым юность приходит на смену,
И когда у костра соберутся друзья,
Песня гор зазвучит неизменно:

Кто искусен и смел,
Всюду, где захотел,—
Среди льдов, по отвесной стене,—
Он путем тем пройдет,
Что к вершинам ведет,
Самым гордым в Советской стране!

2

Выходим мы рано
С альпийской поляны,
Сжимая в руке ледоруб.
Пусть ветер рассвета,
Как песня привета,
Коснется обветренных губ.

Пусть скалы угрюмы,
Нам весело думать,
Что в этот предутренний час
Товарищей много
Такой же дорогой
Начнут восхождение сейчас.

Над облачной хмурию,
Над грохотом бури
Идем мы, не зная преград,
Вершины Кавказа,
Памира алмазы
Навстречу отважным горят.

Простор расширяя,
Сердца закаляя
И мужеству юных уча,
Идем на высоты,
Где мира красоты
Нам песнею новой звучат.

Восходим мы вместе
Дорогою чести
К великим высотам страны,
Победное знамя
Развив над горами,—
Советской отчизны сыны!

ПАБЛО НЕРУДА

Я помню, как в детстве мы в школе учили:
На карте зеленым отмечено Чили.

Учили, как Анды громадой упрямой
Над выжженной, рыжей встают Атакамой.

Как медью богато далекое Чили,—
Но всё не упомнишь, что в детстве учили...

И вот уж на старости лет предо мной
Является Чили страной иной.

В нем нет уже детской цветистой приманки;
Над медью и нефтью господствуют янки.

Вплетается в шелест чилийских ночей
Тот долларов шелест в руках палачей.

И в этой дрожащей цепями ночи
Задумали песню убить палачи.

Но в медной стране, в этой каменной гряде
Живут золотые рабочие люди.

Бессонны их ночи и тяжки их дни,
Но двери для песни раскрыли они.

И песня ушла от погони врагов —
Приют у рабочих нашла очагов.

А дальше укрыли той песни стихи
В глуши патагонских ночей пастухи.

И спрятали в шахтах ее горняки,
Ее увезли в океан моряки.

Летела она на волнах, в городах,
Под небом Парижа и в чешских садах.

Встречали ее, как сестру, пролетая
На запад,— свободные песни Китая.

И в песни Москвы эта песня вплелась,
Так просто, как будто бы здесь родилась.

Так просто, как звезды Москвы через тьму
Народу чилийскому видны всему!

НАД ЦИМЛЯНСКИМ МОРЕМ

В июля полдневное пламя
Земля уплывала, пыля.
— Цимлянское море под нами,—
Сказал командир корабля.

Мы шли над веселой водою,
Над морем победного дня,
Над зыбью его молодой,
Широкие крылья креня.

Сквозь воду, с высот неизменных,
Как тени морских небылиц,
Я видел дороги и стены
Затопленных морем станиц.

В потоках подводного света
Зарницей блеснуло окно...
Не счесть, сколько песен там спето
И сколько работ свершено!

Но в новых станицах богаче
Высокие окна горят,
И песни поются иначе,
И волны морские шумят.

Лежат под водою станицы,
Блестит молодая волна,
И мне, пролетевшему, снится
Волны стиховой крутизна.

В станицах тех жили неплохо,
И все же на ту старину
Летящая наша эпоха
Глядит через дней глубину.

И хочется ей, чтобы смело
Шла новая жизнь берегов,
Чтоб в новом просторе шумело
Цимлянское море стихов.

БЕССМЕРТЬЕ

Как щедро мог животворящий гений
Своей заботой землю окружить,
Чтоб ей цвести, чтоб людям лучше жить
И видеть счастье новых поколений!

Как он учил бесстрашию людей
В таких боях, что в мире не бывало,
Как жизнь любил, как он любил детей,
Как о себе заботился он мало!

И, всем народам близкий человек,
Он был для них любимей всех на свете.
Мы именем его назвали век,
И этот век — светлейший на планете.

Когда вершины жизни он достиг,
Мы видели: над ним не властны годы
И Сталинское слово, как родник
Чудесной силы, поит все народы.

Когда ж салюта грянул грустный гул,
Подняв лицо, увидела Отчизна:
Само бессмертье стало в караул,
Как часовой эпохи коммунизма.

У К Р А И Н А

В далеком, но памятном детстве
Любил я читать по ночам.
Я помню, как с Пушкиным вместе
Шевченковский стих мне звучал.
В стихах ли, в рассказах старинных,
В веселье, в бою хороша
Вставала, жила Украина —
Как песня, как жизнь, как душа.

Увидел я Киев впервые
В весенней красе тополей,
Днепровские дали сквозные
Раскрылись синее морей.
Садов яркощеких наряды
Насытили радостью край,—
В ночах ленинградской осады
Мне снился тот киевский май.

Шла битва в степях и долинах,
Далеко гремел ее шаг,
Кипела в борьбе Украина,
Как песня, как жизнь, как душа.
И в сорок четвертом зимою
На Киев летел самолет,
Земля была белой прямою
Равниной с небесных высот.

Я видел поля Украины,
На белых ладонях снегов

Она поднимала руины
К молчанью седых облаков.
Сегодня все прошлого тени
Отстали, чтоб сгинуть вдали,
Стоят города и селенья,
И снова цветы расцвели.

И радостны звездные очи,
В просторах высоких скользя
Той вешней, украинской ночью,
Той, жить без которой нельзя.
И звезды земные в ответ им
О жизни такой говорят,
Где все переполнено светом
Встающих до неба громад.

Днепра золотая долина,
И Киев, огнями дыша...
Бессмертно живи, Украина,
Как песня, как жизнь, как душа!

СЛОВО НА ТАРАСОВОЙ ГОРЕ В КАНЕВЕ

Говорил певец великий
В своем «Заповите»:
«Схоронив меня, вставайте,
Цепи разорвите
И злодейской вражьей кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте, помяните
Добрым, тихим словом».
Вот все стало, как сказал он,
Цепи все разбили,
Кровью вражеской немалой
Волю окропили.
И в семье великой, новой,
С Эльбы до Китая,
То шевченковское слово
В мире пролетает.
А шевченковское имя
Славно повсеместно,
Так же, как между своими,
За Янцзы известно,
Над Курой и над Дунаем,
Во всех странах света,
В той Канаде, что, мы знаем,
В Киев шлет приветы.

Знаем мы, что смерти нету
Для слова живого,
Сердцем Родины согрето,
Светит это слово.
Принесли мы песне вечной
В этот день прекрасный
Самый светлый и сердечный
Наш поклон Тарасу.
Бился словом ты чудесным
С тьмою подъяремной,
Мы твоей великой песне
Кланяемся земно.
Украина и Россия —
Судьбы вместе наши.
То единство — наша сила,
Дружба — дружб всех краше!
У Тарасовой могилы,
Друг и недруг, слушай:
— Нет такой на свете силы
Дружбу ту порушить!

НА ВТОРОМ
ВСЕМИРНОМ
КОНГРЕССЕ МИРА

1950 - 1951

ВО ИМЯ ЛУЧШИХ РАДОСТЕЙ НА СВЕТЕ

Во имя лучших радостей на свете
Собрались мы со всех концов земли.
К нам на конгресс пришли с цветами дети,
Как вестники весенние пришли.

Там, за стеной, был город доброй славы —
Здесь голуби летели на стекле,—
И маленькая девочка Варшавы
Среди цветов стояла на столе.

Бывает так: вся сложность пролетает
Пред вами, как простейшая строка;
И я увидел: на плече Китая
Лежит ребенка легкая рука.

И смотрит он веселыми глазами
В огромный мир, как в этот светлый зал,
Как будто слышим нашими сердцами
Все то, о чем еще он не сказал.

Зовут его Анелей или Ядей —
Все имена ему принадлежат! —
И все миры в его чудесном взгляде,
И все дороги перед ним лежат.

И в прелести сияющей и тонкой
Не просто юной жизни торжество:
Все будущее в образе ребенка
Стоит и просит защитить его.

Г О В О Р И Т Г О М О - Ж О

Китайской речи звуки передать,
Не обеднив, лишь музыкой возможно;
В них может стать чуть слышно клокотать,
Мурлыкать тигр, звучать поток тревожный.

Все это было в речи Го Мо-жо,
И все дышало правдою большою,
И каждый был той речью освежен,
Как ливнем, пролетевшим над душою.

Открылось всем: вот радостный Китай,
Вот голос победившего Китая.
«О, хорошо! — вскричал индус. — А гай!
А гай!» — кричал он, руку мне сжимая.

Я посмотрел: светилось изнутри
Его лицо — совсем, совсем другое,
Как будто бы оно в лучах зари,
Как будто он над песенной рекою.

О, хорошо! А гай! Огни, огни...
Из мглы встает его индийский город,
Струится Ганг, и видит он: над ним
Восходит солнце в Индии просторы!

РУБАШКА

Сияли нам веселые подарки —
Платки и голубки,
По залу шел над зыбью флагов ярких
Свет голубой реки.

И день и ночь струился этот зыбкий
И теплый свет,
И в этом зале не было б ошибкой
Сказать, что ночи нет.

Встал человек, — ну, как сказать короче;
Пред нами встал таким,
Как будто он пришел из бездны ночи
И ночь вошла за ним.

«Мой друг — сторонник мира в Парагвае,
Его со мною нет,
Он шел сюда, дорогу пробивая...
Его убили! Вот его привет!»

И в зале все, кто как ни называйся,
Увидели, вскочив,
Кровавую рубашку парагвайца,
Висевшую, как в голубой ночи.

А друг держал кровавые лохмотья,
Стояли мы в молчании глухом
И видели, как обрастает плотью
Что на словах *борьбою* мы зовем!

Ф Л А Г

На столах простых и длинных
Флаги разные цветут,
Чтобы сразу было видно,
Что за люди сели тут.

Вот он — флаг советский, красный,—
Всем понятен этот флаг,
И вокруг как будто ясно,
Кто сидит,— а вот не так!

Посмотри: и в самом деле,
Сколько дружбы на земле;
Тут присел индус из Дели,
Старый докер из Кале.

Китайки сели тоже,
Где подруг советских ряд.
Помешать никто не может,
И, как сестры, говорят.

Говорили, как умели,
Речь сердечная проста,
Негры тоже с края сели
На свободные места.

К неграм бросился, взревевши,
Занеся незримый хлыст,
От досады пожелтевший
Вашингтонский журналист.

«Что, вам в этом зале тесно?
Здесь сидеть нельзя никак,
Вам, конечно, неизвестно,
Под какой вы сели флаг?»

Длинный негр вздохнул всей грудью,
Улыбнулся заодно:
«Этот флаг, скрывать не будем,
Он известен нам давно.

Нет подобного на свете,
Мы хотим сердца погреть,
Мы хотим под флагом этим
Хоть немного посидеть!»

**А МЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ,
РАССКАЗАННАЯ НА КОНГРЕССЕ**

Отец приносил газеты в дом
И радио слушал,
Кричало радио все об одном,
Газеты терзали душу.

И, не стесняясь, что дочь мала,
При ней говорил он:
«Нас ждут ужасные дела,
Ужасная могила.

Или с неба слетит атомный гром,
Взрыв без осечки,
Конечно, пылью исчезнет дом,
А мы сгорим, как свечки.

Или с неба любые бомбы слетят
На головы наши,
Это будет такое, что самый ад —
Игрушки одни, мамаша.

Или с неба сбросят на нас чуму,
Холеру, сверхлихорадки,—
И дома умрем мы по одному,—
Тоже несладко...»

Слушала дочка, хоть и мала,
Все понимала,
Она ни есть, ни спать не могла,
Всю ночь вздыхала.

И мать она разбудила, когда
Ночь уже шла к рассвету:
«Уедем, мама, с тобой туда,
Где неба нету!»

ПАК ДЕН АЙ

Как описать неслыханно простое
И где сказать рассказу; начинай!
Сорвался зал со всех своих устоев,
Когда сошла с трибуны Пак Ден Ай.

Вскочили люди на столы и стулья,
А женщины восточных стран толпой
Бежали к ней в таком всеобщем гуле,
Как будто в зал обрушился прибой.

И первая из женщин, перед нею
Упав ничком, поцеловала пол,
Как землю той истерзанной Кореи,
Чей образ здесь по всем сердцам прошел.

И женщины плащи свои снимали,
На Пак Ден Ай накидывали их,
Как будто дар особый получали
Плащи, коснувшись Пак Ден Ай на миг.

И целовали в губы, в шею, в щеки,
Края ее одежды, рукава.
В глазах темнел такой восторг глубокий,
Что от него кружилась голова.

И под руки ее вели. Гвоздики
Ей дали в руки. Алые цветы
Таким густым огнем горели диким,
Как кровь на платье снежной чистоты.

Кругом кричали, плакали и пели;
Одной семьей, как будто все свои,
Ее несли, купая, как в купели,
В неистовстве невиданной любви,

Свой новый день Восток сегодня славил,
К ней Запад руки гордые простер,
Ее внесли в президиум, поставив,
Как светлый, вдаль сияющий, костер.

Спокойная, недвижимая, вся в белом,
Она стояла, замкнутая в круг,
И, вздрогнув всем легчайшим, гибким телом,
Народам в пояс поклонилась вдруг.

Казалось, что конца не будет гулу,
Что навсегда он с этим залом слит,
Глаза людей Корея повернула,
Чтоб видели, откуда враг грозит.

Грозит всему, что жизнью называем...
В огне, в крови далекий милый край,
Как статуя стояла здесь живая
Корея, воплотившись в Пак Ден Ай!

И в волны криков, песен, восклицаний
Она сошла спокойно и светло,
И медленно вошедшее молчанье,
Как облаком, ей плечи облегло.

И все вернулись, как из сновиденья,
Где их кружил живительный поток,
Таким опустошенные волненьем,
Что был, как тяжесть, воздуха глоток!

ДЕЛЕГАТ

Широкогубый, темнолицый,
Сидит он, трубочку сосет.
Он на конгрессе, он в столице,
Он по-варшавски кофе пьет.

Он видел маленькое чудо,
Когда огромный голый цех
Был превращен из темной груды
В дворец, сверкающий для всех.

Он чудо видел и побольше,
Почти похожее на сон,—
Когда пришли в столицу Польши
Борцы за мир — и с ними он.

Подумать только — даль какая.
«А я вот эту даль люблю!» —
И, дым из трубочки пуская,
Он вспомнил родину свою.

Там на границе необъятных
Лесов желтеют шалаши,
Да, труден будет путь обратный
К истокам девственной души,

Где сёл соломенные ульи,
Жандарма белого мундир,
Где по туземцам свищут пули...
Какая там борьба за мир?

Он сахар помешал в стакане;
И все же толпы земляков
Несут Стокгольмское воззвание
Внутри бамбуковых стволов.

Они неграмотны — ну что же,
В чем дело — толком расскажи,
В футлярах крокодилей кожи
У них на поясе ножи.

И он уж видел не однажды,
Бамбуки сложены у стен,
На них свой знак зарублен каждым,
Чернильных росписей взамен.

И счет зарубок на бамбуках —
Он все растет от новых встреч,
Не думал дед, качая внука,
Что внук в Варшаве скажет речь.

На Нигер Висла не похожа,
Волной свинцовой в берег бьет,
Но он о ней расскажет тоже,
Когда до Нигера дойдет.

Варшава будет жить в нем годы,
Свою имеет он мечту:
Чтоб в гости все пришли народы
В его далекий Тимбукту!

ВАРШАВА

Зимой, после войны впервые,
В пятидесятом,—
Варшава, ночь, огни скупые;
Снег полосатый.

Сначала шел, поймите сами,
Меня простите —
Я шел с закрытыми глазами,
Боясь раскрыть их.

Боясь увидеть под луною
Лишь тень Варшавы,
Узоры, бывшие стеною,
Да щебень ржавый.

Решил в глаза взглянуть я смело
Руин шершавых —
Кругом росла, трудилась, пела —
Жила Варшава!

Сегодня можем мы смеяться,
Кого обидим?
Сегодня можем удивляться
Тому, что видим!

Где всем народом создан город,
Во имя жизни,
А рядом черные, как порох,
Руины виснут,

Где груды мертвого железа,
След капонира,—
Вот тут и место быть конгрессу
Во имя мира!

ДВА
ПОТОКА
СТИХИ О ПАКИСТАНЕ
И АФГАНИСТАНЕ

1951

*

Алле Александровне Кубицкой, которая первой из советских женщин рассказывала женщинам Восточного Пакистана о Советском Союзе.

МЫ ЛЕТИМ ЧЕРЕЗ ГИНДУКУШ

С поворота внезапно крутого
Дальних гор я увидел кайму,
Словно в песне кипящее слово,
Ширь кипящей на солнце Аму.

А навстречу плывя, желтолица,
Нарастала барханов гряда,
Этот миг — переходим границу —
Отзывается в сердце всегда.

Оглянувшись с небесного склона,
На родной я увидел земле
Грузовик, что бежал вдоль зеленых,
Наклоненных к Термезу полей.

И пустыня пошла нас морочить,
И чужая пошла сторона,
Вся в ковровых изгибах и клочьях,
В ржавых пятнах, мутна, сожжена.

Облака окружают полками,
Если солнечный луч их прожег, —
Видим: где-то, глубоко под нами,
Дно расщелины — дышит лужок.

Уже высью последнею душит
Гиндукуш, точно сотнями рук,
Ледяные ножи Гиндукуша
Засверкали над нами вокруг.

Мы пройдем, дорогой, мы не трусы,
Сквозь твои ледяные ножи,
Гиндукуш! — значит «смерть индусам»,
Гиндукуш! —

Мы приветствуем жизни!

Ту, которая так многотрудна,
Для которой себя не жалеи,
Ту, что светит огнем изумрудным
С тех термезских колхозных полей.

Ту, что взята упорством и боем,
Что грозой обжигает виски,
Ту, что входит с Келифским Узбоем
Золотою водою в пески.

Ту, что правдой великой волнует
Океан человеческих душ,
Вот такую, до дна дорогую,
Мы приветствуем жизнь, Гиндукуш!

Трудно жить среди каменных станов,
Среди этих ущелий нагих,
Мы приветствуем крепких патанов,
Что затеряны в дебрях твоих.

Дружбу мерим широкою мерой,
Чистой мерой советских людей,
Мы приветствуем тех — за Хайбером,
Тех — за Индом, — наших друзей.

Гулу наших моторов, как эхо,
Вторит вся твоя снежная глушь,
В нашей дружбе ты нам не помеха,
Ты — союзник и друг, Гиндукуш!

В ХАЙБЕРСКОМ ПРОХОДЕ ¹

Вот он, Хайберский проход,
В небо стеной громоздится,
Вниз посмотри — бойницы, дот,
Вверх — торчит крепостица.

Кружит дороги накат,
Петлями режет высоты,
Снова стоят, снова стоят
Надолбы, башни, доты.

Форт на пригорке залег
В волчьем обличье сером,
Чтобы никто не мог
Этим пройти Хайбером.

Что ж не пылит огнем?
Где тревоги ракета?
Мы Хайбером идем,
Люди Страны Советов.

Мы веселы и горды,
Что нам ручей этот мерить?
— Мало нам этой воды!
Скучно нам в этом Хайбере!

---

¹ Хайберский проход — узкая теснина в горах, самый важный путь в Индию с севера, из Афганистана.

Деревца тут не найдешь,
Проволок жестче травы,
Только вот день и хорош,
Льющийся синею лавой.

Птица — и та не поет,
Доски висят на скалах,
Это британских полков учет,
Сколько их здесь пропало!

И утрашить не могли
И удержать не сумели
Этой суровой земли,
Непокоренной доселе.

Киплинг, поправку пиши
В строки, в которые верил:
Томми свой путь завершил,
Плохо ему на Хайбере!

Было лишь ложью оно,
«Братство» туземцев и белых,
Здесь оно тоже погребено,
В этих камнях замшелых.

Вот почему не страшны
Эти молчащие доты
И никому не нужны
Надолбы старой работы.

Темная здесь тишина,
Скалы еще безответней,
С каждого камня война
Тенью встает столетней.

С гор, где тропа на весу,
Женщины, босы и строги,
Хворост, согнувшись, несут
По запрещенной дороге.

Каменный, жалкий приют,
Всеми ветрами изгрызан,
Здесь лишь одно берегут:
Ненависть к белым инглизам.

Старый одернув кафтан,
Мимо — в худом молчанье —
Смотрит угрюмый патан,
Думая: мы англичане!

Точно из камня гордец,
Даже глаза без движенья,
Хоть тишина наконец,
Вновь он готов для сраженья,

Нищий, и гол его дом,
Дикой свободой согретый.
Так мы Хайбером идем,
Люди Страны Советов!

ФОРТ ДЖАМРУД¹

Стоишь ты в глиняной резьбе,
Седой Джамруд,
Но все сказанья о тебе
Умрут, умрут!

Здесь помнит каждый старожил,
По всем горам,
Что не народу ты служил —
Его врагам.

Не раз тебе сверкал, слепя,
Клинок изгиб,
И пелись песни про тебя,
Чтоб ты погиб.

Ты жил, неся позорный труд,
Без перемен,
Но так предатели живут
В крови измен.

Ты на борьбу родных племен
Смотрел, смеясь,
Но мелют мельницы времен,
Не торопясь.

---

¹ Форт Джамруд — древнее укрепление, построенное еще сейками; находится у самого входа в Хайберскую теснину. Англичане укрепляли его против пограничных горных племен.

Собранье глины и камней
Твое, Джамруд,
Те мельницы веселых дней
Всё в пыль сотрут.

Нет, не захочет гор народ
Твой помнить прах
В тот день, когда заря взойдет
На всех горах.

Умрешь ты в глиняной резьбе,
Джамруд, Джамруд,
И все преданья о тебе
Умрут, умрут!

И Н Д

Я рад, что видел у Аттока
Могучий Инд в расцвете сил
И весь размах его потока,
Который землю веселил.

И я, смотря, как дышит долгий,
Пришедший с гор высокий вал,
От имени могучей Волги
Ему здоровья пожелал.

ХОЛМЫ ЗА РАВАЛЬПИНДИ

Равнинный жар
    Успел нам щеки выжечь,
В Москве снежком
    Уж любовались мы
Пять дней назад,
    А вот сегодня вижу
За Равальпинди красные холмы.

И красноты
    Такой необъяснимой,
Причудливостей
    Полные таких!..
А вот мы их проедем
    молча мимо
И где-то после
    Мельком вспомним их.
Чудес природы
    Этим не обидим,
Я лучше расскажу
    Про перевал.
Про перевал, который
    Я не видел,
Но о котором
    Горец рассказал.

Тот перевал — он
    В Гиндукуше где-то,—

Тур¹ из камней
Отметил высоту,
И каждый путник
В тишине рассвета
Добавить должен
Камень в этот тур,
Как в благодарность,
Что достиг он цели...

...Шел караван
Сквозь вьюги пенный вал,
Снег до колен,
Все горы побелели,
Таким никто
Не помнил перевал.

И говорили горцы:
— Поглядите,
Случилось что-то,
Знак большой беды!
Керван-баши
Халатом пальцы вытер,
Края огладив красной бороды.

И, бросив есть,
Все горцы замолчали.
И он сказал: — Лег снег
Поверх камней!
Вы правы, люди,—
Это знак печали,
И снег пришел
Нам рассказать о ней.

Издавека мы весть
Одну имели,
Через Вахан, Рошан,
Через Памир

---

¹ Тур — пирамида из камней; складывается на вершинах гор или на трудных перевалах.

Она пришла и к нам
На дно ущелий!
Великий вождь
Оставил этот мир!

На севере,
В Мескеви умер Ленин,
Чрез горы мрака
Он людей привел
На перевал, для многих поколений
Путь указал,
Чтоб мир за ним пошел.

Так мудрость мира
Он для всех умножил,
И, с перевала
Нынче уходя,
Пусть каждый здесь
Своей рукой положит
Отдельный камень
Памяти вождя!

...Года идут.
В скалистой, темной раме
Кипят снега
И в зимнем стынут сне,
И каждый путник
Добавляет камень
На перевале
В дикой стороне.

И я хочу,
Но сбудется едва ли,
А может быть, и сбудется,
Как знать,
Чтобы судьба на этом перевале
Хоть раз дала
Мне тоже постоять.

Вот весь рассказ,
Услышанный на Инде,
Изложенный простым
Стихом моим,
О красных же холмах
За Равальпинди
В другой уж раз
Еще поговорим.

З Е Б У¹

Эти бархатные зебу
Хороши до загляденья,
Их глаза подобны небу
Перед солнца восхождением.

Их рога — подковы счастья,
Их тела легки и строги,
Словно самый лучший мастер
Обточил им эти ноги.

Любовался б ими вечно,
Их упругою спиною,
Их широким шагом в поле;
С ними можно хоть на свадьбу
Прокатиться по заре.

Хороши они, конечно,
Только лучше были б вдвое,
Если б жили не в неволе,
Не в помещицкой усадьбе —
В нашем маленьком дворе!

---

¹ Зебу — разновидность быков; порода, широко распространенная в Пакистане.

БОГАЧ

Как золотое пламя,
Возы зерно везли,
Отборный рис холмами
Сиял, как хрустали.

Рубины — жар мангалов ¹,
А дым их бирюзов,
Вся роскошь небывалых
Цвела там соусов.

Глазам от красок душно,
От всех чудес земли,
Сады в плодах жемчужных,
Как реки, вдаль текли.

Сливалась сытость неба
С обилием земным,
И если рай и не был,
То здесь был ощутим.

А в рощице напротив,
Блестя худым плечом,
Сидит старик в лохмотьях
Под ивой, над ручьем.

В тени ли дремлет пестрой,
В ручье ль считает рыб...
— Нет, нет, он умер просто
С голоду, сагиб! ²

---

¹ М а н г а л — печка под открытым небом.

² С а г и б — господин.

БЫЧОК

(У большой дороги)

В поле серенький бычок
Повалился на бочок.
То ли он укушен гадом,
То ли съел не то, что надо.

Он лежит, как бы усталый,
Два венка из мелких роз,
Те, что он на шее нес,—
Два венка лежат с ним вялых.

И под жаркою луной
Бирюзинки амулетов
Голубым играют светом
С желтой бляшкой костяной.

Не игра теней в тумане,
То стоят над ним крестьяне,
Муж с женой стоят, как тени,
Опустившись на колени.

Наклонился старичок,
Розы мертвые потрогал,
Кончик маленького рога,
Бляшку с бусинкой продетой,
Холод мертвых амулетов —
И заплакал в кулачок...

Умер серенький бычок.

ДРУЗЬЯ

Сказочность земли, что может
Лишь присниться,
Звездный хвост павлиний
Полночью над ней,
Все было б чужим лишь,
Все могло забыться,
Если б мы не видели
Дружеские лица,
Если б мы не слышали
Голоса друзей.

Не в ковровом зале,
Что для нас украшен,
Где алмазы, ткани,
Кость и серебро,
Мы сидим на стульях,
Чай в обычных чашках,
Не в садах Могола,
А в кафе «Метро».

И не джинн из сказки
На беседу вызван
Болтовней о прошлом
Скоротать обед,
Нет, мы говорим друзьям
О коммунизме,
От Страны Советов привезя привет.

Манговых величий, пальм
И деодаров
Мы вокруг не видим...
Что о них сказать?
Но цветут, сияя,
Молодых и старых,
Слушающих жадно,
Яркие глаза.

Лишь немного странно,
Что тебе на шею
Три венка надеты
Красных, желтых роз,
Что стихи поются,
Что глаза темнеют,
Ставши от восторга
Влажными до слез.

В городе Лахоре
Мир и дружбу славим,
Пусть стихи поются,
Пусть стихов не счесть...
Говорит хозяин:
— Мы вам всех представим,
Чтобы всех вы знали...
Здесь Карачи?
— Здесь!

Делегаты встали,
Поклонясь в молчанье.
Кто их раз увидел,
Больше не забыл.
Как бы ни храбрились
Нынче англичане,
Есть в Карачи люди,
Люди — не рабы!

— Здесь Лахор?—
Лахорцы поднялись стеною,
Мастера, поэты,
Пакистана честь,

Чувств их половодье,
    Как поток весною.
— Здесь ли пешаверцы?
    — Пешаверцы здесь!

Горцы встали гордо,
    Черные жилетки,
Белые тюрбаны,
    Чапли на ногах.
Это встали горы,
    Где стреляют метко,
Где, как пули, песни
    В сердце бьют врага!

За Хайдерабадом
    Поднялася Кветта,
За Мультаном — Дакка,
    Джунгли и холмы,
Села и деревни...
    Как в часы рассвета,
На зари рожденье
    Засмотрелись мы.

Край, что так обилен,
    Край, что так унижен,
Край, что весь в грядущем,
    Сердце освежил.
От берлог крестьянских
    До рабочих хижин
Поднялся пред нами,
    В этих людях жил.

— Сколько ни ходи, товарищ,
    Вокруг света,
В самой дальней дали
    Будешь слышать вдруг:
«Есть Москва на свете,
    Передай привет ей!»
— Есть Москва! —
    Сказал нам
        Неизвестный друг.

Уж горел над нами
Звездный хвост павлиний,
Манговая роща
Сонная шуршит...
А сейчас в России
На деревьях иней...
Это не для справки,
Это для души.

Встали пакистанцы,
В черном все и в белом,
Криками раскачивая сад..
«Совет — Пакистан тарраки!»
Гремело:
«Пассандка дости
Зиндабад!»¹

---

¹ «Да здравствует дружба советского и пакистанского народов!»

КОРОБКА СИГАРЕТ

В гнезде орлином над рекой,
В таких горах далеких,
Где только желтых скал покой,
Есть дом неодинокий.

Вещей богатых в доме нет,
Но на почетном месте
Лежит коробка сигарет,
Как знак высокой чести.

Она лежит уж много дней,
Как лучшая из сказок,
Картинка старая на ней
Не потеряла красок.

А путь она большой прошла,
Пока дошла до дома,
В лесах была, в лугах была,
Все тропы ей знакомы.

С ней были бережны всегда,
Хоть горцев руки грубы,
Ее касались иногда
Их каменные губы.

И, чтобы к вечеру поспеть,
Бывало, на рассвете
Из дальних сел ее смотреть
Шли женщины и дети.

Она лежала на коврах,
Под яблоней и тутом,
В цветах лугов, в больших горах.
Где снег и очень круто.

Когда открылась ей страна
Сурового привета,
Была в коробке лишь одна,
Одна лишь сигарета.

И сели лучшие в кружок
И в очередь курили,
И голубой летел дымок
В ущелье, как на крыльях.

И до сих пор приходят в дом —
Он вовсе не угрюмый,—
Хозяин потчует вином,
Лепешкой из изюма.

И повторяет свой рассказ
От слова и до слова.
Иной, хоть слышал уж не раз,
Готов послушать снова.

— Люблю стихи я, как дитя,
Сам много знаю разных,
Мой друг, певец, сказал шутя:
Пойдем в Лахор на праздник!

Я буду петь, ты говори...
В Лахоре были вскоре,
Коробку эту подарил
Мне человек в Лахоре.

Здесь нарисована Москва,
А это Кремль зовется,
А это в садике трава,
А это речка льется.

А как мы речку перейдем,
Тут, видишь, мост поставлен,
Так в этом доме, видишь дом,
Вот тут живет сам Сталин!

— Смотрю не раз,— сказал сосед,
Беря коробку робко,—
Ни у кого подобной нет,
Чудесная коробка!

ДРУГУ

Это смесь из огней и рокочущей лавы
Расплескавшихся улиц, цыновок и крыш,
Это небо, где только планетам и плавать
Черной ночью, когда ты невольно не спишь,

Звон и гомон базаров в вечернюю пору,
Непонятной листвы говорящая мгла...
Ты должна хоть раз в жизни пройти по Лахору!..
Ты сказала: — Пройду! — и прошла.

СВЯТОЙ ЧЕЛОВЕК

Спускались ли завтракать
Мы поутру,
Домой ли шли полночью даже,
И ночью и днем,
И в дождь и в жару
Сидел он под лестницей нашей.

В изодранных тряпках,
Пятнистых, как тиф,
Весь в шрамах, вовеки не мывшись,
И четки вертел он,
Глаза закатив,
Совсем от земли
Отрешившись.

Какие виденья
Витали пред ним
И жили в таком человеке?
Он с пеной у губ,
Как святой пилигрим,
Сидел, как в преддверии Мекки.

И что-то, склонясь,
Бормотал он порой.
В расчесах лиловые ноги,
Когда мы к себе
Возвращались домой,
Плюясь, убирал он с дороги.

И мы говорили со злой простотой,
Не думая молвить худого:
— Ведь вот же сидит
У отеля святой,
Сидит — и не купишь такого!

Раз вместе спускались
Мы с другом одним —
Все тонкости знал он ислама,—
Сидел наш святой,
Как всегда, недвижим,
Глаза закативши упрямо.

И к небу был взор,
Как всегда, вознесен,
Молитвенно сложены лапы.
— Кто это? — спросили мы друга,
И он
Ответил: — Кто это? Гестапо!

С О Н

Ночной Лахор в покое.
И в мой, наверно, сон
Ворвется пестрый, броский
Его водоворот...

Ведь надо же такое?
Приснился мне балкон,
На нем растет березка,
В Москве она растет.

ПЕСНИ

Лунный свет на разбитом кувшине блеснул.
Ткач цыновок цыновки свернул и уснул,
Спит носильщик, прижавшись щекою к стене,
Он таскает тюки на спине и во сне.

Весь бездомный народ где попало прилег,
У Делийских ворот темен каждый порог,
Караванщики спят у Кабульских ворот,
И молчанье в квартале рабочем плывет.

Я Искандероо тебя назову,
Ты не выдумка ночи, ты вся наяву.
Но не слышал я песен твоей стороны,
Спой мне песню, мне песни сегодня нужны.

Как поешь ты — тревогою голос дрожит.
Будто ветер по травам колючим бежит.
Как поешь ты — как будто скрестились ножи!
Искандероо, что ты спела, скажи!

— Пограничную песню я пела сейчас:
Это острый и узкий
Полуночный час,
Когда путник один
И тропа лишь одна,
Но он должен пройти,
Если воля сильна.

То, что в сердце несет,
Только может помочь
В этих черных местах
В эту черную ночь.
Если в сердце своем
Не несет ничего,
Пусть тропа оборвется —
Не жалко его!

Искандероо!

Бусы песни такой разорви!
Слушать песни хочу я другие твои.
Я услышать хочу, чтобы ночь оживить,
Как в веселом Лахоре поют о любви!
Как поешь ты — весельем меня окружив,
Будто руку на сердце мое положив,
Как поешь ты — и ночь на ресницах лежит,
Искандероо, что ты спела, скажи!

— Я любовную песню пропела сейчас:
Не забудешь ты губ,
Не уйдешь ты от глаз,
Что заполнили всё
И, всю радость вобрав,
Отдавали тебе
Всё, что знали, сказав
Так блаженно легко,
Как дыхание трав.
Но в Лахоре ты можешь
И всё потерять.
Будет имя Лахора
Как горе звучать,
В сердце памяти ты
Мой Лахор не вини,
Из осколков собрав
Те счастливые дни...

Искандероо!

Я слушать тебя могу до утра,
Ты стоишь, как костер, я, как тень у костра,
Потому что мне в путь собираться пора —
Спой мне вновь пограничную песню, сестра!

В РАБОЧЕМ КВАРТАЛЕ В ЛАХОРЕ

Я вошел по праву друга,
Наяву, а не во сне,
В полутемную лачугу
В южной, дальней стороне.

Стены глиняные голы,
Пол бугристый, земляной,
Неба синего осколок
Сдавлен пыльной тишиной.

А в углу солома сжалась,
Паутины висла нить,
В этом логове, казалось,
Человек не может жить.

Разве лишь последний нищий,
Что от голода ослеп,—
Нет, рабочего жилищем
Назывался этот склеп.

И тогда казалось снова,
Что от каторжных работ
Избавленья никакого
Человек уже не ждет.

Что, отчаяньем изглодан,
Вечным голодом сражен,
В кабалу навеки продан,
Навсегда смирился он.

Но рабочий, багровея,
Мне воскликнул гневно тут:
— Не один в такой норе я —
Миллионы так живут!

Но великая надежда
Есть на свете... Вот она!—
Будто сразу ветер свежий
Взмыл из тонкого окна.

И увидел на стене я,
Где дробился солнца свет,
Света ясного яснее
Сердцу радостный портрет.

И совсем другой рабочий,
Предо мной стоит; смотрю,
Точно он шагнул из ночи
Прямо в яркую зарю,

Что над глиняной породой
Засияла, наконец:
— Это радость всех народов,
Это Сталин — наш отец!

Это солнце, что прогонит
Ночи тьму со всей земли! —
Так сказал мне пакистанец,
Стоя в глиняной пыли,

Так сказал с огнем во взоре
Полуголый человек
В старом городе Лахоре
Правду новую вовек!

ЛИРИЧЕСКОЕ

На приеме раз в Лахоре
И в семье передовой
Господин один, историк,
Познакомился со мной.

Все сначала было ясно:
Как тут принято в домах,
Тут ходили дамы в красных,
В белых шелковых штанах.

И спросил меня он прямо —
Мы знакомы были с час:
— Как вам нравится та дама,
Что глядит сейчас на нас?

Я взглянул, сжал папироску
И спросил его тогда:
— В синей шапочке в полоску
И в зеленой шубке, да?

Господин в сюртучной паре
Стал немножечко бледней:
— Как в зеленой шубке? Сари,
Сари красное на ней...

— Я боюсь, что вас обижу,—
Снова я сказал в ответ,—
Я в зеленой шубке вижу,
А вот в сари красном — нет!

И, вздохнув, сказал мне в белых
Панталонах господин:
— Колдунов, и очень смелых,
В Пакистане не один.

Это ж я, не будем спорить,
Колдовством не назову —
Просто вы у нас в Лахоре
Вдруг увидели Москву!

ЧИЛИ
(Коршуны)

Я б не писал об этом ни строчки,
Но нету печальней были,
Все небо Карачи в черных точках —
Это коршуны-чили.

Есть, кроме них, вороны и вороны,
Сороки, дрозды, синицы,
Сотни пород желтой, зеленой,
Синей и красной птицы.

Носится чиль весь день на крыльях,
Не знаю, где он ночует,
Но там, где падаль, ищите чилия,
Ее он и ночью чует.

Сегодня чилю крылом и хлопать —
И чили столбом толпятся.
В порту Карачи грузили хлопок,
И стоит тюку сорваться...

Работал там пакистанец голый,
От голода просто плоский,
Ударил тюк его, словно молот,
К земле пригвоздив, как доску.

Англичанин сказал, не моргнувши глазом,
Бровью даже не двинув:
— Тюк проверьте и за пакгауз
Бросьте эту скотину!

— Кто на замену? — Сразу двое
Рванулись, таких же тощих...
Под солнцем, шипящим над головою,
В колонии все это проще.

Вновь работа пошла на причале,
Порядок под стать застенку,
А ночью труп сторожа раскачали —
И в степь его через стенку.

И кто он? И что он? Ведь был человек же,
В порту в столичном рабочий,
Вокруг него чили, толпой присевши,
С шакалами дрались ночью.

И все-таки есть оправдание чилиям,
И черный пир их не даром —
Природы законы им поручили
Работать как санитарам.

Но нет оправданья стервятникам белым,
Душа их чернее чилей, —
Чилиям английским, что так умело
Кровь из страны точили.

Им, сидящим на золота слитках,
Под вентиляции скрежет,
Им, что грабят страну до нитки,
Голодом бьют и режут.

Вы не спасетесь ни звоном денег,
Ни пулей, ни лжи словами,
Со всех пустырей поднимутся тени
Всех замученных вами.

Вы на последний показ всему миру
Крылья свои раскиньте,
Когти сломают вам, перья повырвут,
Голову тоже отвинтят.

Так же швырнут вас, как вы, бывало,
Швыряли тела рабочих,
В той же пустыне будут шакалы
С чилиями драться ночью.

Что же, придется чилей породе
Быть санитарями мира —
Пададь убрать, что пока еще ходит
И в сюртуках и в мундирах!

ДВА БЛЮДЦА ИЗ ДАККИ¹

(Пакистанская песенка)

Ты привезла из Дакки
Подарок просто чудный,
Его поймет не всякий,
Хотя понять не трудно.

Они мне очень нравятся,
Два глиняные блюда,
Не то они печалятся,
Не то они смеются.

Висеть им будто весело,
И не на стенку в угол,
А рядом их повесили,
Чтоб видели друг друга.

Но почему ж печалятся?
Душа ль у них двоится?
Когда у нас смеркается,
Родной ли вечер снится?

Востоchnопакистанская
Земля, где их родили,
Гончарня та крестьянская,
Базар, где их купили?

---

¹ Д а к к а — центр Восточного Пакистана, отделенного от Западного Пакистана расстоянием в 1500 километров.

Вечерний зной волною?
Но почему смеются?
А что как надо мною
Смеются эти блюда?

Что вечер тот, не радуя,
Мне тоже снится в Дакке,
Где солнце сердцем падает,
Чтоб утонуть во мраке.

НА МИТИНГЕ В ДЕРЕВНЕ

Он говорил на митинге в деревне:
— Я из Бунира. Я из батраков.
У наших предков, и не очень древних,
Раз нет земли, обычай был таков,

Обычай был бедняцкой вызван долей:
В долине Свата горцы-земляки
Запахивали кладбище под поле,
Чтоб рос ячмень, а не камней куски.

И, плуг ведя, кричал крестьянин строгий,
Предупреждая мертвецов народ:
— Эй, берегитесь, поджимайте ноги,
Подходит плуг, спасайтесь — плуг идет!

А что сегодня — день последний мира?
Есть нечего — одна беда вокруг.
Раз нет земли, я, горец из Бунира,
Скажу: земляк, точи свой верный плуг.

Кричи им всем, кто в темноте могильной
Народ сегодня хочет удержать:
— Спасайтесь, вы! Подходит плуг всеильный
Вас, мертвецов, и тьму перепахать!

П Т И Ц Ы

Нет, я не мрачный человек,
Я улыбаюсь даже птицам,
Я рад, что их народ гнездится,
Непуган уж который век.

Здесь счастье — птицею родиться:
Их любят все, их кормят все,
Им ставят в блюдечках водицу,
Их умиляются красе.

У них есть всё — в селе, в столице,
Чтоб жить, от радости крича, —
Все то, что человеку снится,
Да, только снится по ночам.

ТОНГА¹

Смотри, какой веселый конь
Запряжен в тонгу — легкий станом;
Скорее сахар на ладонь,
Пускай тряхнет своим султаном,

Пускай копытом стукнет он,
Чтоб ленты в гриве задышали,
Всех бубенцов раздался звон,
Пестрей кашмирской пестрой шали.

Потом на тонгу, в добрый путь,
Где всё не так, где неизвестней.
И мы помчим куда-нибудь,
Куда-нибудь — в рассказ иль в песню.

Чтоб этой дружеской земли
Поэт сказал с улыбкой брата:
«Они веселье принесли,
Страны счастливой делегаты!»

---

¹ Тонга — экипаж с высокими колесами; обычно и экипаж и лошади украшены цветами и лентами.

ВСТРЕЧА В ЧИТТАГОНГЕ

Эти женщины, все в голубых и зеленых,
В желтых сари, усевшись рядами вокруг,
Не сводили с тебя своих глаз восхищенных,
Брали за руки, словно сестру.

Говорили смуглянки тебе молодые:
— Правда, все у вас так же красивы, как вы?
Мы советскую женщину видим впервые.
Читтагонг! — это так далеко от Москвы!

Мы хотели б, чтоб вы приезжали к нам чаще...
Сделать так, чтоб гостили вы долгие дни
Как подруга, сестра у сестер настоящих,
Мы не можем, — печально сказали они.

— Но мы жаждем услышать о женщинах ваших,
О стране, обо всем просим вас рассказать...—
В твой рассказ, что одной только правдой украшен,
Засмотрелись смолистого блеска глаза.

И казалось тебе: говоришь ты долинам,
Где белеют жасмина цветы в волосах,
Где от горя потрескался ржавый суглинок
И, как слезы, в лугах накипает роса.

Солнце джунглей становится желтым и тусклым
Перед гордым сознанием, что здесь, в тишине,
Что тебе довелось — первой женщине русской —
В эту глушь говорить о Советской стране.

Говорить о великих работах, о счастье
Быть собой, о любви, исполненьях мечты...
А сидела ты в синем, обычнейшем, платье,
Где по синему полю белели цветы.

Эти женщины, все в голубых и зеленых,
В желтых сари, как дети, сияли они:
Ты казалась им сказкой, в такое влюбленной,
Что одним сновиденьям сродни.

Ты казалась такой им, что нету красивей,
Им казалось, что в мире нет платья синей,
И что синь эта — синее небо России,
А белые цветы — цветы ее полей!

У Т Р О

Паровоз пролетает, одетый
В белый, точно светящийся пар.
Жеребцов полудиких из Кветты,
Как обычно, ведут на базар.

И, вспотевшие лица нахмурив,
Трое взрослых, мальчишкам под стать,
Состязаются, как при Бабуре,
Змей воздушный повыше загнать.

Полуголые в поле крестьяне;
Где чинар на холме вознесен —
Там сидит молодой пакистанец,
И над книгой задумался он.

Расстоянья — ему не преграда,
Расступились, как волны; по дну
Всех морей он идет к Сталинграду,
Коммунизма он видит страну.

Расступились времен Гималаи,
И слова этой книги, как гром,
А воздушные змеи пылают
Над крестьян полуголых горбом.

И о чем-то печальном и старом
Закричал паровоз над водой,
С книгой Сталина там под чинаром
Пакистанец сидит молодой.

Д Ж А Л А Л А Б А Д

Лимонные, миндальные,
Деревья апельсиновые,
И ночи, как хрустальные,
И дни такие синие.

Невянущими красками
Сверкают просто адскими,
Как те ковры ширазские,
Сады джалалабадские.

Здесь наслаждаться можете
Шелками богдыханскими,
По цвету точно схожими
С горами нуристанскими.

Аллеями проследовать
В пальмы разодетыми —
Здесь только и беседовать
С восточными поэтами!

КОЧЕВНИКИ-ПАТАНЫ¹

Уздечек звон и стук копыт,
Вьюки, верблюды, гурт овечий,
А зной силён, в глазах рябит.
Что за народ идет навстречу?

Ишачий хрип, верблюжий храп,
Чарыков скрип, как писк мышиный,
Остановились — вьюк ослаб,
Там, у ручья, звенят кувшины.

В шатрах там стряпают обед,
Дорога, тропы — всё в их власти,
Чего-чего тут только нет!
Все краски, вымыслы, все страсти.

И одиночками бредут
И просто толпами по тропам —
То с гор кочевники идут,
Как будто смытые потопом.

Как будто бедная страна,
Собрав все кошмы, все кастрюли,
Все песни, пляски — всё сполна,
Идет куда-то в смутном гуле.

---

¹ Патаны населяют северо-западную пограничную провинцию Пакистана, кочуя, доходят даже до Северного Афганистана, на зиму возвращаются к себе на юг.

Поев, поспав перед огнем,
Встают и вьючат все по знаку,
Так день за днем, так день за днем
Идут на юг — за Лое-Даку.

А их по-разному зовут,
И в этом шуме, в этой тряске
Чего-чего не видишь тут!
Как будто бродишь ты по сказке.

Дорога ярмарки пестрей:
Вот семилетняя красотка
Ведет огромных двух зверей
За шею, шествующих кротко.

Глаза с лиловой синевой,
Идут верблюды шагом ловким,
Тряся мохнатой головой
Над этой крошечной головкой.

С перегружённых ишаков,
Выглядывая, как из клетки,
Среди тазов, ковров, мешков
Смеются маленькие дети.

Старуха едет на быке,
Грозней быка, а у дороги,
Ладонь под щеку, в холодке
Спят старики, поджавши ноги.

Меж кур, привязанных к доске,
Петух на ишаке гарцует,
И пес на том же ишаке
Храпит и в ус себе не дует.

Усталый спит, через седло
Худое перекинув тело,
Прошла верблюдица и зло
На пса-лентяя поглядела.

С того же спрыгнув ишака,
В жилетке рыжая мартышка,
Цепочку свесив с кушака,
Жует лепешку, как коврижку.

Блюда, и шкуры, и ковры
Висят, как в лавке, на верблюдах,
Так целый день течет с горы
Пред нами кочевое чудо.

И, не смущаясь, не таясь,
Как на гулянье, шагом властным
Проходят женщины, смеясь,
В плащах, в шальварах яркочерных.

Полна дорога новостей,
Полна врагов, полна влюбленных,
Ряды браслетов до локтей
Звенят лукавым, диким звоном.

Шатры стоят. Костры горят.
Легли верблюды. Сумрак бродит.
В каком столетье это, брат,
Такое дело происходит?

При свете гаснувшей зари
Присядь к костру. Они не дети.
У всех оружие — посмотри —
Вполне двадцатого столетья.

Афганистан угрюм и нищ.
Его убогие селенья —
Скопленья глиняных жилищ,
Где нет веселья даже тени.

Чем в скучных селах этих жить
И безнадежно и сурово,
Так лучше уже так бродить,
Чтоб в новом месте вечер новый,

Чтоб в поле не было межи,
Чтоб можно б вольностью упиться,
Чтоб гордых жен без паранджи
Светились бронзовые лица,

Чтоб жить в дороге, налегке,
Блуждать, где ноги захотели,
Чтоб хоть старухой на быке
Вдруг сказка въехала в веселье!

Чтоб скрасить мрак и нищету,
Усталость, темную обиду,
Тяжелой жизни маяту,
Где все так ярко только с виду.

И может красками пленять
В пути с кочевниками встреча,
Но если сердцем их понять,
Их будет жаль по-человечьи.

БАБУЛ

Как только ночь, заботы дня
Ушли, Кабул во тьме слепящей,
А вся гора над ним в огнях —
Там жизнь, там город настоящий.

И вы пройти туда не прочь,
Огни напрасно обещают:
Гирлянды ламп горят всю ночь,
Пустыни камень освещая,

Чтобы кабульцы в темноте
То утешение имели,
Что на пустынной высоте
Горит огонь для высшей цели;

Чтоб тот, кто на гору взглянул,
Поверил верой новосела,
Что будто есть еще Кабул,
Другой — блестящий и веселый.

Из ночи в ночь, утесов всех
Шатая каменные скулы,
Висит беззвучный камня смех,
Светясь над темным сном Кабула.

ВЕЧЕР В ПУТИ

Горы глубоко
В дымном стекле,
Стены без окон
Тают во мгле.

Верблюдов горбы
Неотличимы,
Вместо тропы
Синие дымы.

Кончился шорох
Карагачей,
Сгладились горы,
Исчез ручей.

Вместе уснули
Верблюды, снег,
Дерево, улей
И человек.

Тьму хоть толочь —
Ни огонька.
Как эта ночь
От всего далека!

ДУАБ
(*Два потока*)

День рожденья моего
Приютил Дуаб полночный,
Нет мрачней теснин его
И прелестней, между прочим.

Дичь какая-то вокруг —
Ералаш цветной дивана,
Полутемной лампы круг,
Плов и джина полстакана.

Дым табачный к потолку,
Дверь скрипит, как бы вздыхая,
И буржуйка в уголку,
Где трещит арча сухая.

Чуть поблескивает глянец
Чашек в теплой полутьме,
И у ног сидит афганец
На ковре, в большой чалме.

Мне дарили в дни рожденья,
Как и я дарить был рад,
Вещи разного значенья,
Но сегодня я богат.

Подарили, как сумели,
Чтоб друзей не забывал,

Шикарийское ущелье
И Шибарский перевал.

Чтоб замерзшие потоки,
Голубую седину,
Отогрели эти строки,
В пену юную вернув.

Чтоб сердечно рассказали,
Прилетев издалека,
Как в ночной реке играли,
Словно рыбы, облака.

Чтобы жар тех стен зеленых,
Черно-снежных жил со мной,
С небывалой, раскаленной
И пронзительной луной.

Чтоб всю глушь той ночи тесной
Я до дна бы испытал,
Чтобы красный мост железный
Под стихом прогрохотал.

Чтобы в самых днях жестоких
Голос дружбы не ослаб,
Чтоб врывались снова строки,
Как и мы, в ночной Дуаб.

Нет, дела у нас не плохи
И ночлег у нас не плох!
Мы ведь слуги той эпохи,
Что чудесней всех эпох!

Мы посланцы мира ныне,
И любой из нас готов
Мерзнуть в каменной пустыне,
Согреваться у костров.

Вновь с холодного рассвета
Путь без отдыха вести,
Знамя мира, знамя света,
Коммунизма пронести.

Пронести сквозь вражий, жабий
Визг, сквозь вражий, крабий мрак.
Потому в глухом Дуабе
Наш сегодня бивуак.

Уж плетет кривые басни
Полуночный ералаш,
Кончен плов, и лампа гаснет;
Сидя спит афганец наш.

Уголь в печке краснопенный
Размешав до глубины,
Выхожу за эти стены
В беспощадный мир луны.

Где-то в Бирме джунглей ропот
Партизаны стерегут,
Где-то по тибетским тропам
В эту ночь гонцы идут.

Много в жизни я отведал
И тревоги и забот,
И опять иду по следу,
Что к покою не ведет.

И в раздумье одиноком
Под дуабскою луной
Мне сверкают два потока
Молодою белизной.

Этих вод, мне засиявших,
Для чего мне избегать,
Светлых рук, меня обнявших,
Не хочу я забывать.

А в ущелье воют волки,
Снежный ветер пылью бьет,
И зеленых звезд осколки
В сердце падают мое.

ВОРОТА ИСКАНДЕРА

Нам афганец сказал, показав на громады
Стен, идущих к вершин куполам:
— Эти стены когда-то стояли преградой,
Их Искандер рассек пополам.

Мы не спорим, у нас есть другие заботы,
Мы поверим, что их разрубили сплеча,
И не только вот эти — иные ворота
Рассекала здесь сила меча.

Нам остались на память лазурь и багрянец
Твоих гор, твоей жизни рассказ —
И твою нищету, твои беды, афганец,
Ни один не забудет из нас.

Помни, друг, у тебя мы не сеяли ужас,
Помни: мир мы приносим в твой дом,
Слово дружбы — оно рассекает не хуже
Все преграды, и с ним мы идем!

ОГНИ ТЕРМЕЗА

Барханы там были большие,
Барханы нас просто душили
Текучим холодным песком;
Свистели бичи арбакешей
Над конским мокрым виском,
Визжал арбакеш, словно леший,
Гоня лошадей напролом.

И аспидный сумрак пустыни,
Который все стынет и стынет
И все холодней и пустей —
Возьмет да навстречу и вынет
Такой указатель путей,
Нельзя и придумать простей —
Из серых верблюжьих костей.

И, вторя стенаньям шакальим,
Бежавшим все дале и дале,
Стонали пески голосами,
Какими, не знали мы сами,
И птицы ночные рыдали
Так жалко, что душу всю вынет,
Что ну ее к черту — пустыню!

Уже в темноте на барханах
Шатало коней, словно пьяных;
На гребнях, почти что у цели,
Ремни на упряжках летели,

И, стоя над краем обрыва,
Обрывками старых арканов
Чинили мы их торопливо.

И шли мы, в песке утопая,
И тьма издевалась тупая
То воем, то свистом, как ханы,
Терзавшие пленников тут, —
Казалось, что эти барханы
Нам снятся и, в сны завлекая,
В какие-то дебри ведут.

И вдруг мы проснулись, как дети,
Промчался пустынею ветер,
И лента огней золотых
Открылась с холма над рекою,
Всей тьме этой наперерез,
Полна золотого покоя,
И мы закричали: — Термез!

В нас все, что мы видели, жило:
Природа, которой нет краше,
Народа хорошего горе,
Прибой Аравийского моря.
Но лента огней золотых
Все эти виденья затмила:
Земля наша — родина наша!

...Конец путешествия — всё!

ПОЭМЫ

САМИ

Мариэтте Шагинян.

1

Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стеклом.
Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только Сами не считает человеком.
Смотрит он на него одним глазом,
Никогда не скажет: спасибо.
Сами греет для бритвы ему тазик
И седлает пони для Сагиба.
На пылинку ошибется Сами,—
Сагиб всеведущ, как Вишну,
Бьют по пяткам тогда тростниками
Очень больно и очень слышно.
Но отец у Сами недаром
В Беджапуре был скороходом,—
Ноги мальчика бегут по базарам
Все уверенней год от году.

2

Этот год был очень недобрым:
Круглоухого мышастого пони
Укусила черная кобра,
И злой дух кричал в телефоне.
Раз проснулся Сагиб с рассветом,
Захотел он читать газету,

Гонг надменно сказал об этом,
Только Сами с газетою нету.
И пришлось для бритья ему тазик
Поручить разогреть другому.
И — чего не случилось ни разу —
Мул не кормлен вышел из дому.

3

Через семь дней вернулся Сами,
Как отбитый от стада козленок,
С исцарапанными ногами,
Весь в лохмотьях, от голода тонок.
Синяка круглолобая глыба
Сияла, как на золоте проба.
Один глаз он видел Сагиба,
А теперь он увидел оба.
«Где ты был, павиан бесхвостый?» —
Сагиб раскачался в качалке.
Отвечал ему Сами просто:
«Я боялся зубов твоей палки
И хотел уйти к властелину,
Что браминов и раджей выше, —
Без дорог заблудился в долинах,
Как котенок слепой на крыше».
«Ты рожден, чтобы быть послушным:
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за конюшней,
Я властитель твой, обезьяна!»

4

«Тот, далекий, живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди — Лени¹.
Он дает голодным корочку хлеба,

---

¹ Так индусы произносят имя «Ленин».

Даже волка может сделать человеком,
Он большой Сагиб перед небом
И совсем не дерется стеклом.
Сами — из магратского рода,
Но свой род для него уронит:
Для бритвы будет греть ему воду,
Бегать с почтой, чистить ему пони.
И за службу даст ему Ленни
Столько мудрых советов и рупий,
Как никто не давал во вселенной,—
Сами всех сагибов погубит».

5

«Где слышал ты все это, несчастный?»
Усмехнулся Сами лукаво:
«Там, где белым бывать опасно,
В глубине амритсарских лавок.
У купцов весь мир на ладони:
Они знают все мысли судра,
И почему в Рохилькэнде кони,
И какой этот Ленни мудрый».
«Уходи», — сказал англичанин.
И Сами ушел с победой,
А Сагиб заперся в своей спальне
И не вышел даже к обеду.

6

А Сами стоял на коленях,
Маленький, тихий и строгий,
И молился далекому Ленни,
Непонятному, как иоги,
Что услышал его малые просьбы
В своем городе, до которого птице
Долететь не всегда удалось бы,—
Даже птице быстрее зарницы;
И она б от дождей размокла,

Слон бежал бы и сдох от бега,
И разбилась бы в бурях, как стекла,
Огненная сагибов телега.

7

Так далеко был этот Ленни,
А услышал тотчас же Сами,
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами,
А вскочил легко и проворно,
Точно маслом намазали бедра.
Вечер пролил на стан его черный
Благовоний полные ведра,
Будто снова он родился в Амритсаре —
И на этот раз человеком, —
Никогда его больше не ударит
Злой Сагиб своим жестким стеклом.

1920

КРАСНЫЕ НА АРАКСЕ

1

Зажми слова и шпоры дай им,
Когда, перегибая нрав,
Ты их найдешь, упорств хозяин,
В чужом упорстве прочитай,
В несытой и коричневой
Лавине на горах,
В гремящем пограничнике,
Как молодой Аракс,
Где в звездном косоглазии,
Давясь тишиной,
Предплечья старой Азии
Качались надо мной.

Но как мне в памяти сберечь
За речью двуязычной
Ночь, громадную, как печь,
Зов и запах пограничный:
Он ноздри щекотал коням,
Дразнил разбегом и разбоем,
Грозой белесой оттеня
Степей стодолье голубое.

2

Дороги тут и водятся
Насмешливей ресниц,
У тех дорог не сходятся ль
Хранители границ?

Они ступают бережно,
Чтобы сберечь подошвы,
Легко идя по бережку,
Как шорох самый дошлый.

Где пахнет гостем крепким
Иль контрабандным шагом,
Идут по следу цепью
Скалой и камышами.

Ночь зыбится и стелется
Для всех живых одна —
О шашку храбрость греется,
Как о волну — волна.

Такою ночью сердце вплавь,
А с юга — нам закрытого —
Идут и против всех застав
Храблятся вдруг копыта.

Но лишь подымет берег вой,
Сквозь сломанный ардуч ¹
Махает барс, как шелковый,
Лосняся на ходу.

И вслед его, как серый ком,
Под ветровой удар
Несется круглым кубарем
Пройдоха джанавар ².

Попробуй тропы узкие
Законом завязать —
Далеко видят курдские
Точеные глаза.

И что им часовые?
Как смена чувяков,—
Но красные значки их
Одни страшат кочевников,

---

¹ Ардуч — кустарник.

² Джанавар — волк.

Значки стоят то хмуро,
То пьяно, то нарядно
На вышках Зангезура,
На стенах Ордубада.

И, отступив, номады,
Скача в жару и впроголодь,
Гадают в водопадах
На мясе и на золоте.

Но в пене, в жилах скрученных
И в золоченом поясе
Блеск красный, как ни мучайся,
Он всюду — как ни ройся!

3

Как вымысел ущельем рта
Восходит в песен пламя,
Так Арарата высота
Всходила запросто над нами.

Ровняясь честно на восход,
С ума свергавшей головой
Сиял, как колокол и лед,
Земли бессменный часовой.

Прости, старик, мы пили чай,
Костром утра согрехши плечи,
Садов зеленая свеча —
Лукавый тополь, нас уча,
Шумел на смешанном наречье.

Ступали буйволы с запинкой,
Кувшин наполнился рекой,
Страна камней, как семьянинка,
Оделась в утренний покой.

Кусты здоровались обычно —
Меж них гуляет пограничник.

4

Стан распоясан, ворот расстегнут,
Синий глаз отточен, —
Где же ты, Азия? Азия согнута,
Азия загнана в бочку.

Твои ль глаза узорные
Стоптали кайму свою,
Здесь красные стали дозорными
Народов на краю.

Обгрызли мыши Тегеран.
А где ж была ты, старая?
Моссул ободран, как джейран ¹,
Ступай, ты нам не пара.

За что ходили ноги,
Свистело в головах?
За что патрон в берлогах
До барса доставал?

Багдад — питомец праздный,
Багдад не любит жара
Аракского костра,—

Пляши же, тари ² старая,
Так смейся, тари красная,
Узун-дара! Узун-дара! ³

Нежней луча, ходящего
По заячьим ушам,
Тундырь ⁴ печет прозрачные
Листовки лаваша.

---

¹ Д ж е й р а н — горный козел.

² Т а р и — гитара.

³ У з у н - д а р а — танец.

⁴ Т у н д ы р ь — печь, в которой пекут лаваш (особый хлеб).

Дыня жирная садам
О желтизне кричит сама,
Ты, Азия, дышала нам,
Как сладкая дутма ¹.

Перебирая сквозь очки
Качанье четок и цепей,
Ты клюнешь песен — выпечки
Московских тундырей.

Аракс не верит никому, —
Постой, смиришь обычай,
Так лайся же по-своему,
Пока ты пограничен.

5

Уже звезда, не прогадав,
Вошла в вечернее похмелье,
Работам, пляскам и стадам
Отныне шествовать к постели.

Тропинка в небе с красной кожей
Уже краснеет уже,
Деревья тянутся, похожие
На черный гроб верблюжий.

Одно — двугорбое — во тьму
Входило стройно, без обиды,
Если бы руку пожать ему,
Расцеловать, завидуя, —

Простую тутовую душу,
Рабочих плеч его чертеж,
Сказать: «Барев, энгер ², послушай,
Ты понимаешь, ты не пропадешь!»

---

¹ Дутма — дыня высшего сорта.

² Барев, энгер — здравствуй, товарищ.

Поставь напрямик глаза,
 Заострись, как у рыси мех,
 Под чалмою шипит гюрза¹,
 Под чадрою — измены смех.

Легкий клинка визг,
 Крашенный звон купцов,
 Крылатая мышь задела карниз,—
 Так Азия дышит в лицо.

Неслышно, как в ночь игла,—
 Для иных — чернее чумы,
 Для иных — светлее стекла,—
 Так в Азию входим мы.

Меняя, как тень, наряды,
 Шатая племен кольцо,
 Так дышит снам Шахразады
 Советская ночь в лицо.

Курдский прицел отличен —
 Стоит слова литого,
 Падает пограничник, —
 Выстрел родит другого!

Что в этом толку, курд?
 Слышишь, в Багдаде золото
 Так же поет, как тут,
 Только на ваши головы.

Что же, стреляй! Но дашь
 Промах или вновь не зря,—
 Будешь ты есть лаваш
 Нашего тундыря.

1924

---

¹ Г ю р з а — змея.

КИРОВ С НАМИ

1

Домов затемненных громады
В зловещем подобии сна,
В железных ночах Ленинграда
Осадной поры тишина.
Но тишь разрывается воем,—
Сирены зовут на посты,
И бомбы свистят над Невой,
Огнем обжигая мосты.
Под грохот полночных снарядов,
В полночный воздушный налет,
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
В шинели армейской походной,
Как будто полков впереди,
Идет он тем шагом свободным,
Каким он в сраженья ходил.
Звезда на фуражке алеет,
Горит его взор огневой,
Идет, ленинградцев жалея,
Гордясь их красой боевой.

2

Стоит часовой над водою,
Моряк Ленинград сторожит,
И это лицо молодое
О многом ему говорит.

И он вспоминает матросов
Каспийских своих кораблей,
Что дрались на волжских откосах,
Среди астраханских полей.
И в этом юнце крепкожилом
Такая ж пригожая статья,
Такая ж геройская сила,
Такой же огонь неспроста.
Прожектор из сумрака вырыл
Его бескозырку в огне,
Название победное: «Киров»
Грозой заблестало на ней...

3

Разбиты дома и ограды,
Зияет разрушенный свод,
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
Боец, справедливый и грозный,
По городу тихо идет.
Час поздний, глухой и морозный...
Суровый, как крепость, завод.
Здесь нет перерывов в работе,
Здесь отдых забыли и сон,
Здесь люди в великой заботе,
Лишь в капельках пота висок.
Пусть красное пламя снаряда
Не раз полыхало в цехах,
Работай на совесть, как надо,
Гони и усталость и страх.
Мгновенная оторопь свяжет
Людей, но выходит старик,—
Послушай, что дед этот скажет,
Его неподкупен язык:
«Пусть наши супы водяные,
Пусть хлеб на вес золота стал,
Мы будем стоять, как стальные,
Потом мы успеем устать.

Враг силой не мог нас осилить,
Нас голодом хочет он взять,
Отнять Ленинград у России,
В полон ленинградцев забрать.
Такого вовеки не будет
На невском святом берегу,
Рабочие русские люди
Умрут, не сдадутся врагу.
Мы выкуем фронту обновы,
Мы вражье кольцо разорвем,
Недаром завод наш суровый
Мы Кировским гордо зовем».

4

В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
И сердце прегордое радо,
Что так непреклонен народ,
Что крепки советские люди
На страже родимой земли...
Все ближе удары орудий,
И рядом разрывы легли.
И бомбы ударили рядом,
Дом падает, дымом обвит,
И девушка вместе с отрядом
Бесстрашно на помощь спешит.
Пусть рушатся стены и балки,
Кирпич мимо уха свистит,
Ей собственной жизни не жалко,
Чтоб жизнь тех, зарытых, спасти.
Глаза ее грустны и строги,
Горит молодое лицо,
Ей гвозди впиваются в ноги,
И проволока вьется кольцо.

Но сердце ее непреклонно
И каменно сжаты уста,
Из Кировского района
Прекрасная девушка та.

Вот юность — гроза и отрада,
Такую ничто не берет.
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет...

5

Глашатай советского века,
Трибуном он, воином был
На снежных предгорьях Казбека,
Во мраке подпольной борьбы.
Он помнит кровавые, злые,
В огне астраханские дни,
И ночи степные, кривые,
Как сабли сверкали они.
Так сердцем железным и нежным
Осилил он много дорог,
Сражений, просторов безбрежных,
Опасностей, горя, тревог.
Но всей большевистской душою
Любил он громаду громад
Любовью последней, большою —
Большой трудовой Ленинград.
...Но черные дни набежали,
Ударили свистом свинца,
Здесь люди его провожали,
Как друга, вождя и отца.
И Киров остался меж ними,
Сражаясь, в работе спеша,
Лишь вспомнят могучее имя —
И мужеством крепнет душа.

6

На улицах рвы, баррикады,
Окопы у самых ворот.
В железных ночах Ленинграда
За город он тихо идет.
И видит: взлетают ракеты,

Пожаров ночная заря,
Там вражьи таятся пикеты,
Немецких зверей лагеря.
Там глухо стучат автоматы,
Там вспышки, как всплески ножа,
Там, тускло мерцая, как латы,
Подбитые танки лежат.
Враг к городу рвется со злобой,
Давай ему дом и уют,
Набей пирогами утробу,
Отдай ему дочку свою.
Оружьем обвешан и страшен,
В награбленных женских мехах,
Он рвется с затоптанных пашен
К огням на твоих очагах.
Но путь преградить супостату
Идет наш народ боевой.
Выходит, сжимая гранату,
Старик на сраженье с ордой.
И танки с оснеженной пашни
Уходят тяжелые в бой;
«За родину!» — надпись на башне,
И «Киров» — на башне другой.

7

И в ярости злой канонады
Немецкую гробить орду
В железных ночах Ленинграда
На бой ленинградцы идут.
И красное знамя над ними,
Как знамя победы, встает.
И Кирова грозное имя
Полки ленинградцев ведет!

1941, ноябрь

С Л О В О О 28 Г В А Р Д Е Й Ц А Х

Безграничное снежное поле,
Ходит ветер, поземкой пыля,—
Это русское наше раздолье,
Это вольная наша земля.
И зовется ль оно Куликовым,
Бородинским зовется ль оно,
Или славой овеяно новой,
Словно знамя опять взметено,—
Все равно — оно кровное наше,
Через сердце горит полосой.
Пусть война на нем косит и пашет
Темным танком и пулей косою,
Но героев не сбить на колени,
Во весь рост они встали окрест,
Чтоб остался в сердцах поколений
Дубосекова темный разъезд,
Поле снежное, снежные хлопья
Среди грохота стен огневых,
В одиноком промерзшем окопе
Двадцать восемь гвардейцев родных!

1

Из Казахстана шли бойцы,
Панфилов их привел могучий;
Он бою их учил, как учат
Сынов чапаевцы-отцы.

Учил маневру и удару
Лихих колхозников Талгара,
Казахов из Алма-Ата,
Киргизов и казаков дюжих.
Была учеба не проста:
Кругом бои, пустыня, стужа,
Фашисты рвутся на Москву,
Снега телами устилая,—
Стоит дивизья удалая,
Похожа сила боевая
На тонкой стали тетиву.
Она под опытной рукою
Звенит, натянута, и вдруг
Своей стрелою роковою
Рвет вражьей силы полукруг.

Она, гвардейская восьмая,
Врага уловки понимает.
Стоит, откуда б он ни лез,
На всех путях наперерез.
И не возьмешь ее охватом,
Не обойдешь ее тайком,—
Как будто место то заклято
Огнем, уменьем и штыком.

Герой подтянутый и строгий,
Стоит Панфилов у дороги,
Ему, чапаевцу, видны
В боях окрепшие сыны.
Глядит в обветренные лица,
На поступь твердую полков,
Глаза смеются, он гордится:
«Боец! Он должен быть таков!»

Его боец!.. Пускай атака, -
Пусть рукопашная во рву —
Костью поляжет — и, однако,
Врага не пустит на Москву!

Окоп. Гвардейцев двадцать восемь.
 Сугробов белые ряды.
 По горизонту ветер носит
 Пожаров дальних черный дым.
 Там горе горькое маячит,
 Там песен больше не поют,
 Там хоронятся, стонут, плачут,
 Там подневольный рабский труд.
 Стоят в окопе двадцать восемь
 Под небом диким и седым,
 Глядя, как ветер вдаль уносит
 Пожаров долгих горький дым.

И говорит Кужебергенов
 Дружку Натарову:

«Иван,
 Москвы стоят за нами стены,
 Любимый солнцем Казахстан!
 Там наши девушки хохочут,
 Какие там весною ночи,
 Какие в песнях там слова,
 Какая там в лугах трава!

Я грузчик. Я простой рабочий.
 Я жизнь люблю. Я жил, Иван,
 Но дай сейчас две жизни сразу —
 Не пожалею их в бою,
 Чтоб бить фашистскую заразу
 И мстить за родину свою!
 Смотри, Иван, на эти дымы
 И этот край — наш край любимый!
 Он близок сердцу моему, —
 Как тяжело сейчас ему!
 Стоит на страже под Москвою
 Кужебергенов Даниил:
 Клянусь своею головою
 Сражаться до последних сил!»

И говорит Иван Натаров:
 «Я тоже человек не старей,

Я тоже человек прямой —
Боец дивизии восьмой.
И память — нет, не коротка.
Я помню, как мы ладно жили,
Как мы работали, дружили.
Дни тяжелы у нас пока —
В них тяжесть полного подсумка,
Есть у меня такая думка:
Отец народов там, в Кремле,
Он видит все орлиным оком,
И нету места на земле,
Чтоб было для него далеко.
Он знает все, он помнит всех,
Дивизью нашу помнит тоже
И с нас, гвардейцев, спросит строже,—
Тем будет радостней успех!
«Натаров! — говорю себе,—
Вот ты в окопе с Даниилом
Готов к решительной борьбе,
Ты для нее готовил силы.
Но все мне кажется одно:
Как будто сам великий Сталин
На этот пост меня поставил
Перед Советскою страной,
И мы не посраим восьмой,
Не посраим гвардейской чести,
А час придет — погибнем вместе,
Врага в могилу взяв с собой!»

Окоп. Гвардейцев двадцать восемь.
Здесь каждый вспоминал свое,
Родных, родного неба просинь,
Ее, далекую ее,
Ту девушку, что помнит друга...
Но мысли, сделав четверть круга,
Как сон, что снится наяву,
Все возвращались под Москву.
Сияньем преданности высшей,
Любовью всех окружена,
Она вставала неба выше,
И каждого звала она.

...И тут увидел Добробабин
Меж снежных горок и ухабин
Иную, черную грядку.
«Идут,— сказал, — они идут!»

3

Посланцы ржавой злобы вражьей,
Фашистской детища чумы,
Шли двадцать танков с лязгом тяжким,
Сминая снежные холмы.
Танкист увидел низколобый
Большие белые сугробы,
Окоп, который раздавить
Труда не стоит никакого...

Шли двадцать танков, как быки,
Один другого безобразней,
Из мира каторжной тоски,
Из стран безмолвия и казней.
Шли двадцать танков, как один,
И низколобый паладин
Не об окопе думал ближнем —
О повторении Парижа:
Вино, ночной распутный час,—
Посмотрим, какова Москва там?

И, грохнув, первые гранаты
Порвали гусеницу враз.

4

На русском поле снежном, чистом
Плечо к плечу в смертельный миг
Встал комсомолец с коммунистом
И непартийный большевик.
Гвардейцы! Братьев двадцать восемь!
И с ними вместе верный друг,
С гранатой руку он заносит —

Клочков Василий, политрук,
Он был в бою — в своей стихии...
Нам — старший брат, врагу — гроза.
«Он дие, дие, вечно дие»,—
Боец-украинец сказал,
Что значит: вечно он в работе.
В том слове правда горяча,
Он Диевым не только в роте,—
В полку стал зваться в добрый час.

И вот сейчас Василий Диев
С бойцами примет смертный бой,
Он с ними вместе, впереди их
Перед грохочущей судьбой.

«Ну что тут, танков два десятка,
На брата меньше, чем один»,—
Он говорил не для порядка,
Он видел подвиг впереди.

Хвала и честь политрукам,
Ведущим армию к победе,
В бою, в походе и в беседе
Сердца бойцов открыты вам.

Пускай цитаты на уме,
Но правда, правда в самом главном,—
В живом примере, а пример,
Живой пример — сей бой неравным!

5

Тяжелой башни поворот —
И танк по снегу без дороги,
Как разъяренный бык, идет,
Тупой, железный, однорогий.
Не побледнел пред ним боец —
Лишь на висках набухли жилки,
И — однорогому конец:
С горючим падают бутылки.

Прозрачным пламенем одет,
Как бык с разрубленною шеей,
Он издыхает, черный бред,
Пред неприступною траншеей.
На бронебойных пуль удар —
Удары пушек, дым и стоны,
Бутылок звон. И вновь пожар
И грохот танков ослепленных,
И танки на дыбы встают
И с хрипом кружатся на месте,—
Они от смерти не уйдут,
Они закляты клятвой мести.
Смотри, родная сторона,
Как бьются братьев двадцать восемь!
Смерть удивленно их уносит:
Таких не видела она.
И стих обуглится простой
От раскаленной этой мощи,
Пред этой простотой святой,
Что всяких сложных истин проще.

И слабость моего стиха
Не передаст того, что было.
Но как бы песня ни глуха,—
Она великому служила!

Часы идут. В крови снега.
Гвардеец видит, умирая,
Недвижный, мертвый танк врага
И новый танк, что стал, пылая.

Нет Добробабина уже,
Убит Трофимов и Касаев,—
Но бой кипит на рубеже,
Гвардейский пыл не угасает.
Убит Шемякин и Емцов,
И видит, падая, Петренко:
Среди железных мертвецов
Дымятся новых танков стенки.

Снарядный грохот стон глушит,
И дым течет в снегах рекою,—

Уже четырнадцать машин
Гвардейской сломаны рукою.

И страшный новый гул один,
Не схожий с гулом бьющей стали,
Со снежных стелется равнин,
Идет из самой дальней дали.
И тихий голос в нем звучит:
«Кто, как они, не может биться,—
Пусть тоже подвиги вершит,
Которым можно подивиться».

Героя миги сочтены,
Но в сердце входит гул огромный:
То руки верные страны
В забоях рушат уголь скромный,
То гул неисчислимых стад,
То гул путины небывалой,
То стали льется водопад
В искусной кузнице Урала;
Станиц казахских трактора
Идут в поля с веселым гулом,
Гудит высокая гора
Трубой заводской над аулом.

И слился мирный гул работ
С непревзойденным гулом боя,
Как перекличка двух высот,
Перепоясанных грозюю.

6

Глядит Клочков: конец когда же?
И видит в дымном полусне,
Как новых тридцать танков тяжко
Идут, размалывая снег.

И Бондаренко, что когда-то
Клочкова Диевым назвал,
Сказал ему сейчас, как брату,
Смотря в усталые глаза:

«Дай обниму тебя я, Диев!
Одной рукой могу обнять,
Другую пулей враг отметил». —
И политрук ему ответил,
Сказал он:
«Велика Россия,
А некуда нам отступить,
Там, позади, Москва!..»

В окопе
Все обнялись, как с братом брат, —
В окопе снег, и кровь, и копоть,
Соломы тлеющий накат.
Шли тридцать танков, полны злобы,
И видел новый низколобый
Сожженных танков мертвый ряд.
Он стал считать — со счета сбился,
Он видел: этот ряд разбился
О сталь невидимых преград.
Тут нет ни надолб, ни ежей,
Ни рвов, ни мин, ни пушек метких,
И он в своей железной клетке
Не видел одного — людей!
Спеша в Москву на пир богатый,
Навел он пушку, дал он газ, —
И вновь гвардейские гранаты
Порвали гусеницу враз.
И видит немец низколобый:
Встают из снега, как из гроба,
Бойцы в дыму, в крови, в грязи,
Глаза блистают, руки сжаты,
Как будто бы на каждом латы
Из сплава чудного горят.
Летят последние гранаты,
Огонь бутылочный скользит.

Уже вечерняя заря
Румянцем слабым поле метит,
И в тихом сумеречном свете —
Достойно — так же, как и жил, —
Кужебергенов Даниил,

Гранат последнее сцепленье
Последним взрывом разрядив,
Идет на танк, дыша презреньем,
Скрестивши руки на груди,
Как будто хочет грузчик грозный
Схватить быка за черный рог.
С ним вместе гаснет день морозный,
Склоняясь у ночи на порог.
...Нет Бондаренко, а Натаров
Лежит в крови, упал Клочков...

Пока все поле в сизом дыме,
Раскрой страницы книги старой
И гвардию большевиков
Сравни с гвардейцами иными.

Увидишь синие каре
Наполеоновой пехоты,
Где офицеры в серебре,
В медвежьих шапках гибнут роты.
Ваграм с убийственным огнем,
И Лейпциг — день железной лавы,
И Ватерлоо в резне кровавой,—
Вам не сравниться с этим днем
Гвардейской русской нашей славы!
Переверни еще листы,—
Увидишь Торрес-Ведрас ты,
Красномундирные колонны
И с пиренейской высоты
Солдат бывалых Веллингтона.
Нет, нет, они дрались не так,—
Чтоб до последнего, чтоб каждый
С неотвратимой силой жаждал
Врага в могилу взять с собой,
Чтоб смерть играла им отбой!
Ни Гинденбурга гренадер
В болотной Фландрии воде,
Ни люди Марны и Вердена,—
Гвардейцы всех времен вселенной,
Вы не сравнитесь никогда
С советским богатырским парнем!

И нашей гвардии звезда
Всех ваших гвардий лучезарней.
Ну, где у вас такой окоп?
И где такие двадцать восемь?
Здесь танк, уткнувшийся в сугроб,
У мертвецов пощады просит!

7

Стемнело в поле боевом,
Лежит израненный Натаров,
И Диев жадно дышит ртом,
И шепчет он с последним жаром:
«Брат, помираем... вспомнят нас
Когда-нибудь... Поведай нашим,
Коль будешь жив...»

И звук погас,
Как гаснет искра среди пашен.

И умер Диев в поле том,
В родном, широком, белоснежном,
Где под ночной земли пластом
Зерно сияло блеском нежным.

Колосья летом зазвенят,—
Полей колхозная отрада.
Спи, Диев! Все солдаты спят,
Когда исполнили, что надо.

Уж вьюга поле бороздит,
Как будто ей в просторе тесно.
Лежит Натаров, он не спит
И все же видит сон чудесный:

Как будто с вьюгой он летит.
И голосов полна та вьюга.
То политрук с ним говорит,
То слышит Данила-друга.

А вьюга кружит по стране,
По городам, по селам вьется,
И, как бывает лишь во сне,
Он слышит голос полководца:

«Натаров, доблестный стрелок,
Сейчас лежишь ты, холодея,
Но ты сражался так, как мог
Сражаться истинный гвардеец!..»

И плачет радостно Иван
И снова с вьюгой дальше мчится.
Он видит яркий Казахстан,
Хребты, и степи, и станицы.

Он слышит песню, молвит он:
«Полна та песня славы гула,
О ком она?» Он поражен:
О нем поют уста Джамбула.
Поют о двадцати восьми,
Поют о доблести и долге,
И песнь живет между людьми
Над Сыр-Дарьей, Курой, над Волгой.
Он входит в Красную Москву.
Еще не смог он удивиться,—
Как сон исчез, и наяву
Над ним видны родные лица,
Красноармейских шапок ряд,
Бойцы с ним тихо говорят
И перевязывают раны...

А дальше: вьюги новый плен,
Но это вьюга белых стен,
Простынь, халатов лазаретных.

И шепчет он рассказ заветный
О всех товарищах своих,
О жизни их, о смерти их,
О силе грозной их ударов...
Сказал — задумался, затих...
Так умер наш Иван Натаров!

Нет, героев не сбить на колени,
Во весь рост они стали окрест,
Чтоб остался в сердцах поколений
Дубосекова темный разъезд,
Поле снежное, снежные хлопья
Среди грохота степ огневых,
В одиноком промерзшем окопе
Двадцать восемь гвардейцев родных!

1942, март

НОЧЬ В СМОЛЬНОМ

Та ночь была осады ночь глухая,
Простор во тьму зарыт.
И только в Смольном свет, не потухая,
Горел всю ночь, за маскировкой скрыт.
Холодные, пустые коридоры,
Да часовых шаги,
Да карт штабных неторопливый шорох,
А за стеной — тяжелый свист пурги.

Последние часы перед рассветом,
Когда усталость ломит синь висков,
Когда под лампы беспощадным светом
Чернеют жестко строки рапортов,
Где смерть глядит из цифр, встающих круто,
Пожаров дым восходит к небесам,
И хочется тогда хоть на минуту
Закрыть глаза, чтоб отдохнуть глазам.

Но только он закрыл глаза, как ожил
Весь Ленинград и весь прошел пред ним,
На музыку ночной пурги положен,
Окрашен глухо заревом ночным.

Шли улицы с разбитыми домами,
В сугробах до второго этажа,
Тень баррикад и поседевший камень
Ограды, где пробоина свежа.

Шли площади, друг друга обгоняя,
Заводы шли в своем бою ночном,
Где, мертвого товарища сменяя,
Вставал рабочий в цехе ледяном.

Кровь на снегу... Людей суровых лица,
Работающих в страшной тишине,
Людей, чье сердце не устало биться,
Хоть бьется уж с бессмертьем наравне;
Шоферов небывалой в мире трассы,
Подводников, ломавших мин капкан,
Советского немислимого асса,
Что сквозь пургу шел ночью на таран,
И снайпера, что там, в окопной стуже,
Без промаха стрелял в сто первый раз,
Что получил почетное оружие,
И только с жизнью он его отдаст.

И в Смольном люди безо дня и ночи
Ведут работу сутки напролет...
Пурга, хрипя, не нам конец пророчит,—
Она врагу о гибели орет.
Какое имя силе небывалой,
Что перед ней бессилен этот ад
И голода, и стужи, и металла,
Летящего сейчас на Ленинград?
И Жданов слушал, как пурга густая
Гудит, летя из ночи пустыря...
Ему доверил ленинградцев Сталин,
Защиту колыбели Октября.

С той осени, когда земля замкнулась
Кольцом огня, чтоб город задушить,
Когда душа под силой бед согнулась
И распрямилась, гибель сокрушив,—
Все знали — он одной лишь клятвой дышит:
Враг не пройдет — обуглится в огне,
Партийной чести нет на свете выше
И воли большевистской нет сильней.

Таких ночей пройдет еще немало,
От них седеет волос на висках...

...Он ехал поздно. Темная стояла
Громада в ночи ледяных тисках.
Над площадью пред ним неизмеримый
Тот Зимний, тот, который в Октябре...
И он не мог проехать просто мимо,
И вышел из машины...

В серебре
Темнел дворец, что возвышался датой,
С которой человечество ведет
Свой новый счет,— в нем Ленинград вожатый,
Шел нашей эры двадцать пятый год.

И в памяти над площадью морозной
Слова блистали, кровью сердца вспенены:
«Пусть осенит вас победоносное
Знамя великого Ленина!»

...Вновь Смольный был тем кораблем, который
Как флагман вел эскадру за собой,
И Жданов шел по гулким коридорам,
Хранившим чуткий фронтовой покой.
Еще по снегу кралась ночи тени,
Едва дымилась зимняя заря,
И он вошел в ту комнату, где Ленин
Жил в первый год священный Октября.
Здесь все дышало строгой, мудрой силой,
И даль времен в ночной вернулась мгле,
Как будто только приняла Россия
Декреты те о мире и земле.
Как будто Сталин сам под эти своды
Сейчас входил, и Ленин с ним вдвоем
Решал судьбу бесчисленных народов
Земли родной за этим вот столом.

И ходоки с Урала, из Сибири,
Закончивши беседу с Ильичем,
Его слова в свои родные шири
Несли в сердцах, где сила бьет ключом.
И увозя с собой заданий груды
И выслушавши ленинский наказ,

Как будто бы лишь час назад отсюда
Уехал Киров к горцам на Кавказ.

И, возвышаясь над горами тягот
Тех первых дней, тяжелых, как гранит,
Словами, что в основу жизни лягут,
Об Октябре сам Ленин говорит.

И ловят жадно — речь огнем ложится —
Его слова, движение руки
Красногвардейцы с пулковских позиций,
Путиловцы, солдаты, моряки.

Неутомимый, щедрый, добрый гений
Судьбу вселенной здесь определил,
Как верил он — стратег победы Ленин —
В непобедимость большевистских сил.
Отсюда всей земли ему просторы
Открыты были — горному орлу,
И видел он проникновенным взором
Сквозь всей борьбы пороховую мглу.

И, партией бессмертною хранимы,
Прошли народы долгий, грозный путь,
Сквозь беды все, сквозь всех сражений дымы,
Чтоб коммунизма знамя развернуть.

А сколько раз в конце бессонной ночи
Он здесь стоял и думал у окна,
Как Петроград подымется рабочий,
Могучая подымется страна.
Он говорил тогда о петроградцах:
«Всех больше они тяготы несут,
И всюду там, где нужно снова драться,
Не унывают, в битвах не сдают.
И, закаленные, находят снова силы,
Они у нас передовой отряд
И превосходный...»

        Так оно и было,
Так рос, и креп, и вырос Ленинград!
И если трудно нынче ленинградцам,

Не легче было в Петрограде том
Ломать врага, без устали сражаться
Под знаменем, взметенным Октябрем.
Вновь ленинградцы с этим стягом встали,
Метет в глаза им смертная пурга,
Вновь чертит план в ночах бессонных Сталин —
Под Ленинградом разгромить врага...
И Жданов знал, что Сталина заданье
Он выполнит железом и огнем,
Он чувствовал в рассвета полыханье,
Как сердце наполняется теплом
И как уже усталости не стало,
Как будто прикоснулся к роднику,
Где чистая прохлада освежала,
Откуда реки в целый мир текут.

Уже рассвет в белесый снег вращает...
И Ленинграду видится Москва
И тишина...— У аппарата Сталин!
Сжигая ночь, идут его слова.
«Как Ладога? И как у вас погода?»—
«Пурга метет, но транспорты идут,
По Кировскому немцы бьют заводу,
Рабочие не прекращают труд...»
Слова летят над мерзлым темным полем,
Над мертвым лесом, в предрассветной мгле
И под огнем кинжальным и продольным,
И нету им преграды на земле.
Как бодрствовал великий Ленин в Смольном,
Великий Сталин бодрствует в Кремле.

...Оконные раздвинуты портьеры,
Восходит солнце. В комнате светло,
А над Невой струится сумрак серый,
В алмазах льда замерзшее стекло.

И Смольный снова поднимает стены
Навстречу бою, как и тот завод,
Где кончены уже ночные смены
И новый танк выходит из ворот.
И Жданов видел в этот час рассвета,

Как Ладогой идут грузовики,
Водители, как в шубу, в лед одеты,
Им от руля не оторвать руки,
Как, всплесками мотора полыхая,
Летит корабль — передний край бомбить,
Как девочка строгаёт, задыхаясь,
Лучину, чтобы печку растопить,
Как тот солдат, кому вручал оружие,
Нажал на спуск в сугробе ледяном, —
И сто второй лежит в кровавой луже,
Упав на снег с растерянным лицом,
Как пушкари, орудия громаду
Нацелив, дот разносят на куски,
Как новый день высокий Ленинграда,
Геройский день творят большевики.

Так просыпался новый день сраженья,
Так просыпалась новая заря,
Отметив сердца тайное движенье,
Вставал день двадцать первый января...

...Мы ленинское знамя проносили,
В огне боев решая смертный спор,
Нас Сталин вел наперекор стихиям,
И всем преградам вел наперекор!
Всею правдой большевистскою владея,
Мы в прах сотрем любой вторжение тьмы,
На свете нет и не было сильнее
Вот этой правды. Ею жили мы!

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
------------------------------	---

ЖИЗНЬ ПОД ЗВЕЗДАМИ

(Из походной тетради)

Другу	17
Раненый	18
В опере в Риге	19
Дозор на побережье	20
«Котелок меня по боку хлопал»	21
Рига	22
Атака под Роденпойсом	24
«Базара пустынные камни»	25
«Почему душа не под копытами»	26
Смерть друга	27
Замок Вольмарсгоф	28
«Я забыт в этом мире покоем»	29

ОРДА

«Праздничный, веселый, бесноватый»	33
«Огонь, веревка, пуля и топор»	34
«Над зеленою гимнастеркой»	35
«Посмотри на ненужные доски»	36
«Когда уйду,— совсем согнетса мать»	37
Свифт	38

«Полюбила меня не любовью»	40
«Длинный путь. Он много крови выпил»	41

БРАГА

Перекоп	45
Баллада о синем пакете	47
Баллада о гвоздях	50
Песня об отпускном солдате	51
Афганская баллада	53
«Не заглушить, не вытоптать года»	56
«Потным штыком банку пробил»	57
«Еще в небе предутреннем и горбатым»	58
Человек с севера	59
«Я одержимый дикарь, я гол»	60
Лодка	61
Смерть бойца	62
Армения	63

ПОИСКИ ГЕРОЯ

В Карелии	67
Финский праздник	69
Поиски героя	71
Ночь президента	75
Индийский сон	77
Америка	80
Гулливер играет в карты	83
Избиение трутней	85
Дождь	87
«И мох и треск в гербах седых»	88
Сага о журналисте	89
Осень в Латвии 1917 года	90
Равновесие	92
Повсюду раннее утро	94

Ю Р Г А

Ворота Гаудана	99
Люди Ширама	101
Весна в Дейнау, или ночная пахота тракторами Баллис	103
Искатели воды	105
Ущелье Ай-Дэрэ	107
Подражание туркменскому	109
Старый ковер	110
Аму-Дарья	111
Прощание с омачом	113
Шакал	114
Тигриный чай	117

СТИХИ О КАХЕТИИ

Гомборы	123
Джугань	125
Цинандали	126
Охотник	128
Ночной праздник в Алла-Верды	129
«Я, как лезгин, смотрел с заветной кручи»	133
Смерть	135
Шофер	136
Башни Сигнаха	137

ТЕНЬ ДРУГА

Тень друга	143
----------------------	-----

«ВСЕ — КАК НАЧАЛО ПОВЕСТИ»

Воскресенье в Польше	146
Вена	148
Сорок семь	150
Молодой подпольщик	154

ПАРИЖСКАЯ ТЕТРАДЬ

«Плывет над площадью пустой»	156
Статуя Самофракийской победы	158
Бют-Шомон	161
14 июля 1935 года	163
Канун праздника	163
Площадь Бастилии	164
Размышления	165
Снова вечер	167
Переулоч Кота-рыболова	168
На Верденских холмах (<i>Форт Дусмон</i>)	170

БЕЛЬГИЙСКИЕ ПЕЙЗАЖИ

Дорога из Брюгге в Менен	173
Гора Де-Ка	175
Розы Фландрии	177
Зеебрюгге	179

АНГЛИЙСКИЕ НОЧИ

В Ламанше	181
Народные пляски в Гайд-парке	183
Ночь Лондона. Доки	185

МОРЕ

У маяка (<i>Северное море</i>)	186
«Вот птица — нет ее свежей»	188
Мы идем Кильским каналом	190

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Лопман	192
Возвращение	194
Противогаз	195

ЧУДЕСНАЯ ТРЕВОГА

Кувшин	201
«Уедешь ты к оливковым»	203
Раннее утро	204
«Был майский день, но ветер шел с залива»	206
«Как след весла, от берега ушедший»	207
Сентябрь	208
Хоровод в Сульдуси	209
«Стих может заболеть»	210
«Там генцианы синие в лугах»	211
«Твой день в пути извилистом»	212
«Я люблю тебя той — без прически»	213
«И встанет день, как дым, стеной»	215
«Мой город так помолодел»	216
«Вокзалы, всё вокзалы — ожиданья»	217
«Ты не думай о том, как тоскую я в городе зимнем»	218
Из Антонио Мачадо	219
«Хочу, чтоб стих был тонок, словно шелк»	220
Однажды летом	221
Над финским озером	222
«Никаких не желаю иллюзий взамен»	223
«Пусть серый шлак»	224

ГОРЫ

«Крутой тропюю — не ленист»	227
«Я снова посетил Донгузорун»	228
Эльбрус с Бечасына	229
Верхний Хулам	230
Ручей	231
«Горных рек нескончаемый гул»	232
«Женщина в дверях стояла»	233
Гуниб	235
Женщины Куруша	236

Первый снег	238
«Он — альпинист и умирал в постели»	240
«Если можно было бы смерть выбирать»	242
Горец	243
Альпинисты	244
Испанцы отступили за Пиренеи	246
Серго в горах	247
«Давайте бросим пеший быт»	249

НУМАНСИЯ

Нумансия	253
--------------------	-----

ПАЛАТКА ПОД ВЫБОРГОМ

Палатка под Выборгом	271
Саволакский егерь	273
Памяти Пьянкова	274
«Мерзлый вереск, мерзлый вереск»	276
Мыза Хумала	277
Танкисты	278
Лыжники-разведчики	283
Подвиг Кучерова	286
Конец войны	290

ОСЕННИЕ ПРОГУЛКИ

«Я хочу, чтоб в это лето»	293
Рисунок	294
Ночь	295
«Проходят буря, и чума»	296
«Каких рассказов вас потешить»	297
Возвращение в город	298
Письмо	299
«На водяных полянах»	300

«Где-то в душном Камеруне»	301
«На улице, как на поляне»	302
«Рассказы все рассказаны»	303
«Давно такой хорошей осени»	304
Неле	305
«В бессоннице лондонских комнат»	307

ОГНЕННЫЙ ГОД

Красная Армия	311
Наш город	312
1919—1941	314
«Патрульная птица выходит из облака»	316
Два богатыря	318
Ленинское знамя	320
«Растет, шумит тот вихрь народной славы»	322
Ленин	324
Двадцать третье февраля	325
Мальчики	327
Баллада о трех коммунистах	330
«В разгаре ярая зима»	333
Три кубка	335

ГРУЗИНСКАЯ ВЕСНА

ГРУЗИНСКАЯ ВЕСНА

Майское утро	339
Руки сборщицы чая	342
На Храме	343
Сны Аспиндзы	345
Домик в Гори	348
Рустави	350
Умирающий бамбук	353
Кáда	355

Песня о дружбе	357
Перед ночной Арагвой	359

СТИХИ О ТБИЛИСИ

«Что там ни говори»	361
«А сколько, Тбилиси, тебя воспевало»	362
«Над Тбилиси шум рабочий»	364
«Мне кажется, что я встречался с ним»	366
Срез стены Кошуети	368

РАДУГА В САГУРАМО

Радуга в Сагурамо	369
«Ломаются и хрипнут голоса»	370
На горе Зедазени	371
«Представить не могу Кахетин»	372
Цхнети осенью 1939 года	374
Абхазский пейзаж	376
Санчарский перевал	377

ГОРЫ

«Я знаю Грузию такую»	379
Киров на Казбеке	380
«В Бечо меня голод замучил»	385
Александра Джапаридзе на Ушбе	386
Неизвестному товарищу	390

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

1

Советский флаг	395
Переключка героев	396
Когда весь город празднично одет	398
Полюс наш	401

Петроград 1919	402
1. Часовой	402
2. Враги	403
3. Англичане	404
4. Город. Ночи обороны	405
5. Бой	406
«И о битве ночной и о желтом враге его»	409
Воспоминание красноармейца XI армии	410
«Пятнадцать лет тому назад»	415
Комсомольская ода	416
Заздравный тост	419

II

«По духу, и по сердцу, и по праву»	422
«Как будто осветила вдруг гроза»	423
Пушкину	424
Песни альпинистов	426
Пабло Неруда	429
Над Цимлянским морем	431
Бессмертье	433
Украина	434
Слово на Тарасовой горе в Каневе	436

НА ВТОРОМ ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ МИРА

Во имя лучших радостей на свете	441
Говорит Го Мо-жо	442
Рубашка	443
Флаг	444
Американская история, рассказанная на конгрессе	446
Пак Ден Ай	448
Делегат	450
Варшава	452

ДВА ПОТОКА

(Стихи о Пакистане и Афганистане)

Мы летим через Гиндукуш	457
В Хайберском проходе	459
Форт Джамруд	462
Инд	464
Холмы за Равальпинди	465
Зебу	469
Богач	470
Бычок (<i>У большой дороги</i>)	471
Друзья	472
Коробка сигарет	476
Другу	479
Святой человек	480
Сон	482
Песни	483
В рабочем квартале в Лахоре	485
Лирическое	487
Чили (<i>Коршуны</i>)	489
Два блюда из Дакки (<i>Пакистанская песенка</i>)	492
На митинге в деревне	494
Птицы	495
Тонга	496
Встреча в Читтагонге	497
Утро	499
Джалалабад	500
Кочевники-патаны	501
Кабул	505
Вечер в пути	506
Дуаб (<i>Два потока</i>)	507
Ворота Искандера	510
Огни Термеза	511

П О Э М Ы

Сами	515
Красные на Араксе	519
Киров с нами	525
Слово о 28 гвардейцах	530
Ночь в Смольном	543

Редактор Э. Кондратьева
Художник И. Николаевцев
Худож. редактор Г. Кудрявцев
Технич. редактор Г. Каукина
Корректор Е. Лаптева

•

*Сдано в набор 20/XI 1954 г. Подписано
к печати 15/II 1955 г. А00454. Бумага
84 × 108¹/₂ = 35 печ. л. — 28,7 усл. печ. л.
16,65 уч.-изд. л. + I вкл. = 16,7.
Тираж 75 000 экз. Заказ № 2005.
Цена 10 р. 10 к.*

Гослитиздат. Москва, Н.-Басманная, 19.

•

*Министерство культуры СССР
Главное управление полиграфической
промышленности. Первая Образцовая
типография имени А. А. Жданова
Москва, Ж-54, Виловая, 28.*